

ISSN 2414-5815

ПРАВОВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 2 (14)

2019
Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2019 № 2(14)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахменок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 10.06.2019 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,44.
Тираж 100 экз. Заказ 60.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Сухарев А.А.** Виртуальная среда как фактор имплицитной социализации несовершеннолетних (психолого-криминологический аспект) 3
- Гаврилов В.Н.** Наследование аккаунтов в социальной сети 11
- Самбор Н.А.** Право на свободу мирных собраний в конституционных нормах государств мира 15

Э К О Н О М И К А

- Золотарева О.А., Минченко А.А.** Финансовая глубина экономики . 23
- Орешенков А.А.** Исторические факторы роста народонаселения в западноевропейском регионе в XVI–XIX вв. и оценка перспектив этого процесса в мире эпохи конвергенции 33
- Побяржина Т.П., Морозова В.Ю.** Тенденции развития мясоперерабатывающей отрасли в Республике Беларусь 45
- Усоский В.Н.** Эволюция системы золотого стандарта и создание системы фидуциарного стандарта 51
- Янчук В.А.** Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия 60

П С И Х О Л О Г И Я

- Богомаз С.Л., Забавская А.В., Рудко Е.А.** Жизненная удовлетворенность как индикатор уровня личностной адаптивности инвалидов по психическим заболеваниям в условиях психоневрологического интерната 69
- Косаревская Т.Е., Добрянская Л.Л.** Психологические факторы стрессоустойчивости в раннем юношеском возрасте 74
- Молчанова Н.В.** Влияние эмоциональной эффективности в общении на выбор помощи при разрешении конфликта в юношеском возрасте 80
- Соколович Е.А.** Феномен перфекционизма в психологической науке 85
- Стреленко А.А., Киселёва М.М.** Использование юмора в деятельности медицинских работников 91

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2019 № 2(14)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:
V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilievich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Signed print 10.06.2019. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 11,63. Publisher's sheet 10,44.
Circulation 100 copies. Order 60.

Publisher and printing performance –
educational establishment “Vitebsk State
P.M. Masherov University”. 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

- Sukharev A.A.** Virtual Environment as a Factor of Implicit Adolescent Socialization (Psychological and Criminological Aspects) 3
Gavrilov V.N. Inheritance of Social Network Accounts 11
Sambor N.A. The Right for Freedom of Peaceful Assembly in the Constitutional Norms of the States of the World 15

E C O N O M I C S

- Zolotareva O.A., Minchenko A.A.** Financial Depth of the Economy ... 23
Oreshenkov A.A. Historical Factors of Population Growth in the Western European Region in the XVI–XIX Centuries and an Assessment of the Prospects of this Process in the World of the Convergence Era 33
Pabiarzhina T.P., Morozova V.Yu. Trends in the Development of the Meat Processing Industry in the Republic of Belarus 45
Usosky V.N. The Evolution of the Gold Standard System and Creation of Fiduciary Standard System 51
Yanchuk V.A. Reintegration of the Republic of Belarus and the Russian Federation in a Union State: the Stages and Contradictions of Political and Economic Cooperation 60

P S Y C H O L O G Y

- Bogomaz S.L., Zabavskaya A.V., Rudko E.A.** Life Satisfaction as an Indicator of the Level of Personal Adaptability of People with Mental Illness in a Psychoneurological Boarding Home for the Elderly and the Disabled 69
Kosarevskaya T.E., Dobrianskaya L.L. Psychological Factors of Adolescent Stress Resistance 74
Molchanova N.V. Influence of Emotional Efficiency in Communication on the Choice of Assistance in Adolescent Conflict Resolution 80
Sokolovich E.A. The Phenomenon of Perfectionism in Psychological Science 85
Strelenko A.A., Kiseleva M.M. The Use of Humor in Medical Work .. 91

Виртуальная среда как фактор имплицитной социализации несовершеннолетних (психолого-криминологический аспект)

Сухарев А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Появление интернета и других сетевых систем обусловило образование нового института социализации – интернет-социализации. Социализация несовершеннолетних в социальных сетях в значительной степени представляет имплицитную модель. Это привносит новое содержание и формы в механизмы внутрисоциального взаимодействия, создания и функционирования референтных групп.

Цель данной работы – определить значение виртуальной среды в механизме имплицитной социализации, установить влияние имплицитной составляющей на формирование виктимного поведения несовершеннолетних.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные концепции социализации молодежи, в том числе правовой, в условиях виртуальной среды, представленные в отечественных и зарубежных трудах. Изучение психолого-криминологического содержания контента виртуальной среды потребовало использования логического метода, метода системного анализа, синтеза, обобщения, статистики, интервью.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются особенности механизма имплицитной социализации. Анализируются риски и угрозы со стороны имплицитной информации: формирование у подростков криминогенного поведения, личностной виктимности, интернет-аддикции.

Имплицитность информации в интернете, социальных сетях зачастую проявляется в виде подтекста контента как нечто подразумевающееся, требующее домысливания пользователем. Осмысление завуалированной информации в подростковом возрасте в значительной мере детерминировано личностной незрелостью, конформностью, неспособностью во многих случаях адекватно принять решения в ситуациях выбора и неопределенности. Анонимность общения в интернете снижает возможности родительского контроля, создает условия для распространения негативных форм общения: груминга, флейминга, кибербуллинга, кибертроллинга.

Заключение. С целью обеспечения безопасного виртуального пространства для несовершеннолетних государственным и общественным институтам, осуществляющим социальный и правовой контроль, необходимо руководствоваться Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, своевременно информировать пользователей о рисках и угрозах, способствовать наполнению интернета позитивным содержанием.

Ключевые слова: имплицитная социализация, виртуальное пространство, анонимность общения, интернет-аддикция, имплицитная информация, сетевая культура, контент, виктимное поведение, референтные группы, социальный контроль.

Virtual Environment as a Factor of Implicit Adolescent Socialization (Psychological and Criminological Aspects)

Sukharev A.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The emergence of the Internet and other network systems has led to the formation of a new institution of socialization – Internet socialization. Socialization of minors in social networks is largely an implicit model. This introduces new content and forms into the mechanisms of intra-social interaction; creation and operation of reference groups.

The purpose of this work is to determine the value of the virtual environment in the mechanism of implicit socialization, to establish the influence of the implicit component on the formation of victimization behavior of minors.

Material and methods. The scientific concepts of socialization of young people, including legal ones, in the conditions of the virtual environment, presented in domestic and foreign studies was the research material. The study of the psychological and criminological content of the content of the virtual environment required the use of the logical method, the method of system analysis, synthesis, statistics, and interviews.

Findings and their discussion. The article discusses the features of the mechanism of implicit socialization. The risks and threats from the implicit information are analyzed: the formation of adolescents' criminogenic behavior, personal victimization, Internet addiction.

The implicitness of information on the Internet, social networks is often manifested in the form of subtext content, as something implied, requiring the user to think about it. Understanding of veiled information in adolescence is largely determined by personal immaturity, conformity, and the ability, in many cases, to make adequate decisions in situations of choice and uncertainty. Anonymity of communication on the Internet reduces the possibilities of parental control, creates conditions for the spread of negative forms of communication: grooming, flaming, cyber bullying, cyber-trolling.

Conclusion. In order to ensure safe virtual space for minors, state and public institutions exercising social and legal control should be guided by the Information Security Concept of the Republic of Belarus, timely inform users about risks and threats, contribute to filling the Internet with positive content.

Key words: implicit socialization, virtual space, anonymity of communication, Internet addiction, implicit information, network culture, content, victim behavior, reference groups, social control.

Появление интернета не только обеспечило общедоступность информации, создало условия для наиболее полного использования ее познавательного, экономического и политического потенциалов, но и обусловило возможность активно участвовать в перемещении и преобразовании информационных потоков, осуществлять персонализацию и расширять границы самоидентификации.

Интернет и информационно-коммуникативные технологии формируют у людей новые представления о моделях построения социального общества, определяют стратегию построения социальных отношений [1, с. 3]. В то же время онлайн-социальные сети в последнее время все чаще являются средствами и объектами информационного манипулирования и противоборства помимо основных функций получения информации, общения, обмена мнениями.

Возникновение компьютерной виртуальной среды в сущности обусловило образование нового института социализации, интернет-социализации, который значительно потеснил такие традиционные институты, как семья, школа, религия.

Вместе с тем в «Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» подчеркивается, что трансформация социума в информационное общество создает новые вызовы, риски и угрозы для информационного пространства, информационных систем и ресурсов [2]. В данном контексте виртуальная среда оказывает значительное влияние на социализацию несовершеннолетних и обуславливает ее имплицитный характер.

Практика свидетельствует, что отсутствие должной системы социального контроля в сфере компьютерной информации приводит к снижению уровня правовой культуры подростков, возрастанию их личностной виктимности.

Цель данной работы – определить значение виртуальной среды в механизме имплицитной социализации, установить влияние имплицитной составляющей на формирование виктимного поведения несовершеннолетних.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные концепции социализации молодежи, в том числе правовой,

в условиях виртуальной среды, представленные в отечественных и зарубежных трудах. Анализ факторов имплицитной социализации потребовал изучения психолого-криминологических аспектов контента виртуальной среды и ее имплицитной сущности. С этой целью использовались логический метод, метод системного анализа, синтеза, обобщения, статистики, интервью.

Результаты и их обсуждение. Согласно европейским данным дети начинают пользоваться интернетом с 7-летнего возраста и к 12 годам они уже имеют определенный опыт взаимодействия в различных социальных сетях. Интернет-социализацию несовершеннолетних можно представить как механизм трансляции социокультурных и институциональных (правовых) норм и правил повседневной культуры. Также в зависимости от типа взаимодействия субъекта с окружающей средой выделяют институциональный и стилизованный механизмы социализации. Институциональный механизм социализации реализуется в процессе взаимодействия человека с институтами общества и различными организациями. Стилизованный механизм действует в границах определенной субкультуры. В данном случае под субкультурой понимаются морально-психологические черты и поведенческие проявления, характерные для людей определенного культурного или профессионального слоя. Степень влияния здесь обуславливается референтностью данной группы по отношению к личности.

Интернет предопределил культивирование новых адаптационных особенностей учащейся молодежи в социальной среде. Пользование интернетом способствует удовлетворению базовых потребностей:

- коммуникативных;
- познавательных (когнитивных);
- праксиологических;
- идентификационных;
- эвристических;
- в саморазвитии, включающих самообразование, реализацию творческих способностей, демонстрацию своих достижений;
- аффилиации, то есть приобретение новых знакомых с целью сотрудничества.

Некоторые исследователи, отмечая, что интернет является культурным феноменом

XXI века, утверждают, что он в состоянии заменить практически все традиционные виды культуры и быть книгой, картиной, газетой, фильмом, музыкой. Интернет переводит на язык цифровых телекоммуникационных форм человеческую культуру в целом и отдельные произведения в частности. Доказательством существования таких процессов может служить наличие сетевой этики, сетевых ценностей, сетевой культурной деятельности [3, с. 45].

Наряду с положительными аспектами интернета проявились и отрицательные стороны. В научной литературе выделяют интернет-зависимость, или интернет-аддикцию. В этой связи один из первых исследователей интернет-зависимости Кимберли Янг указывал, что она имеет черты развития, подобные эпидемии. Вместе с тем ученые отмечают, что в целом интернет-зависимость в гораздо меньшей степени отрицательно влияет на здоровье человека, нежели алкоголь или наркотики. Тем не менее приходится констатировать, что сеть Интернет превратилась из информационного ресурса в мощное средство воздействия на личность.

К негативным аспектам воздействия интернета относят: отрыв человека от естественной окружающей среды обитания; «сжатие» времени жизни и его ускорение из-за всеобщей компьютеризации; сокращение социальных связей и взаимодействий, вплоть до одиночества; уменьшение внутрисемейного общения; формирование новых, зачастую неадекватных социальных перцепций; возрастание внешнего давления. Анонимность в социальных сетях может привести к растворению личности подростка в нереальном мире, формированию мотивации для полного соответствия виртуальному образу. При этом наблюдается наличие опасных рисков в формировании аддиктивного поведения, развитии депрессивных состояний. Эксперты утверждают, что к 2020 году на второе место в мире после сердечно-сосудистых заболеваний выйдет депрессия. Если раньше депрессия считалась временной довольно легкой формой психического недомогания, то сегодня из этого состояния многие не могут выйти неделями, месяцами, годами. В свою очередь медицинская общественность предупреждает о вредоносном воздействии на организм (особенно детский) излучения от компьютеров, wi-fi, смартфонов и бесчисленного количества вышек-антенн мобильных операторов.

Современные системы массовых коммуникаций, оказывая мощное воздействие на человека, вызывают значительные психологические, социальные и культурные изменения его личностных особенностей. Ученые отмечают, что в последнее

время изменилась стратегия поведения молодежи в сложных жизненных ситуациях, выход из которых она ищет путем ухода в виртуальную среду и мир фантазий.

С.Е. Гришин подчеркивает, что интернет-зависимость определяется тремя факторами:

- зависимое состояние в границах девиантного поведения;
- способ адаптации аномальной личности, которая имеет личностные и / или психические расстройства;
- проявление специфической болезни: интернет-зависимость как самостоятельная нозологическая единица, обусловленная взаимным патогенным влиянием характерологических черт и интернет-среды.

Дж. Б. Уолтер называет следующие факторы интернет-зависимости:

- неопределенность самопрезентации и самоидентификации, полное отсутствие представлений о партнере;
- ложь партнеров;
- неясность в сексуальных ролях, что приводит к искажению пола, сексуальных предпочтений, возраста, брачного статуса.

Интернет-зависимость порождает многие психологические проблемы:

- подмена (замещение) реальной жизни виртуальной;
- неумение контролировать время, проведенное в сети;
- ощущения дискомфорта в случае невозможности выхода в Интернет;
- замещение самостоятельных познавательных и мыслительных усилий компьютерным «поиском»;
- формирование чувства обученной беспомощности в идентификации реального;
- проблемы в принятии своего физического «Я»;
- возникновение чувства одиночества, замкнутости, ведущего к отчуждению личности;
- формирование неправильной (неадекватной) заниженной или завышенной самооценки;
- возникновение психических расстройств;
- появление состояния фрустрации.

В настоящее время отсутствует единое мнение и не выработаны четкие диагностические критерии интернет-аддикции. Психиатры признают факт зомбирующей и отупляющей роли интернета в ряде случаев. Анализ научных источников показывает, что наибольшее количество публикаций посвящено взаимосвязи между зависимостью от интернета и личностными параметрами (социально-демографическими и психологическими): удовлетворенностью жизнью, характери-

ками эмоционального и социального интеллекта, эгоцентричностью, самооценкой, тревожностью, импульсивностью, застенчивостью, наличием расстройств когнитивного спектра, психосоциальной зрелостью, копинг-стратегией, синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, статусом в референтной группе, отношениями в семье и школе, степенью успешности в учебной деятельности, склонностью к другим видам зависимости как химическим, так и поведенческим (игровая, пищевые диеты, избыточное использование средств мобильной связи, неумеренный шопинг и др.).

Высокий темп развития информационных и коммуникационных технологий значительно опережает естественный ход когнитивного развития подростка, что приводит к информационной перегрузке и стрессу. В этой связи является актуальным исследование психологических механизмов, оказывающих влияние на субъективные приоритеты несовершеннолетних в ситуациях выбора ценностно-смыслового содержания в интернете. При этом известно, что подростки вкладывают личностный смысл в содержание сети, но в отличие от взрослых они хуже различают границу между виртуальной и реальной средой. На фоне сказанного исследования подтвердили, что зависимость от социальных сетей намного больше, чем от компьютерных игр.

Существует устойчивое мнение, что зависимость от интернета затрудняет процесс социализации молодежи, особенно в возрасте 16–24 лет. В этой связи используется понятие «колонизация интернета», под которым понимают захват интернет-пространства лицами с интернет-зависимым и интернет-рискованным поведением. Причем эти лица не являются уверенными пользователями. Для них интернет – загадочный, непознанный, чужой.

Непререкаемый авторитет в области возрастной психологии и девиантного поведения И. Кон подчеркивает, что кажущаяся обширная свобода в социальных сетях на самом деле далеко не всегда подтверждается в действительности. Это связано с тем, что в сетевом сообществе, как и в школе, наблюдается острая борьба за статус, за место в жесткой иерархии. И если подросток успешно не впишется в престижную сеть, не создаст удачный блог и т.п., то он рискует получить невысокую социально-психологическую характеристику со стороны референтной группы и становится обладателем низкого статуса [4].

Известно, что аддикты, как правило, обладают слабыми адаптационными возможностями в социуме, поэтому они компенсируют данный изъян долгим пребыванием в сети. В то же время предполагается, что длительное пребывание аддиктов в виртуальной среде повышает их уро-

вень тревожности и неуверенности. Данное явление опровергает утверждения некоторых исследователей, что компьютерные игры и вообще пребывание в виртуальной среде всегда благотворно влияют на уровень адаптации. Здесь следует сделать уточнение, что улучшение адаптации возможно в том случае, если индивид находится в сети относительно недолго. В этой связи приводится сравнение с алкоголем, когда его небольшие дозы могут оказывать полезное, антисклеротическое, радиопротекторное действие [5]. В целом практика свидетельствует, что многие подростки ощущают депрессию или тревогу, когда они чувствуют, что кто-то может помешать их планам «зависнуть» в социальных сетях.

Социализация молодежи в социальных сетях в значительной мере представляет собой имплицитную модель в отличие от традиционной социализации, которая имеет более равномерное распределение эксплицитных и имплицитных характеристик. Данный аспект значительно увеличивает риски и угрозы в социализации детей и подростков в связи с тем, что этот период развития характеризуется еще невысокой эмоционально-волевой устойчивостью, повышенной внушаемостью, доверчивостью, пытливостью, дезадаптацией в новых необычных ситуациях, беспомощностью в реальных конфликтных ситуациях, жадой приключений. Имплицитная социализация может осуществляться на следующих уровнях:

- внутрисемейное взаимодействие под влиянием виртуальной среды;
- референтные группы;
- имплицитная информация и смыслы в интернете в форме текстов, изображений-картинок, видео;
- анонимное общение;
- фейковые новости в СМК;
- скрытая информация в спамах;
- ситуации выбора ценностно-смыслового содержания в условиях неопределенности.

В интернете, в социальных сетях подростки часто имеют дело с имплицитной информацией. Имплицитность здесь проявляется в том, что такая информация явно в текстах или в общении не выражена, но она существует как подтекст контента, как нечто подразумевающееся, которое может домыслить пользователь. Домысленные умозаклучения, безусловно, зависят от особенностей личности: ее социальной направленности, зрелости, жизненного опыта, морально-волевой устойчивости и др. Умозаклучения могут быть реалистичными, объективными, обоснованными, а также оторванными от реальности, сюрреалистичными, неожиданными, непредсказуемыми.

Имплицитность также может обуславливаться свободной интерпретацией информации и, следовательно, формированием различных смыслов в разных ассоциациях. В этой связи необходим тщательный научный анализ смыслов имплицитной информации в социальных сетях и их влияния на ценностные ориентации подростков. В решении данной задачи необходимо объединение усилий философов, лингвистов, филологов, психологов и юристов. Также в интернет-сети формируется своя электронная культура, включающая следующие элементы: язык, нормы, традиции. В интернет-культуру проникают новшества, связанные с примитивизацией языка, введением в него элементов антиграмматики. В сетевом дискурсе появляются изменения в лексике за счет введения большого количества компьютерных терминов и сленга.

Интернет-зависимость и виктимность несовершеннолетних могут усиливаться конформностью личности, некритичным восприятием различной информации, неумением ее анализировать и, в конечном итоге, принятием ее в таком виде, в каком ее подают [6, с. 5]. Это ведет к неспособности реально ориентироваться в жизненном пространстве. Также следует иметь в виду, что имплицитная информация в интернете может использоваться для латерального (побочного) программирования с целью воздействия на человеческое поведение, минуя волю и сознание пользователя.

В имплицитной информации выделяют понятия «якорь» и «якорное зацепление». Под якорем понимают какой-то внешний раздражитель, который по своим характеристикам является похожим на элемент какой-либо доминанты. Якорное зацепление проявляется в стремлении одного из элементов восприятия и переживания вызывать все восприятие и переживание в целом. Якорение может способствовать формированию как положительных, так и отрицательных социальных установок у подростков.

При исследовании имплицитной социализации необходимо подвергать анализу соотношение понятий «релевантная информация» и «имплицитная информация». При этом имплицитная информация может являться как релевантной, так и иррелевантной или частично иррелевантной.

Имплицитную социализацию в интернете зачастую можно представить как неосознаваемые или частично осознаваемые ценностные ориентации на макро- и микроуровнях. При этом существует мнение, что имплицитная социализация в значительной степени определяется менталитетом этноса.

Исследуя проблему имплицитного поведения несовершеннолетних в современных услови-

ях, необходимо учитывать тот факт, что многие из нынешних родителей (25–35 лет) прошли свой этап взросления и становления как личностей, будучи активными пользователями интернета и социальных сетей. В результате они получили некоторую дозу личностной деформации, многие приобрели интернет-аддикцию.

В условиях значительной виртуальной обусловленности взаимодействия родителей и детей в семейном воспитании как никогда важны не слова, а сила примера родителей, их поступки и поведение в целом. В данном случае можно привести высказывание талантливого советского педагога А.С. Макаренко, которого ЮНЕСКО считает одним из величайших воспитателей не только в СССР, но и во всем мире, заложившего основы современного представления о воспитании. Макаренко, обращаясь к родителям, говорил: «Ваше собственное поведение – самое главное в воспитании. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда вы с ним разговариваете... Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома». Актуальность данного высказывания подтверждает возрастающая критичность в подростковом возрасте, которая позволяет детям видеть противоречия в словах и поступках родителей и учителей. В такой ситуации они больше доверяют референтной группе как наиболее верному ориентиру и объекту идеализации. Здесь включается механизм их идентификации, подражания сверстникам и противопоставления себя взрослым. В то же время в подростковом возрасте остро стоит проблема противоречия между стремлением к признанию в референтной группе и потребностью к обособлению, то есть антиидентификации. Способ разрешения этого противоречия в значительной степени определяет эмоциональное состояние подростка и направленность его поведения.

Обозначим негативные аспекты в современном семейном воспитании. Сегодня часто можно слышать жалобы детей на острую нехватку живого общения с родителями, которые львиную долю свободного времени проводят в социальных сетях или за телевизором. Одна девочка в письме Деду Морозу попросила выполнить свое самое заветное желание – стать телевизором, так как родители только с ним и общаются.

В Российской Федерации был проведен опрос, как используют свое время российские мужчины. Было установлено, что семье они уделяют в среднем сорок пять минут в сутки; виртуальной реальности (социальные сети, телевидение, компьютеры, гаджеты) – четыре с половиной часа. В некоторых других странах люди уделяют виртуальности шесть-семь часов в сутки [7, с. 10].

Практика показывает, что значительная часть взрослых в настоящее время почти не читает художественную литературу. Благодаря интернету они привыкли читать примитивизированные, укороченные тексты, разбавленные картинками. У многих родителей выработался стереотип пользоваться непроверенной информацией, фейковыми новостями и др. Они даже не задумываются о ее репрезентативности.

Соответственно такой опыт передается детям, у которых также наблюдается небывалое снижение интереса к чтению, литературе. У них массово формируется ложное представление об интернете как незаменимом помощнике решения всех учебных и не учебных дел, единственном источнике достоверной информации, как уникальном поле для самореализации. Фетишизация интернета зачастую приводит к восприятию информации без ее критического осмысления. Данный аспект может в значительной мере влиять на формирование у подростков стереотипов виктимного или криминогенного поведения.

Беседы, проведенные с директорами и учителями школ г. Витебска, показали, что сейчас для них значительную трудность представляет общение со значительной частью родителей: они не слышат педагогов, не воспринимают рекомендаций по воспитанию своих детей. Это объясняется проявлением у них завышенной самооценки, самоуверенности, бескомпромиссности, агрессии. В качестве примера можно привести драку родителей в 2019 году на детском хоккейном матче (возраст игроков – 2008 год рождения) в Орше между командами гродненцев и оршанцев. Чуть позже в феврале в Березе жестко подрались родители местных и гродненских юных хоккеистов.

В последнее время произошли изменения в системе ценностных ориентаций. Коммерциализация общественных отношений, нескончаемый поток рекламы, массовая вовлеченность населения в систему маркетинга и менеджмента ведет к тому, что материальный компонент все больше замещает духовно-нравственный. Коллективные ценности, солидаризм вытесняются индивидуализмом и эгоизмом.

Обозначенные негативные проявления среди родителей затрудняют процесс социализации детей, придают ей имплицитный характер и в результате значительно усиливают их личностную виктимность. В этой связи предлагаем ввести в научный оборот термин «наложенная виктимность». Наложенная виктимность – это проецирование потенциальных и приобретенных виктимных качеств родителей на личностную виктимность ребенка.

В последнее время в социальных сетях происходит активное экспериментирование несовершеннолетними с анонимностью: от предельного самораскрытия, аггравации (преувеличение своих трудностей, чтобы вызвать жалость, сочувствие) до прямого обмана. Часть подростков практикует быстрый выход из сообщества и снова вход в него уже под другим именем. Некоторые чаты представляют собой полностью вымышленный фантастический мир. Анонимность общения в интернете может обеспечить установление контактов подростков с субъектами, склонными к девиантному или делинквентному поведению. При этом взаимодействие в интернете может носить характер необязательного соблюдения моральных и правовых норм. В данном случае часть подростков может стать потерпевшими от такого общения, а другая часть переймет паттерны отклоняющегося поведения.

Потребление подростками интернет-суррогатной информации, долгое пребывание в виртуальной среде ведет к деформированию у них социально-правовых ориентиров, размыванию таких ценностей, как любовь к Родине, уважение авторитета родителей, закона, государства, национальных традиций. Предлагаем в Республике Беларусь, по примеру Австрии, ввести запрет на анонимное общение для пользователей сети Интернет.

Увлечение взрослых и детей виртуальной средой снижает у них потребность в безопасности, которая, по мнению известного психолога А. Маслоу, занимает ведущее место в иерархии всех основных потребностей человека. Известно, что сигналом опасности является страх. Исследования показывают, что многие страхи могут появляться в результате некоторой формы научения – социального заимствования. Особенно широко социальное заимствование проявляется в средствах массовых коммуникаций (СМК), которые склонны для привлечения аудитории использовать эмоции страха как перед реальными, так и вымышленными опасностями. В результате у людей притупляется процесс восприятия риска или опасности.

Искажению социализации в семье также способствуют следующие факторы:

- завышенный уровень требований и ожиданий к ребенку от семьи и школы;
- перегруженность многих подростков (школа, репетиторы, студия, спорт и др.);
- перекосы семейного воспитания: или гипосоциализация (гиперопека, ограждение подростка от окружающей действительности) или гиперсоциализация (снятие всех ограничений). В этой связи А.С. Макаренко справедливо определил следующие виды ложного авторитета родителей:

авторитет подавления, авторитет расстояния, авторитет чванства, авторитет педантизма, авторитет резонерства, авторитет любви, авторитет доброты, авторитет дружбы, авторитет подкупа. В этой связи необходимо на государственном уровне разработать Программу правового и педагогического просвещения родителей. Важное место в ней следует отвести раскрытию вредоносной информации для детей и ее имплицитного характера, разъяснению механизма формирования интернет-аддикции.

Исследования свидетельствуют, что проявление игрового насилия в процессе компьютерных игр создает условия для формирования агрессивного поведения подростков. Игры с элементами игровой агрессии развивают у них ощущение дозволенности и безнаказанности насильственных действий, снижают эмпатию, что отрицательно сказывается на формировании правосознания. Также подростки усваивают стереотипы разрешения конфликтов деструктивными, жестокими, насильственными способами. Британские ученые доказали, что существует и может быть измерена корреляция между игровой зависимостью и степенью погружения в виртуальную реальность компьютерной игры [8, с. 55].

Специалисты Лиги безопасного интернета установили, что в социальных сетях, особенно в «ВКонтакте», существует несколько сотен сообществ суицидальной направленности. Многие из них распространяли легенду о «тихом доме», который находится на «дальних уровнях», где человека ждут покой и гармония. В некоторых подобных группах число подписчиков составляло 10–12 тысяч человек. Информационный ресурс для суицидальных групп изготавливался в Швеции и Германии.

В 2016 году российские журналисты провели расследование по распространению в социальных сетях пропаганды самоубийств несовершеннолетними и опубликовали результаты в журнале «Новая газета». В частности, установлено, что для провоцирования суицида в социальных сетях было создано около 1500 групп, где организаторы вели отбор потенциальных кандидатов [9, с. 40].

Законодательство Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за склонение к самоубийству (статья 146 УК). Вместе с тем необходимо ввести уголовную ответственность в отношении администраторов сайтов и иных лиц, ответственных за размещение любой информации, в том числе завуалированной, способствующей склонению к самоубийству.

Родителям и педагогам необходимо разъяснять подросткам опасности и риски общения

в социальных сетях. Особое внимание следует уделять противодействию активности педофилов, которые предпринимают превентивные меры к тому, чтобы придать интернет-грумингу имплицитный характер, недоступный для родительского контроля. Специалисты из соответствующих правоохранительных структур отмечают существующие в настоящее время трудности в организации эффективной профилактики в интернете в отношении преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних. Особенно это касается контроля за скрытой сетью DarkNet, где соединения устанавливаются «только между доверенными пользователями, иногда именуемыми как “друзья”, с использованием нестандартных протоколов и портов» [10, с. 160].

Педофилы в Сети используют изощренные маскировки в виде идеологии, манифестов, где они вбрасывают для несовершеннолетних идеи о том, что они сами должны распоряжаться своей жизнью, половой свободой и делать различные выборы. На таких форумах создаются преступные группы из 2–8 человек, которые координируют свои действия по организации выездов в отдаленную сельскую местность, внедрению своих представителей в качестве воспитателей и тренеров в детские оздоровительные лагеря.

В научной литературе высказывается мнение, что каждый пятый ребенок в возрасте от 10 до 17 лет, входящий в интернет, получал сексуальные предложения от взрослых пользователей [11, с. 55]. По данным международных экспертов, до 40% пользователей интернета посещают порносайты и около четверти из них интересуются детской порнографией. Причем эти данные могут быть заниженными.

Исследования подтверждают, что изобилие порнографической и педофильной информации, фильмов, роликов вызывает в обществе и особенно у несовершеннолетних привыкание, равнодушие, терпимость к этим явлениям. Безусловно, что данная реальность значительно деформирует социализацию подрастающего поколения, нивелирует такие ценности, как семья, морально-правовые и религиозные устои.

В настоящее время многие коммуникативные технологии: интернет-почта, скайп, интернет-телефония – интегрировались в интернет. Это привело к появлению фрикеров – телефонных хакеров, которые могут незаконно взламывать, проникать, просматривать и перехватывать сообщения любого типа. Виктимность жертвы здесь может заключаться в том, что преступник возьмет под свой контроль все ее коммуникации.

Криминальный мир стал активно осваивать способы и средства сетевой преступности, гигантскими темпами растут киберпреступления. Интернет-преступность в значительной степени носит латентный имплицитный характер. Многие интернет-преступления не требуют особых способностей, кроме интеллектуальных, поэтому они могут с успехом осуществляться несовершеннолетними. Хакеры могут вовлечь несовершеннолетних в совершение преступного деяния. Например, они показывают механизм взлома интернет-сайта и при этом заверяют в безнаказанности. Также на сайтах появляются публикации, рекламирующие выгоду от совершенных преступлений. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественное поведение (статьи 172, 173 УК). Исследования выявили, что около 25% учащейся молодежи в Российской Федерации проводят свой досуг совместно с ранее судимыми сверстниками и взрослыми правонарушителями [12, с. 112]. Группа с участием ранее судимых является наиболее сложной в криминогенном отношении. В данном случае требует дополнительного исследования вопрос имплицитной социализации подростков в «смешанных» группах.

Заключение. Формирование у молодежи высокого уровня общей и правовой культуры, нравственности, правовой убежденности, осознание своих прав и обязанностей – надежный гарант противодействия негативному влиянию цифровых технологий и сети Интернет. Только комплексный, системный подход государства и гражданского общества позволяет решить проблему воспитания подрастающего поколения.

Литература

1. Бочков, А.А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / А.А. Бочков // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 1(13). – С. 3–9.
2. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 383 с.
4. Кон, И. От интимного дневника к социальным сетям [Электронный ресурс] / И. Кон. – Режим доступа: <https://www.psyh.ru/ot-intimnogo-dnevnik-a-k-sotsialnym-setyam/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
5. Влияние компьютерных технологий на психику человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xenoid.ru/materials/materials_psy/psy-r11_intzav.php. – Дата доступа: 12.03.2019.
6. Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования: монография / под ред. Н.Е. Муллахметовой и А.А. Бочкова. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2014. – 396 с.
7. Малинецкий, Г. Виртуальная реальность нужна правителям, чтобы дурачить людей / Г. Малинецкий // Журнал «Однако, жизнь!». – 2018. – № 24. – С. 10–11.
8. Seah, M. From Immersion to addiction in videogames / M. Seah, P. Cairns // Proceedings of the 22 nd British HCI Group Annual Conference on People and Computers: Culture, Creativity, Interaction / ed. By D. England, R. Beale. – 2008. – Vol. 1. – British Computer Swinton, UK. – P. 55–63.
9. Ильин, Н.Н. Доведение лица до самоубийства: история и современность / Н.Н. Ильин // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 38–41.
10. Стальбовский, В.В. Отличительные признаки педофилов (сленг, символика, среда особой активности) / В.В. Стальбовский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 2(36). – С. 156–162.
11. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность: монография / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.
12. Ковалева, А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А.И. Ковалева // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 112–114.

Поступила в редакцию 24.04.2019 г.

Наследование аккаунтов в социальной сети

Гаврилов В.Н.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»*

Статья посвящена вопросу возможности перехода по наследству аккаунта в социальной сети и электронной почте. Анализируются российское и европейское законодательство в данной сфере, а также вопросы совершенствования правового регулирования цифрового наследства.

Цель работы – комплексное рассмотрение правовых основ наследования аккаунта в интернете.

Материал и методы. Материалом исследования послужила нормативно-правовая база Российской Федерации, Республики Беларусь и ряда других стран (США, Германия), а также специальная научная литература и правоприменительная практика. В качестве основных методов использовались сравнительно-правовой, диалектический, формально-юридический и теоретический анализ, синтез, индукция и дедукция.

Результаты и их обсуждение. В научной работе проведен анализ гражданских норм ряда стран, где было выявлено, что право наследовать аккаунты умерших возможно лишь в некоторых государствах. В одних странах это право осуществимо благодаря судебной практике (Германия), в других – с помощью нормативной базы (штат Дэлавер, США).

Заключение. Анализ законодательства в исследуемой области отношений показал, что гражданское законодательство как России, так и Беларуси имеет ряд недостатков и требует следующих доработок: законодательного закрепления цифрового наследства; более детального урегулирования гражданских правоотношений в социальных сетях, учитывая уровни развития интернета в будущем.

Ключевые слова: наследование, социальная сеть, аккаунт, конфиденциальность, персональные данные, имущество.

Inheritance of Social Network Accounts

Gavrilov V.N.

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Saratov State Academy of Law"

The article is devoted to the issue of the possibility of transition by inheriting accounts in the social network and e-mail. The article analyzes the Russian and European legislation in this area, as well as issues of improving the sphere of legal regulation of digital heritage.

The purpose of article is the integrated treatment of legal basis for inheriting accounts in the Internet.

Materials and methods. The material for the research was a complex legal framework of the Russian Federation, the Republic of Belarus and a number of other countries (the USA, Germany), together with special scientific literature and enforcement practices. The legally comparative and the dialectic and the legalistic and the theoretical analyzes, synthesis, induction, deduction were used as basic methods.

Findings and their discussion. The research work contains an analysis of civil regulations in different countries. It revealed that the right to inherit accounts of users who died is only possible in some countries. In one of them, it is entitled due to jurisprudence (Germany), while others use the regulatory framework (Delaware, DE, USA).

Conclusion. The review shows that the civil legislation of Russia and the Republic Belarus have several disadvantages therefore it needs elaborations, such as legal implementations of the digital inheritance and more detailed regulation of law relationships in social networks considering the future development levels of the Internet.

Key words: inheritance, social network, account, privacy, personal information, property.

Статья посвящена вопросу возможности перехода по наследству аккаунта в социальной сети и электронной почте. Анализируются российское и европейское законодательство в данной сфере, а также вопросы совершенствования сферы правового регулирования цифрового наследства. В науке обозначенная проблема рассматривается в чрезвычайно немногочисленном кругу исследований. Однако вопрос наследования цифровой собственности является акту-

альным на сегодняшний день, так как большую часть времени люди стали проводить в интернете, где теперь хранят свои личные данные, в связи с чем появляется необходимость их защиты не только в течение жизни, но и после смерти человека. Были изучены труды ученых, таких как Е.А. Войниканис «Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости», В.Н. Гаврилов «Наследование имущества предпринимателей», А.В. Алешина, В.А. Косовская. «Основы наследственного права США»,

использовались как международные нормы, так и законодательства различных стран (Россия, Беларусь, США, Германия): Европейская конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, Конституция Российской Федерации, Uniform Law Commision (США), а также американская публикация Adam Augustyn, Patricia Bauer, Brian Duignan “The Editors of Encyclopaedia Britannica about real and personal property” и другие материалы.

Цель статьи – комплексное рассмотрение правовых основ наследования аккаунта в интернете.

Материал и методы. Материалом исследования послужила нормативно-правовая база Российской Федерации, Республики Беларусь и ряда других стран (США, Германия), а также специальная научная литература и правоприменительная практика. В качестве основных методов использовались сравнительно-правовой, диалектический, формально-юридический и теоретический анализ, синтез, индукция и дедукция.

Результаты и их обсуждение. В научной работе проведен анализ гражданских норм ряда стран, где было выявлено, что право наследовать аккаунты умерших возможно лишь в некоторых государствах. В одних странах это право осуществимо благодаря судебной практике (Германия), в других – с помощью нормативной базы (штат Дэлавер, США).

Современная цивилизация характеризуется информационным этапом развития. В век глобального информационного пространства web-сайты, аккаунты в социальных сетях являются не только средством общения, но и видом заработка. Социальные сети в силу своих особенностей «формируют аудиторию», это «сетевые места скопления адресатов рекламы, продуктов и услуг» [1, с. 558]. На страницах интернета ежедневно регистрируются миллионы новых акканутов, которые размещают гигабайты данных о себе и своих близких, у многих существуют и бизнес-аккаунты (например, в Instagram, ВКонтакте).

В Российской Федерации Конституцией [2] гарантируется право наследования (ст. 35). Однако до сих пор вопрос возможности перехода по наследству аккаунта в социальной сети остается дискуссионным и требующим скорейшего разрешения.

В соответствии со ст. 7 ФЗ от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом [3]. Что должно происходить с указанными данными в со-

циальных сетях в случае смерти пользователя? На этот вопрос не только в законодательстве РФ, но и в некоторых других странах точного ответа нет. Соответственно, многие компании, а они во многих случаях являются межнациональными корпорациями, на свое усмотрение пользуются правами умерших. Например, касательно *неимущественных* прав: в бесплатном сервисе электронной почты GMX & Web. De наследники могут удалять электронные почтовые ящики, предъявив свидетельство о смерти. Стоит отметить, что решение компания принимает независимо от того, гражданство чьей страны имел умерший пользователь. Просмотр аккаунта разрешен только после предъявления свидетельства о праве на наследство [4]. Компания Google переключает аккаунт в режим бездействия, если пользователь в течение длительного времени не проявляет никакой активности [5]. Если пользователь ранее указал доверенное лицо, то оно получает сообщение и инструкции по загрузке определенного пользовательского контента, к которому, например, относятся, электронные письма, видео, блоги и онлайн-альбомы. При обращении граждан России на сайт «Яндекс» руководство компании указывает в пользовательском соглашении, что передавать доступ к аккаунту на сайте родственникам и наследникам умершего в компании не имеют права, ссылаясь на ст. 23 Конституции РФ.

Касательно *имущественных* прав (денежные средства на счету являются собственностью платежной системы, а у пользователя имеются имущественные права и требования к ней) в электронной платежной системе PayPal при предъявлении свидетельства о смерти и свидетельства о праве на наследство или завещания компания блокирует счет и переводит остаток средств наследнику [6]. Как и с неимущественными правами для интернет-компаний не имеет значения, из какой страны обратился человек, так как они, в первую очередь, опираются на внутренние правила своих сайтов.

Таким образом, мы видим, что на практике почтовые сервисы и веб-сайты самопроизвольно регулируют вопросы, касающиеся указанной сферы.

Здесь, конечно, можно говорить о соглашении (т.е. договоре) между пользователем социальной сетью и самой компанией. Подробнее об этом можно узнать, если прочитать о политике пользовательских соглашений серверов. Если в «политике» такой доступ разрешен, тогда возникает вопрос: в каком порядке он должен быть осуществлен и что именно наследуется? Только ли сама информация на сервере или даже *тайна этой информации*? Чем является требование к сетевому оператору о доступе к учетной записи,

включающей имеющееся в нем содержание связи? Но как в таком случае быть с личной жизнью умершего человека, если в ст. 23 Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений. А ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. В настоящее время поставленные нами вопросы не находят отражения ни в законодательстве Российской Федерации, ни Республики Беларусь, а также многих других стран мира.

Для этого надо разобраться с вопросом о наследственной массе. Объектом наследственного преемства является наследство (наследственная масса), которое закреплено в Части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [7], а также в Разделе пятом Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [8]. Большинство неимущественных прав, поименованных ГК или иными законами, в состав наследства не входит (ст. 150 и 418 ГК РФ). Например, право на честь и достоинство, деловую репутацию автора и иные права, считающиеся неотчуждаемыми. Однако согласно ст. 1241 ГК РФ переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу допускается и в порядке универсального наследования [9, с. 38].

Так, мы приходим к выводу, что для отнесения объекта к наследственной массе, как в России, так и в Беларуси, прежде всего, важна материальная ценность объекта, в данном случае аккаунта в сети, который может содержать музыкальные произведения, базы данных, фотографии или обозначения бизнес-аккаунта. Разумеется, возможность универсального преемства коммерческой виртуальной площадки содержит правовой интерес. В этом случае она может входить в состав так называемой «наследственной массы» и, как следствие, передаваться наследникам. При этом администраторы сервисов должны предоставлять наследникам информацию, необходимую для доступа к странице. Соответственно, должна существовать и возможность «судебного понуждения» администраторов к предоставлению таких сведений.

Существующее законодательное регулирование наследования авторских прав не дает однозначных ответов на вопросы наследования в цифровой сфере, поэтому во многих странах практика все же пытается разрешить этот законодательный пробел. Так, в Германии Верховный суд разобрался в деле по иску родителей погибшей в 2012 году 15-летней девочки. Пытаясь разобраться в причинах смерти близкого человека,

заявители хотели получить информацию, хранящуюся в сети Facebook, а именно доступ к личным перепискам дочери. Процесс тянулся с 2015 года, решение окружного суда было в пользу родителей, которым передали аккаунт по наследству. Но в 2017 году решением апелляционного суда Берлина был поддержан аргумент Facebook о том, что «конфиденциальность в телекоммуникациях гарантируется Основным законом (Конституцией) Германии» [10]. Тем не менее в этом же году в Верховном суде сочли возможным передать аккаунт по наследству. Это решение поистине является дискуссионным, т.к. многие юристы заявляют, что оно нарушает Закон «Об информационных и коммуникационных (мультимедиа) услугах» 1997 г. (Informations und Kommunikationsdienstegesetz – IuKDG) [11], а также Конвенцию «О защите частных лиц в отношении автоматической обработки персональных данных» [12].

Есть ряд особенностей, отличающих наследственное право США от права стран континентальной Европы. Указанные отношения регулируются на уровне законодательной власти штата. При этом такие штаты, как Теннесси, Южная Каролина и др., включили нормы о наследовании в кодифицированные акты, своды законов штатов. А в ряде других есть специальные законы, регламентирующие вопросы наследования.

В американском праве существует деление имущества на реальное (real property) и персональное (personal property, или chattels), базирующееся на применении разных форм исковой защиты [13]. К первому относятся имущественные отношения касательно земельных участков, полезных ископаемых, недр и др. К персональному имуществу причисляется все остальное имущество, то есть фактически движимое. Движимое имущество подразделяется в свою очередь на вещи, имеющие физическую/материальную сущность (tangible personal property), и неосязаемые вещи: права и интересы (in tangible personal property). Права на интеллектуальную собственность, акции и облигации, в частности, относятся к неосязаемым вещам [14].

Так, в 2014 году в штате Дэлавер первыми законодательно закрепили возможность передачи интернет-аккаунта, принадлежавшего умершему гражданину, на праве собственности [15]. Путем приравнивания виртуальных аккаунтов умершего к его обычным документам губернатор распространил на них тем самым право собственности. Закон основан на проекте Uniform Law Commission [16], направленном на унификацию законов во всех американских штатах.

Стоит отметить, применительно к романо-германскому и англосаксонскому праву проис-

ходит конвергенция: процесс «проникновения» и адаптации многих норм и институтов общеевропейского (континентального) права в систему англосаксонского (общего) права и наоборот. Например, в ряде стран с романо-германской правовой системой все большее значение приобретает судебный прецедент, но основную роль он, конечно же, представляет в системе общего права. Это применительно и к цифровому наследству и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь следует перенять американский опыт законодательного урегулирования данного вопроса.

Заключение. Подводя итог, можно сделать вывод: нормы Части третьей ГК РФ, а также Раздел пятый ГК РБ нуждаются в дальнейшем совершенствовании, которое бы соответствовало экономическим политикам государств и отвечало интересам как наследодателей, так и их наследников. При этом для регулирования такой обширной плоскости гражданских правоотношений, как сеть Интернет, нужно учитывать все формы дальнейшего развития социальных сетей. Кроме того, и в России, и в Беларуси необходимо законодательно закрепить цифровое наследство, определить подробный механизм его наследования, опираясь на небольшой, но все же практический опыт США. И, конечно, издать Законы, регламентирующие вопросы наследования как российских аккаунтов, так и белорусских на виртуальных площадках.

Литература

1. Войниканис, Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – М.: Юриспруденция, 2013. – С. 552.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) //
3. Собрание законодательства РФ // Российская газета, № 237, 25.12.1993, ст. 118; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. на 31 дек. 2017 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451; 2017. № 9. Ст. 1276.
4. Справочная служба компании GMX & Web. De: <https://support.gmx.com/index.html>.
5. Справочная служба компании Google: <https://www.google.ru/contact/>.
6. Справочная служба компании PayPal: https://www.paypal.com/ru/selfhelp/contact/email/t_s.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 нояб. 2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2018. № 292. Ст. 1202.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь (раздел пятый) от 7 дек. 1998 г. № 218-З (ред. от 17.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23 июля 2018 г., 1 авг. 2018 г., 1 нояб. 2018 г. и 1 февр. 2019 г., за исключением изм. и доп., которые вступят в силу 1 авг. 2020 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 31.07.2018. – 2/2573.
9. Гаврилов, В.Н. Наследование имущества предпринимателей / В.Н. Гаврилов // Предпринимательское право. – 2010. – № 3. – С. 35–39.
10. Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты в Facebook: <https://pravo.ru/news/204002/>.
11. Informations- und Kommunikationsdienstegesetz. – Mode of access: IuKDG: www.netlaw.de/gesetze/iukdg.htm/. – Date of access: 08.01.2019.
12. Европейская конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, Страсбург, 28 янв. 1981 г. – Режим доступа: <http://www.uipdp.com/articles/2011-04/09.html>. – Дата доступа: 10.02.2019.
13. Adam Augustyn, Patricia Bauer, Brian Duignan “The Editors of Encyclopaedia Britannica” about real and personal property; Great Britain, 2013. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/real-property>. – Date of access: 12.01.2019.
14. Алешин, А.В. Основы наследственного права США / А.В. Алешин, В.А. Косовская // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 1. – С. 82–86.
15. Свод законов штата Делавэр. – Режим доступа: <http://delcode.delaware.gov/sessionlaws/>. – Дата доступа: 10.01.2019.
16. Uniform Law Commision [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.uniformlaws.org/NewsDetail.aspx?title=Uniform%20Fiduciary%20Access%20to%20Digital%20Assets%20Act%20Approved>. – Date of access: 16.01.2019.

Поступила в редакцию 11.03.2019 г.

Право на свободу мирных собраний в конституционных нормах государств мира

Самбор Н.А.

*Прилуцкий отдел полиции Главного управления Национальной полиции
в Черниговской области*

В настоящее время общественно-правовые и социально-политические преобразования в обществе требуют переосмысления ряда элементов категориального аппарата прав человека, содержательного наполнения прав и свобод человека в целом и права на свободу мирных собраний непосредственно. Этапы исторического развития государств, обществ и правоотношений нуждаются в адекватном научном сопровождении социального и правового развития общественных отношений, в которых человек, его права и свободы, честь и достоинство будут определять процессы развития, а также послужат утверждению принципов верховенства права и соблюдения прав и свобод человека.

Целью данной статьи избрано компаративное исследование конституционных норм стран мира, которые призваны урегулировать порядок осуществления права на свободу мирных собраний в разных государствах.

Материал и методы. Правовую основу работы составили источники конституционных норм Италии, Германии, Польши, Чехии, Португалии, Беларуси, Казахстана, Японии, Бразилии и Канады, анализ которых позволил проследить национальные традиции правового регулирования институционализации права на свободу мирных собраний и особенностей его осуществления. При этом использовались всеобщий диалектический метод, общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой и формально-юридический методы). В качестве основных методов применялись анализ, синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются конституционные акты национального законодательства, регулирующие осуществление права на свободу мирных собраний. Каждое государство по-своему подходит к конституционно-правовому регулированию осуществления права на свободу мирных собраний. Считаем, что Украина имеет уникальную возможность в имплементации передового опыта правового регулирования осуществления права на свободу мирных собраний с учетом соблюдения свободы осуществления данного права каждого человека, которая может быть ограничена в исключительных случаях, связанных с интересами общества, а не отдельно взятых институтов власти.

Заключение. Отсутствие специального законодательного акта, нормы которого регулируют осуществление права на свободу мирных собраний, – это не слабость правовой системы, не исполнение законодательным органом его обязанности законодательного регулирования общественных отношений в сфере осуществления права на свободу мирных собраний, а гарантированная государством свобода осуществления права на мирные собрания, которая не ограничивается волей и интересами государства.

Ключевые слова: конституция, право на свободу мирных собраний, правовое регулирование права на свободу мирных собраний, осуществление права на свободу мирных собраний.

The Right for Freedom of Peaceful Assembly in the Constitutional Norms of the States of the World

Sambor N.A.

Pryluky Police Department of GDNP in Chernihiv Region

At present, social, legal, and sociopolitical changes in society require rethinking of a number of elements of the categorical apparatus of human rights, meaningful content of human rights and freedoms in general, as well as the right to freedom of peaceful assembly directly. The stages of the historical development of states, societies and legal relations require researchers to adequately scientifically support the social and legal development of social relations, in which a person, his rights and freedoms, honor and dignity will determine development processes, and will also promote the principles of the rule of law and respect for rights and freedoms of the person.

The purpose of this article is a comparative study of the constitutional norms of the world countries, which are designed to regulate the procedure for the exercise of the right to freedom of peaceful assembly in different states.

Material and methods. The legal basis of the work was constituted by the sources of the constitutional norms of Italy, Germany, Poland, the Czech Republic, Portugal, Belarus, Kazakhstan, Japan, Brazil and Canada, the analysis of which allowed analyzing the national traditions of legal regulation of the institutionalization of the right to freedom of peaceful assembly and its implementation features. The universal dialectical method, general scientific methods of knowledge (analysis and synthesis, induction – and deduction, comparative legal and formal legal methods) were applied in the research. As the main methods analysis, synthesis and modeling were used.

Findings and their discussion. The article analyzes the constitutional acts of national legislation which regulate the exercise of the right to freedom of peaceful assembly. Each state has its own approach to the constitutional and legal regulation of the exercise of the right to freedom of peaceful assembly. We believe that Ukraine has a unique opportunity to implement the best practices of legal regulation of the exercise of the right to freedom of peaceful assembly, taking into account the freedom to exercise this right of every person, which can be limited in exceptional cases related to the interests of society, rather than individual institutions.

Conclusion. The absence of a special legislative act, the norms of which regulate the exercise of the right to freedom of peaceful assembly is not the weakness of the legal system, the legislature's failure to fulfill its obligations to legislate public relations in the exercise of the right to freedom of peaceful assembly, but the state's guaranteed freedom to exercise the right to peaceful assembly not limited to the will and interests of the state.

Key words: the Constitution, the right to freedom of peaceful assembly, the legal regulation of the right to freedom of peaceful assembly, the exercise of the right to freedom of peaceful assembly.

Конституция как основополагающий законодательный акт национальной правовой системы государства выступает в роли стержня законодательства, определяющего фундаментальные основы государственного управления, гражданского общества, а также закладывающего ключевые векторы существования и развития всех отраслей общества и государства. Права и свободы человека и гражданина должны являться приоритетами деятельности любого государства, которое провозглашает (не декларативно) человека как высшую социальную ценность. Ведь без такого субъекта, как человек, любое социальное устройство, социальный институт утрачивают свое изначальное предназначение. Истории известны многие нормативно-правовые акты, указанные в конституции, но не само название, а его содержание определяет суть Основного Закона. Формализация и институционализация прав, свобод и интересов человека в конституционных нормах не является гарантом их практического осуществления и обеспечения со стороны государства, воздержания органов публичной администрации от вмешательства в частноправовые отношения. В то же время должны констатировать, что непросто исторический, политический и правовой пути формирования конституций государств мира, а также включение в их содержание вопросов, связанных с правами, свободами и интересами личности, обусловлены признанием таковых именно государством, его аппаратом управления и должностными лицами, которые должны обеспечивать беспрепятственное осуществление прав, свобод и интересов каждым человеком.

На наш взгляд, особое место в системе прав и свобод занимает право на свободу мирных собраний. Такому положению вещей, считаем, есть несколько причин: во-первых, право на свободу мирных собраний, одно из немногих, которое изначально в своем названии обобщает и воссоединяет право и свободу как в субъективном, так и в объективном его проявлении; во-вторых, демонстрирует социальную природу человека; в-третьих, наряду с собственно правом выступает определенным сдерживающим элементом от произвола государства, поскольку способно объединить

общество вокруг общих для его членов интересов, выступая при этом гарантией осуществления иных прав, свобод и интересов. В последнее время изучению права на свободу мирных собраний уделяется значительное внимание, но необходимо отметить, что компаративный анализ конституционных норм, регламентирующих осуществление указанного права, проводится нечасто.

Целью данной статьи избрано компаративное исследование конституционных норм стран мира, которые призваны урегулировать порядок осуществления права на свободу мирных собраний в разных государствах.

Материал и методы. Правовую основу работы составили источники конституционных норм Италии, Германии, Польши, Чехии, Португалии, Беларуси, Казахстана, Японии, Бразилии и Канады, анализ которых позволил проследить национальные традиции правового регулирования институционализации права на свободу мирных собраний и особенностей его осуществления. В работе использовались всеобщий диалектический метод, общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой и формально-юридический методы). В качестве основных методов применялись анализ, синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение. Конституция государства призвана в первую очередь ограничить государственную власть. Конституция – это своего рода хартия, которая ограничивает власть в рамках государства и власть государства в рамках общества [1, с. 48]. Следовательно, права человека и гражданина приобретают исключительную роль в рамках конституционных положений, поскольку именно от признания прав, свобод и интересов личности, организации беспрепятственного их осуществления зависит демократический фундамент общества и свобода личности.

Проанализируем нормы конституций стран мира для возможности получения объективного понимания подходов к институционализации и формализации права на свободу мирных собраний у разных народов мира.

В ст. 17 Конституции Итальянской Республики провозглашается, что граждане имеют право собираться мирно и без оружия. Для собраний,

включая собрания на местах, открытых для публики, предварительного уведомления не требуется. О собраниях в общественном месте должны быть предварительно уведомлены власти, которые могут их запретить только по соображениям безопасности и здравоохранения [2]. Исходя из такого изложения конституционной нормы, можем сделать вывод о том, что законодатель при принятии данной конституции считал достаточным урегулирование осуществления права на свободу мирных собраний в Италии исключительно с помощью Конституции Итальянской Республики. Именно данная норма содержит ключевые признаки права на свободу мирных собраний – собрание мирное, без оружия. Во-вторых, в конституционной норме прямо предусмотрена необходимость предварительного уведомления власти о намерении осуществить право на свободу мирных собраний исключительно в общественном месте. Об осуществлении права на свободу мирных собраний на территории частной собственности таких уведомлений властей не требуется. Помимо этого, норма ст. 17 Конституции Итальянской Республики предусматривает условия запрета на осуществление права на свободу мирных собраний – по соображениям безопасности и здравоохранения. Единственно, что не предусмотрено, на наш, взгляд, – это субъект ограничения – исполнительная, судебная власти или органы местного самоуправления. Несмотря на то, что в Италии право на свободу мирных собраний непосредственно связано с правовым статусом человека, а именно его гражданством, исходя из положений ст. 10 Конституции Итальянской Республики, нормой которой провозглашается, что правовой порядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права. Правовое положение иностранцев регулируется законом в соответствии с международными обычаями и договорами, можно заключить, что правом на свободу мирных собраний могут воспользоваться и иностранцы, лица без гражданства, которые на законных основаниях пребывают на территории Италии, поскольку право на свободу мирных собраний согласно международным документам гарантировано каждому человеку.

В отличие от Конституции Итальянской Республики, в ст. 8 Конституции Федеративной Республики Германии все немцы имеют право собираться мирно и без оружия без предварительного заявления или разрешения. Для собраний под открытым небом это право может быть ограничено законом или на основе закона [3]. Характерными чертами норм Конституции Итальянской Республики и Конституции Федеративной Республики Германии есть то, что конституционная норма

Италии определяет субъектом осуществления данного права граждан республики, а норма Конституции Федеративной Республики Германии подчеркивает национальную принадлежность данного права – немцам. Помимо всего этого, существенным является то, что при разработке ст. 8 Конституции Федеративной Республики Германии использован отсылочный способ изложения правовой нормы, когда вопрос осуществления права на свободу мирных собраний «под открытым небом», а именно возможность его ограничения, регулируется специальным нормативно-правовым актом.

На первый взгляд почти аналогичная Конституции Федеративной Республики Германии законодательная практика формализации права на свободу мирных собраний прослеживается и в Конституции Бельгии. Ст. 26 Конституции Бельгии провозглашает, что бельгийцы имеют право собираться мирно и без оружия, соблюдая законодательство, которое может регулировать осуществление этого права, но, во всяком случае, без предварительного разрешения. Это положение не применяется к собраниям на открытом воздухе, на которые полностью распространяется законодательство о полиции [4]. Но такое впечатление возможно лишь на первый взгляд. На наивысшем законодательном уровне установлен ключевой признак права на свободу мирных собраний: собрание должно быть мирным, без оружия. Прямо определена обязанность субъектов осуществления права на свободу мирных собраний – соблюдать законодательство, которое регулирует осуществление данного права. Сравнимая нормы Конституции Федеративной Республики Германии и Конституции Бельгии, следует отметить то, что конституционная норма Бельгии указывает на существование специальных законодательных актов, целью которых есть урегулирование порядка осуществления права на свободу мирных собраний, а именно обязанностей субъектов осуществления данного права, тогда как в ст. 8 Конституции Федеративной Республики Германии вспоминается о том, что ограничение осуществления права на свободу мирных собраний реализуется на основании специального закона. Особенностью Конституции Бельгии есть то, что в ее норме предусматривается классификация места осуществления права на свободу мирных собраний и вытекающие из этого последствия особого правового регулирования, а именно: либо специальным законом, если право на свободу мирных собраний осуществляется в помещении, либо законодательством о полиции, если местом осуществления права на свободу мирных собраний избрано место на открытом воздухе.

Необходимо отметить, что нормы Конституции Бельгии также дают право на свободу мирных собраний бельгийцам. Как указано в ст. 8 Конституции Бельгии, бельгийское подданство приобретается, сохраняется и утрачивается на основании предписаний, устанавливаемых гражданским законодательством. Наряду с этим в ст. 11 Конституции Бельгии прописано, что пользование правами и свободами, признанными за бельгийцами, должно быть обеспечено без дискриминации. С этой целью закон и декрет особо гарантируют права и свободы идеологических и философских меньшинств. Такая норма не гарантирует возможности осуществления права на свободу мирных собраний за лицами, которые не имеют бельгийского подданства, или же гражданами не Европейского союза.

Примечательным для конституционных норм Германии и Бельгии в сфере регулирования права на свободу мирных собраний является то, что такое право осуществляется без предварительного разрешения, а в Германии – даже заявления, тогда как в Италии предварительное уведомление не требуется, если место осуществления права на свободу мирных собраний не относится к общественным.

В продолжение исследования проанализируем конституционные нормы Польши. Так, ст. 57 Конституции Польской Республики от 2 апреля 1997 года провозгласила, что каждому обеспечивается свобода организации мирных собраний и участия в них. Ограничение этой свободы может определяться законом [5]. В первую очередь, отметим, что в основном законе государства установлено, что право на свободу мирных собраний в равной мере принадлежит всем людям, независимо от их национальности или же гражданства, что существенно отличает указанные конституционные нормы от вышепроанализированных конституционных норм Италии, Германии и Бельгии. В Конституции Польской Республики четко отслеживается отсылочный характер изложения ее нормы, когда законодатель прямо указывает на то, что ограничение осуществления права на свободу мирных собраний определяется законом.

Иначе обстоит вопрос с институционализацией и формализацией права на свободу мирных собраний в Чехии. Норма ст. 19 Конституции Чехии, вступившая в силу 1 января 1993 года, утверждает, что право мирно собираться гарантируется. Указанное право может быть ограничено законом в случаях проведения собраний в публичных местах, если такие меры необходимы в демократическом обществе для охраны прав и свобод других лиц, общественного порядка, здоровья и нравственности, имущества или для обеспечения

безопасности государства. Право собираться не может быть обусловлено разрешением органа публичной администрации [6]. Отличие конституционно-правового изложения права на свободу мирных собраний в Конституции Чехии от конституционных норм Италии, Германии, Бельгии связано и с историческим этапом развития правоотношений по осуществлению данного права не только в Чехии, но и иных государствах, рецепция международных норм и норм национального законодательства зарубежных стран с развитой демократией. Это отличие нельзя назвать кардинальным, но оно существенно. Во-первых, в Конституции Чехии, как и в Конституции Польши, на противовес конституционным нормам Италии, Германии, Бельгии сделано ударение на то, что право на свободу мирных собраний принадлежит каждому, то есть человеку независимо от его возраста, национальности, гражданства и т.д. Во-вторых, ключевым, на наш взгляд, является то, что конституционная норма в редакции чешского законодателя не только формализует существование у человека права на свободу мирных собраний, но и формирует обязанность государства гарантировать каждому возможность осуществления данного права. В определенной мере Конституция Польши если не гарантировала право на свободу мирных собраний, то во всяком случае взяла на себя обязанность обеспечить проведение мирных собраний. В Конституции Чехии весьма детально очерчен круг правовых оснований для ограничения в осуществлении права на свободу мирных собраний, а именно если такие меры необходимы в демократическом обществе для охраны прав и свобод других лиц, общественного порядка, здоровья и нравственности, имущества или для обеспечения безопасности государства.

А вот в ст. 45 Конституции Португальской Республики содержится норма, согласно которой граждане имеют право собираться мирно и без оружия, даже в местах, открытых для публики, разрешения для этого не требуется. За всеми гражданами признается право на манифестации [7]. Характерным для нормы ст. 45 Конституции Португальской Республики есть то, что указываются два ключевых признака осуществления права на свободу мирных собраний: мирность и отсутствие оружия. Следует отметить и то, что согласно конституционной норме Португалии для граждан не установлена такая обязанность, как оповещение органов власти о намерении осуществить право на свободу мирных собраний. Осуществление такого права априори допустимо.

Должны обратить внимание и на то, что указанное право по Конституции Португальской Республики принадлежит ее гражданам. В то же

время согласно ст. 8 Конституции Португальской Республики нормы и принципы общего и обычного международного права являются составной частью португальского права. Нормы международных договоров, ратифицированные или одобренные должным образом, вступают в силу после официальной публикации, и их выполнение становится обязательным для Португальского государства. Нормы, исходящие от компетентных органов международных организаций, в которых состоит Португалия, действуют непосредственно во внутреннем праве, поскольку это установлено в соответствующих учредительных договорах. На основании указанных конституционных норм можем сделать вывод о том, что в равной мере с гражданами Португалии правом на свободу мирных собраний могут пользоваться и граждане иностранных государств, лица без гражданства. Помимо этого важной видится норма ч. 1 ст. 15 Конституции Португальской Республики, которая провозгласила, что иностранцы и лица без гражданства, временно пребывающие или проживающие в Португалии, пользуются теми же правами и несут те же обязанности, что и португальские граждане. Норма ч. 1 ст. 15 Конституции Португальской Республики, как можем заключить из проведенного компаративного анализа конституционных норм европейских государств, наиболее четко соотносит права граждан и иностранцев, тем самым подчеркивая принцип юридической определенности.

Обратим внимание на конституционно-правовое регулирование формализации и осуществления права на свободу мирных собраний на постсоветском правовом пространстве, что позволит выделить сходные и отличительные черты правового развития института права на свободу мирных собраний.

Так, ст. 35 Конституции Республики Беларусь провозглашает, что свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется государством. Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом [8]. Считаем, что указанная норма демонстрирует иной подход, который нашел свое воплощение в проанализированных конституционных нормах европейских государств. Во-первых, акцент переносится с права человека, права гражданина как его четко определенной и признанной государством возможности на определенный юридический факт, конечный результат. Во-вторых, смещается внимание с собственно права на свободу мирных собраний на формы таких собраний и особенности их осуществления – не нарушающие правопоря-

док и права других граждан Республики Беларусь. Такая норма в определенной мере, на наш взгляд, упреждает злоупотребление правом на свободу мирных собраний, когда общество и его права стоят на порядок выше от индивидуума, человека и его прав. Помимо этого, должны подчеркнуть, что сложно государству гарантировать свободу форм осуществления права на свободу мирных собраний: собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, без юридических и фактических гарантий осуществления права на свободу таких форм мирных собраний. Безусловно, отсылочный характер данной конституционной нормы, на наш взгляд, не гарантирует истинной, лишенной воздействия и влияния государства свободы мирных собраний. Помимо всего сказанного, сам факт свободы именно мирных собраний не нашел своего юридического изложения в указанной конституционной норме. Кроме того, норма ст. 35 Конституции Республики Беларусь существенно отличается от проанализированных норм конституций стран Европы и в том, что в ней нет абсолютно определенных условий и оснований, а также способа ограничения или лишения возможности осуществления права на свободу мирных собраний. Не исключено, что связано это с тем, что в проанализированной конституционной норме внимание не сосредотачивается именно на праве граждан на мирные собрания, а речь идет о самих собраниях.

К примеру, ст. 32 Конституции Республики Казахстан содержит следующие нормы: «Граждане Республики Казахстан вправе мирно и без оружия собираться, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Пользование этим правом может ограничиваться законом в интересах государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, защиты прав и свобод других лиц» [9]. Независимо от сжатости данной конституционной нормы, она содержит весьма глубокий смысл, связанный как с определением содержания права на свободу мирных собраний, его ключевого признака – мирности и отсутствия оружия, а также оснований для ограничения права на свободу мирных собраний. Норма Конституции Республики Казахстан демонстрирует имплементацию историко-правового опыта понимания регулирования осуществления права на свободу мирных собраний.

Что касается определения субъекта осуществления права на свободу мирных собраний, то должны обратиться к норме ст. 12 Конституции Республики Казахстан, где указывается, что в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. Права и свободы человека при-

надлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Гражданин республики в силу самого своего гражданства имеет права и обязанности. Иностранцы и лица без гражданства пользуются в республике правами и свободами, а также выполняют обязанности, установленные для граждан, если иное не предусмотрено Конституцией, законами и международными договорами. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность. Таким образом, возможность осуществления права на свободу мирных собраний признается и за иностранцами, и за лицами без гражданства.

Перенесемся на Дальний Восток Евразийского континента и исследуем конституционные нормы, например, Японии в сфере конституционно-правового регулирования осуществления права на свободу мирных собраний.

Норма ст. 21 Конституции Японии гарантирует свободу собраний и объединений, а также свободу слова, печати и всех иных форм выражения мнений. Никакая цензура не допускается, тайна корреспонденции не должна нарушаться [10]. Япония избрала практику объединения ряда сопряженных свобод: мирных собраний, слова и печати, выражения мнений, в одной норме. В связи с этим можно сделать вывод о том, что право на свободу мирных собраний есть продолжение свободы слова и выражения мнения. Именно так представляется право на свободу мирных собраний в ст. 21 Конституции Японии.

А вот как право на свободу мирных собраний формализуется в конституционных нормах стран Южной Америки. Так, в ст. XVI Конституции Бразилии записано: «Все могут без разрешения собираться мирно без оружия в местах, открытых для публики, если только такое собрание не нанесет ущерба другому собранию, ранее созываемому на этом же месте; требуется только предварительное извещение компетентных органов власти» [11]. По сути, данная конституционная норма Бразилии мало отличается от европейской практики конституционного законотворчества. Но вместе с этим не можем упустить тот факт, что в Конституции Бразилии, впервые из упомянутых конституционных норм, описывается порядок разрешения конкуренции собраний и права на свободу мирных собраний их участников. Бразилия сохранила оповестительный характер осуществления права на свободу мирных собраний, указав на то, что о намерении осуществить право на свободу мирных собраний необходимо изве-

стить компетентные органы власти. К сожалению, должны отметить, что такое словосочетание, как «компетентные органы власти», в условиях, когда сама конституционная норма не содержит отсылочного способа изложения, не способствует воплощению принципа ясности и правовой определенности. Помимо всего сказанного, в Конституции Бразилии четко определено место осуществления права на свободу мирных собраний – места, открытые для публики, при этом не конкретизируется, должно такое место находиться в помещении или на улице.

Иначе институционализировано содержание и урегулировано осуществление права на свободу мирных собраний в Канаде. Очевидно, что ключевую роль в решении данного вопроса сыграла правовая система, которую частично унаследовала Канада от Великобритании и ее общего права, поскольку Канада долгое время была колонией и доминионом Великобритании. Следствием восприятия исторических традиций правового регулирования стало то, что Канада не имеет единого конституционного акта (конституции).

В п. 1 Конституционного акта Канады 1982 г. «Права и свободы в Канаде» провозглашено, что канадская Хартия прав и свобод гарантирует права и свободы, которые в ней указаны. Эти права и свободы могут ограничиваться только нормами права в пределах, считаваемых разумными, и оправданность которых может быть объяснена в свободном и демократическом обществе. П. 2 вышеупомянутого акта предусмотрены основные свободы. Каждому принадлежат следующие свободы: а) свобода совести и исповедания религии; б) свобода мысли, убеждений, мнения и выражения включая свободу печати и других средств коммуникации; с) свобода собраний с мирными целями [12]. Таким образом, Канада законодательно оформила принадлежность каждому свободы собраний с мирными целями. По сравнению с понятием права на свободу мирных собраний, сформулированным в Европе, следует отметить, что Канада указывает на мирность не на как признак собрания, а на цель таких собраний. Кроме того, в конституционных актах Канады подчеркиваются существование и возможность осуществления каждым участником общественных отношений воспользоваться свободой мирных собраний, оставляя вне конституционного регулирования порядок и условия ограничения данного права. Безусловно, довольно сложно говорить о тех целях, которые преследовали законодатели Канады, но в то же время, на наш взгляд, такой законодательный подход обусловлен необходимостью признать субъектами публичной администрации наличие права на свободу мирных собраний каж-

дого человека, возможности его осуществления каждым человеком. Также убедительным является то, что в конституционном акте Канады подчеркивается не просто существование права на свободу мирных собраний, а именно свобода собраний. Таким образом, в национальном законодательстве Канады каждому гарантируется возможность осуществления выбора, свободы осуществления собираться, реализовывать субъективное право.

Заключение. Подытоживая компаративное исследование конституционных норм государств мира, которые формализуют, институционализируют и регулируют осуществление права на свободу мирных собраний внутри государств, следует отметить, что национальные правовые системы склонны к конституционному регулированию права на свободу мирных собраний. Во-первых, указанный подход, на наш взгляд, свидетельствует о важности права на свободу мирных собраний для общества и признания этого факта государствами. Во-вторых, конституционное регулирование осуществления права на свободу мирных собраний указывает на демократический путь развития правовой системы, общества и государства. Кроме того, мировой опыт конституционно-правового регулирования права на свободу мирных собраний позволяет выделить два основных его направления: 1) непосредственное конституционно-правовое регулирование осуществления права на свободу мирных собраний; 2) отсылочный способ изложения конституционно-правовых норм, регулирующих право на свободу мирных собраний. В-третьих, конституционные нормы разных государств по-разному подходят к необходимости закрепления в конституционных нормах исчерпывающих оснований ограничений осуществления права на свободу мирных собраний. Наряду с этим отметим, что способ изложения конституционных норм не всегда влияет на конституционное определение исчерпывающих оснований ограничений права на свободу мирных собраний. В-четвертых, свобода мирных собраний по-разному демонстрируется сквозь установленный механизм извещения о намерениях осуществления права на свободу мирных собраний. Как результат, в ряде стран принят оповестительный механизм, когда субъекту осуществления права на свободу мирных собраний достаточно известить органы публичной администрации о намерении проводить собрания, в других – даже такого извещения не требуется, в третьих – указанный вопрос не разрешен в конституционных нормах. В-пятых, важной, на наш взгляд, особенностью ряда конституционных норм является то, что в них помимо декларирования существования

права на свободу мирных собраний провозглашается обязанность государства гарантировать осуществление права на свободу мирных собраний (Чехия, Беларусь, Япония).

Не можем не отметить тот факт, что по-разному определяется и субъект осуществления права на свободу мирных собраний: 1) граждане (Италия, Казахстан); 2) по национальному признаку, например, немцы, бельгийцы (Германия, Бельгия); 3) независимо от национальности и гражданства, когда субъект обозначается определением «каждый» или «все» (Португалия, Польша, Канада, Бразилия); 4) ключевым в конституционных нормах есть результат – мирное собрание, а вот субъект осуществления права обезличен или же о нем вообще не упоминается (Чехия, Беларусь, Япония). Помимо вышеуказанного в ряде конституционных норм государств, например, в Италии, Германии и Бельгии, которые признают право на свободу мирных собраний за гражданами своей страны, не содержит норм, которые признавали бы указанное право за иностранцами. Вместе с тем их законодательная практика склонна использовать международные документы для признания и гарантирования осуществления права на свободу мирных собраний не гражданами указанных государств.

Каждое государство по-своему подходит к конституционно-правовому регулированию осуществления права на свободу мирных собраний. Исключительно регулирование права на свободу мирных собраний с помощью конституционных норм, отсутствие специального законодательного акта, нормы которого регулируют осуществление права на свободу мирных собраний, – это не слабость правовой системы, неисполнение законодательным органом его обязанности законодательного регулирования общественных отношений в сфере осуществления права на свободу мирных собраний, а гарантированная государством свобода осуществления права на мирные собрания, которая не ограничивается волей и интересами государства [13, с. 140–141; 14, с. 296].

Таким образом, мировой опыт конституционно-правового регулирования права на свободу мирных собраний создал разные правовые подходы к нормативно-правовому определению данного права, его формализации в конституционных нормах, а также регулированию осуществления права на свободу мирных собраний с помощью конституционных норм. Вместе с тем констатируем, что право на свободу мирных собраний признано, его осуществление является важным инструментом в утверждении демократических процессов, активности граждан и формирования гражданского общества, а также в форми-

ровании и развитии унифицированных подходов к однозначному определению содержания права на свободу мирных собраний и его осуществлению. Конечно, пройдет немало времени до того, как право на свободу мирных собраний в равной мере будет провозглашено всеми субъектами международного права и национальных правовых систем, а осуществление права на свободу мирных собраний в равной мере будет гарантировано всем со стороны субъектов публичной администрации и государств в целом. Поэтому мы уверены в том, что научное, доктринальное исследование права на свободу мирных собраний, особенно его компаративные поиски, будет венцом и надежным фундаментом правового регулирования институционализации и осуществления права на свободу мирных собраний.

Литература

1. Майданник, О.О. Конституційне право України: навч. посібник / О.О. Майданник. – К.: Алерта, 2011. – 380 с.
2. Конституция Итальянской Республики от 27 дек. 1947 г. Временный глава государства в соответствии с решением Учредительного собрания, одоб. в заседании 22 дек. 1947 г. Конституцию Итальянской Республики, и согласно XVIII заключительному постановлению Конституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=148>. – Дата доступа: 25.01.2019.
3. Конституция Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г.: с последующими изм. и доп. до 20 окт. 1997 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>. – Дата доступа: 25.01.2019.
4. Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 года (консолидированный текст): с изм. от 25 марта 1996 г., 28 февр. 1997 г., 11 марта 1997 г., 20 мая 1997 г., 12 июня 1998 г., 17 июня 1998 г., 20 нояб. 1998 г., 11 дек. 1998 г., 12 марта 1999 г., 7 мая 1999 г., 23 марта 2000 г. и 16 мая 2000 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=157&attempt=1>. – Дата доступа 25.01.2019.
5. Конституция Польской Республики от 2 апр. 1997 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>. – Дата доступа: 11.02.2019.
6. Конституция Чехии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/czech_republic.pdf. – Дата доступа: 04.02.2019.
7. Конституция Португальской Республики от 2 апр. 1976 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm. – Дата доступа: 11.02.2019.
8. Конституция Беларуси: принята на респ. референдуме 24 нояб. 1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=131>. – Дата доступа: 25.01.2019.
9. Конституция Республики Казахстан от 30 авг. 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=129>. – Дата доступа: 25.01.2019.
10. Конституция Японии: промуглирована 3 нояб. 1946 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>. – Дата доступа: 25.01.2019.
11. Конституция Бразилии 5 окт. 1988 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=563>. – Дата доступа: 25.01.2019.
12. Конституционные акты Канады. Прокламация о Конституционном акте 1982 г., Конституционный акт 1982 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/canada/canada-r.htm. – Дата доступа: 25.01.2019.
13. Самбор, М.А. Право на мирні зібрання: монографія / М.А. Самбор. – Прилуки: КП “Прилуцька міська друкарня”, 2018. – 420 с.
14. Самбор, М.А. Правові аспекти обмеження права на подання позовів суб'єктами публічної адміністрації щодо обмеження права на мирні зібрання / М.А. Самбор // Актуальні проблеми соціального права: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. “Проблеми реалізації і захисту прав людини в світлі Загальної декларації прав людини” (до 70-річчя з дня ухвалення), 14 грудня 2018 року. – Львів: ГАЛИЧ-ПРЕС, 2019. – Вип. 8. – С. 292–296.

Поступила в редакцію 05.03.2019 г.

Финансовая глубина экономики

Золотарева О.А.¹, Минченко А.А.²

¹Учреждение образования «Полесский государственный университет»

²Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

Глобальная макроэкономическая цель состоит в достижении полной занятости. Достижение ее невозможно, если в экономике отсутствует социальное доверие.

Целью данной статьи является исследование показателей финансовой глубины экономики, каждый из которых отражает определенную степень вертикального и горизонтального доверия.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили компаративные исследования финансовой глубины экономик различных стран, проводимые Всемирным банком, Международным валютным фондом, отечественными и зарубежными экономистами. В работе были использованы следующие методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнения. Значения показателей финансовой глубины в разрезе стран и групп стран представлены в графической и табличной формах.

Результаты и их обсуждение. Обращает на себя внимание проблема снижения темпов экономического роста по мере того как национальная экономика становится развитой и синергетически сложной. Это связано с тем, что по мере экономического созревания страны значение валовых показателей (прежде всего ВВП) уменьшается в пользу качественных характеристик, многие из которых не подвластны статистическому анализу. Существует альтернативная стратегия таргетирования экономического роста путь экономического развития. Богатство общества может увеличиваться посредством увеличения ценности вещественного и человеческого капиталов. Категория «финансовая глубина экономики» как раз и выступает в качестве одной из серьезных попыток оцифровки человеческого капитала страны. Основным преимуществом финансовой глубины является возможность для стран с высоким ее уровнем осуществлять стимулирующую монетарную политику, поскольку развитый финансовый рынок способен поглощать избыточную ликвидность без инфляционных последствий.

Заключение. В настоящее время вся система таргетируемых макроэкономических показателей крепко привязана к потоковым показателям. Альтернативой доминированию потоковых показателей является комплекс показателей финансовой глубины экономики. Их использование позволит объективно отразить положение дел в экономике и разработать качественную программу долговременного экономического развития.

Ключевые слова: финансовая глубина экономики, экономический рост, экономическое развитие, монетизация экономики, социальное доверие, финансовые рынки, финансовые институты.

Financial Depth of the Economy

Zolotareva O.A.¹, Minchenko A.A.²

¹Educational Establishment "Polesky State University"

²Gomel Branch of the International University "MITSO"

The global macroeconomic goal is to achieve full employment. Its achievement is impossible if there is no social trust in the economy.

The aim of the work is to study the indicators of the financial depth of the economy, each of which reflects a certain degree of vertical and horizontal trust.

Materials and methods. Comparative study of the financial depth of the economies of various countries, conducted by the World Bank, the International Monetary Fund, and domestic and foreign economists was the research material. The following methods were used in the work: analysis and synthesis, induction and deduction, comparison. The values of financial depth in the context of countries and groups of countries are presented in graphical and tabular forms.

Findings and their discussion. Attention is drawn to the problem of slowing economic growth as the national economy becomes developed and synergistically complex. This is due to the fact that with the economic maturity of the country, the value of gross indicators (first of all, GDP) decreases in favor of qualitative characteristics, many of which are not subject to statistical analysis. There is an alternative path to the strategy of targeting economic growth – the path of economic development. The wealth of society can increase by increasing the value of material and human capital. The category of "financial depth of the economy" is just one of the serious attempts to digitize the country's human capital. The main advantage of financial depth is the ability for countries with its high level to implement a stimulating monetary policy, since the developed financial market is able to absorb excess liquidity without inflationary consequences.

Conclusion. Currently, the entire system of targeted macroeconomic indicators is firmly tied to flow indicators. An alternative to the dominance of flow indicators is a set of indicators of the financial depth of the economy. Their use will allow us to objectively reflect the state of affairs in the economy and develop a quality program for long-term economic development.

Key words: financial depth of the economy, economic growth, economic development, monetization of the economy, social trust, financial markets, financial institutions.

В чем состоит долговременная цель всякого макроэкономического регулирования? Считается, что ответ на этот вопрос прост: удовлетворение потребностей как можно большего количества граждан. На такой ответ есть два существенных возражения.

Во-первых, если субъекты хозяйствования страны полностью знают и понимают работу макроэкономических механизмов, то формируется эффект разрушительных рациональных ожиданий, что делает регулирование со стороны государства крайне затруднительным. Знание гражданами истинного положения вещей в экономике является необходимым условием функционирования рыночной экономики в демократическом обществе, однако умение предсказать действия глобального регулятора может помешать регулятору эффективно управлять экономикой. И дело не только в экономических агентах: сами оценки непосредственно изменяют экономическую реальность, что отражается на котировках, процентных ставках.

На этот феномен указывали американские экономисты Лукас и Сарджент еще в 80-х годах прошлого века. Эту закономерность учитывают и монетарные власти ведущих развитых стран при проведении денежно-кредитной политики. Так, основой нетрадиционной монетарной политики, проводимой в развитых странах для преодоления кризиса 2008 года, было так называемое форвардное руководство (*forward guidance*) [1], которое более правильно будет перевести как «предваряющее управление». Суть его в том, что центральный банк изучает ожидания в отношении будущего изменения краткосрочных ставок и корректно манипулирует ими. Инструментом отслеживания ожиданий рынка относительно процентной политики монетарных властей является, в частности, рынок фьючерсов по ставке федеральных фондов [2]. Динамика этого рынка в период кризиса показала эффективность предваряющего управления ожиданиями со стороны властей.

Учитывая рациональность ожиданий экономических агентов, монетарные власти, объявляя о своих целях, крайне осторожны в декларациях о том, как они достигнут этой цели. По этой же причине центральные банки большинства развитых стран экономически и политически отделены от демократических правительств.

Второе возражение основывается на том психофизическом факторе, что все людские потребности не только нельзя удовлетворить, но и не следует пытаться делать это. Человеческая жизнь есть процесс созревания и актуализации все новых и новых потребностей. Здоровые по-

требности, составляющие основу эффективного спроса, должны существовать всегда; более того, экономические власти, производители товаров и услуг должны способствовать, чтобы они были еще более интенсивными и напряженными, осуществляя меры по стимулированию спроса.

Отсюда проистекает следующий вывод: глобальная макроэкономическая цель состоит вовсе не в удовлетворении совокупного потребительского спроса, а в достижении ситуации полной занятости. Достижение этой цели невозможно, если в экономике отсутствует социальное доверие.

Цель статьи – исследование показателей финансовой глубины экономики, каждый из которых отражает определенную степень вертикального и горизонтального доверия.

Материал и методы. Материалом для данной работы послужили компаративные исследования в области финансового развития различных стран, проводимые Всемирным банком, Международным валютным фондом, отечественными и зарубежными экономистами. Для осуществления анализа и получения выводов и обобщений были использованы следующие методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнения.

Результаты и их обсуждение. Доверие не только позволяет сделать транзакции менее затратными, но и представляет собой самостоятельную ценность. Проблема состоит в назревшем императиве формализации этой зыбкой категории, в том, чтобы найти надежные индикаторы, способные отразить уровень вертикального и горизонтального доверия в стране. В общем, речь идет о цифровых контурах финансовой глубины экономики.

Со скепсисом о ВВП. Прежде чем провести анализ показателей финансовой глубины экономики, по достоинству оценим традиционные потоковые показатели, основным из которых в системе макроэкономических измерений является ВВП.

Валовый внутренний продукт – это рыночная стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, накопления, экспорта. Недостаток данного показателя в игнорировании структуры системы, глубинный анализ которой позволил бы отличить процветающую экономику от экономики-пузыря. В ВВП не учитывается бартер, домашний уход за инвалидами, престарелыми, детьми, не принимается во внимание волонтерская деятельность. Все услуги, оказываемые на безоплатной основе, то есть «немонетизированные» услуги, тоже не учитываются. Увеличение затрат государства и граждан на психологическую работу, социальную помощь, лечение наркомании и алкоголизма оце-

нивается как рост ВВП. Преступность добавляет в ВВП миллиарды расходов в виде затрат на юридические услуги, содержание тюрем, увеличение штата милиции (полиции) и т.п.

Истощение природных ресурсов, расходы на ликвидацию экологических катастроф, лечение заболеваний, оказание помощи потерпевшим от природных катаклизмов, разрушения, вызванные войнами, – все это может оказаться источниками роста ВВП, что, конечно, парадоксально.

Обращает на себя пристальное внимание проблема снижения темпов экономического роста по мере того, как национальная экономика становится развитой и синергетически сложной. Эта тенденция носит неслучайный характер и связана с тем, что в результате экономического созревания страны значение валовых показателей уменьшается в пользу качественных характеристик, многие из которых не подвластны статистическому анализу.

Феномен изменения качества товаров в некоторых странах пытаются измерить посредством гедонистических индексов (Hedonic Price Index). Гедонистические индексы, или «коэффициенты удовольствия», стали применять с 1990-х годов в США первоначально к производимым компьютерам, а затем и по отношению ко всем другим товарам длительного пользования. В настоящее время гедонистические индексы в том или ином виде применяют органы официальной статистики Финляндии, Канады, Германии, Японии.

Методика применения этих индексов еще далека от совершенства и едва ли может устранить ущербности, присущие потоковым показателям.

Экономическое развитие *contrversus* экономический рост. Итак, можно предположить, что существует альтернативный стратегии таргетирования экономического роста путь экономического развития. *Богатство общества может увеличиваться иным способом – посредством увеличения ценности вещественного и человеческого капиталов.* Земля, структурный капитал, уровень образованности народа, его мера дисциплинированности, степень вертикального и горизонтального доверия в стране – все это пока не оцифрованные ценности, во многом автономные от ценности продуктов, произведенных с помощью этих факторов производства. При одинаковых темпах экономического роста общество может быть богатым и бедным, процветающим и вырождающимся, здоровым и депрессионным.

Из всех перечисленных элементов национального богатства человеческий капитал народа является самым интригующим. Выражаясь космологическим сленгом, здесь мы имеем «темную

материю» национальной экономики. Подобно тому как физики не могут выразить цифровым языком темную материю вселенной, предположительная масса которой во много больше вещественной вселенной, так и экономисты пока что не в состоянии оцифровать человеческий капитал нации.

На уровне отдельного предприятия какое-то представление о существовании человеческого капитала дает понятие гудвилла (goodwill) как разницы между сложившейся рыночной ценой предприятия и его восстановительной стоимостью. Однако объем человеческого капитала нации нельзя рассматривать как сумму отдельных гудвиллов, так что приходится искать агрегированные показатели. Категория «финансовая глубина экономики» как раз и нарекает одну из серьезных попыток оцифровки человеческого капитала.

Данная категория (Financial Depth) была введена в конце 1980-х годов в публикациях Всемирного банка с тем, чтобы отразить взаимосвязь между насыщением экономики деньгами, степенью развития финансово-кредитной системы, с одной стороны, и темпами экономического роста – с другой. Методологический концепт первоначально использовался экспертами Всемирного банка для оценки уровня обеспеченности финансовыми ресурсами экономики страны, региона, группы стран. Чаще всего подобный анализ предпринимался в отношении развивающихся стран. В последующем понятие приобрело более широкий смысл и стало отражать уровень развития финансового посредничества в мировой экономике, стране или группе стран. Комплекс показателей, характеризующих финансовую глубину экономики, показывает, в какой мере бизнес и домашние хозяйства финансируют свою деятельность за счет рынков капитала, банков и прочих финансовых посредников [3; 4].

Оценка финансовой глубины является частью общего анализа финансовых систем, проводимого Всемирным банком. Для получения комплексной характеристики финансовой системы Всемирный банк оценивает ее по четырем критериям (глубина, доступ, эффективность и стабильность) для двух ключевых компонентов финансового сектора: финансовых институтов (банковские и небанковские финансовые институты) и финансовых рынков (рынок акций, облигаций и другие рынки). Таким образом, для всесторонней оценки финансовой системы страны собирается матрица 4×2 (таблица 1). Финансовая глубина является одним из четырех критериев оценки и представляет собой способ измерения размера финансового института или рынка по отношению к размеру экономики.

Таблица 1 – Матрица оценки финансовой системы страны

	Финансовые институты	Финансовые рынки
Глубина	Банковские кредиты нефинансовым компаниям к ВВП	Капитализация рынка акций и корпоративных ценных бумаг национальных эмитентов к ВВП
Доступность	Доля взрослого населения, располагающего счетами в финансовых институтах	Доля капитализированных компаний, не являющихся 10 крупнейшими
Эффективность	Кредитно-депозитный спред	Объем сделок к капитализации рынка акций
Стабильность	Средневзвешенный Z-счет для коммерческих банков	Волатильность цен финансовых активов

Источник: [5, с. 314].

Рисунок 1 – Темпы роста ВВП в странах с различным уровнем дохода на душу населения (составлено автором по данным Всемирного банка [6])

В исследованиях Всемирного банка утверждается, что финансовое развитие ускоряет экономический рост, усиливает конкуренцию, повышает спрос на труд, способствует сокращению бедности.

Тем не менее корреляция между долгосрочным экономическим ростом и финансовой глубиной экономики явно не прослеживается.

Рисунок показывает, что страны с высокими показателями финансовой глубины (страны ОЭСР), начиная с 1968 года, демонстрировали более низкие темпы роста в сравнении со странами с низким уровнем финансовой глубины. По этой причине критика потоковых показателей предвещала наш анализ категории финансовой глубины экономики.

Эксперты МВФ разработали обобщающий индекс финансового развития (FDI), который охватывает институты (банковские и небанковские), а также финансовые рынки по трем критериям: глубина, доступ, эффективность. Используя индекс FDI, эксперты пришли к следующим выводам: 1) положительная связь между финансовым развитием и ростом все-таки подтверждается; 2) предельная отдача от роста в результате дальнейшего финансового развития уменьшается при высоких уровнях финансового развития, то есть существует значительная конусообразная связь между финансовым развитием и ростом. Такая же нелинейная связь существует между финансовым

развитием и экономической стабильностью. При этом наибольшее значение в этой нелинейной связи имеет именно финансовая глубина, а не доступ и эффективность. Однако большинство развивающихся стран все еще находится в зоне, где дальнейшее финансовое развитие способствует как более высокому росту, так и стабильности; 3) важны темпы финансового развития: слишком быстрый темп ведет к нестабильности; 4) не существует универсального подхода в последовательности развития институтов или рынков, но по мере развития экономики относительные выгоды от институтов уменьшаются, а выгоды от рынков увеличиваются.

Эксперты отмечают, что финансовое развитие мобилизует сбережения, способствует обмену информацией, улучшает распределение ресурсов, способствует диверсификации и управлению рисками, а также финансовой стабильности [7].

В макроэкономическом плане финансовая глубина экономики содержит еще больше выгод для общества. Основным преимуществом финансовой глубины является возможность для стран с высоким ее уровнем осуществлять стимулирующую денежно-кредитную политику, поскольку развитый финансовый рынок способен поглощать избыточную ликвидность без значительного роста инфляции. Следовательно, для экономики развивающихся стран, а также некоторых стран Восточной Европы задача состоит в том, чтобы повысить насыщенность экономики деньгами без инфляционных последствий. Наличие финансовой глубины в экономике создает и другие преимущества для страны, которая ею обладает: 1) более высокий уровень управляемости экономикой; 2) более высокое качество экономического развития страны; 3) экономика становится более сложной в синергетическом аспекте.

Процентная ставка как индикатор уровня экономического развития. Важным индикатором вертикального и горизонтального доверия в обществе является процентная ставка.

Дж.М. Кейнс определял процентную ставку как меру нежелания расставаться с ликвидностью: «Норма процента в любое время, будучи вознаграждением за расставание с ликвидностью, есть мера нежелания со стороны тех, кто владеет деньгами, расставаться с непосредственным контролем над ними» [8, с. 173].

На рисунке 2 представлена панорама ключевых процентных ставок отдельных стран мира.

Как видно из рисунка 2, в развитых странах процентные ставки низкие, иногда даже отрицательные, в развивающихся странах – очень высокие.

Корреляция с состоянием человеческого капитала очевидна: если общество не доверяет

планам правительства, экономические агенты будут держать ликвидность при себе, так как функция ликвидных активов в том и состоит, чтобы компенсировать имеющиеся в экономике риски.

Коэффициент монетизации экономики как основной показатель финансовой глубины экономики. Данный показатель выражает объем ликвидности, который может вместить национальная экономика без инфляционных последствий. Чем больше степень монетизации экономики, чем более насыщена экономика финансовыми ресурсами, тем значительнее размеры капитализации рынков.

Здесь мы встречаемся с одним из тех странных феноменов, что побуждают критически отнестись к доминирующему ныне макроэкономическому мейнстриму: для стран с низким коэффициентом монетизации экономики характерна гораздо более высокая инфляция, чем для стран с высоким коэффициентом монетизации.

Если проанализировать значение коэффициента монетизации в макроэкономическом аспекте (рисунок 3), то можно сделать вывод, что на каждую единицу денег в Беларуси приходится в несколько раз больше единиц ВВП, чем в развитых странах.

Казалось бы, это обстоятельство должно сделать белорусские деньги более обеспеченными и менее подверженными инфляции, но факты свидетельствуют об обратном (рисунок 4). В странах с низкими коэффициентами монетизации – самые высокие значения инфляции.

Все не так уж и странно, если мы обратимся к хрестоматийной формуле необходимого количества денег Фишера.

$$M \times V = P \times Q \quad (1)$$

Количество денег в обращении должно быть прямо пропорционально не величине ВВП, а количеству обращаемых на рынке благ, каковыми могут быть не только потребительские товары и услуги и не только инвестиционные блага, но и такие элементы национального богатства, как акции и облигации. Все развитые страны имеют высокоразвитый фондовый рынок с большим количеством разнообразных ценных бумаг, отражающих собой высокую степень горизонтального и вертикального доверия в обществе.

Комплекс основных показателей финансовой глубины экономики. Сведем основные индикаторы, рассчитываемые Всемирным банком для анализа финансовой глубины экономики, в таблицу 2. Индикаторы представлены в сравнении для трех соседствующих государств – Украины, Беларуси, Польши, показано также среднемировое значение каждого индикатора.

Таблица 2 – Основные показатели финансовой глубины

Индикаторы	Мир	Украина	Беларусь	Польша
Mutual fund assets to GDP (%)	15,29			6,8
Domestic credit to private sector (% of GDP)	128,856	31,1	26,4	52,7
Deposit money banks' assets to GDP (%)	55,09	65,23	48,93	68,15
Nonbank financial institutions' assets to GDP (%)	6,14	13,28	5,78	
Deposit money bank assets to deposit money bank assets and central bank assets (%)	96,22	75,6	98,59	100
Liquid liabilities to GDP (%)	56,12	37,6	30,51	62
Life insurance premium volume to GDP (%)	0,89	0,11	0,07	1,24
Non-Life insurance premium volume to GDP (%)	1,15	1,25	0,78	1,29
Insurance company assets to GDP (%)	6,78	4,4	1,36(2009)	10,07
Private credit by deposit money banks to GDP (%)	44,54	56,97	22,08	52,18
Pension fund assets to GDP (%)	10,47	0,12		7,91
Market capitalization of listed domestic companies (% of GDP)	112,579	15,723(2011)		38,396
Stocks traded, total value (% of GDP)	117,952	0,092		12,965
Outstanding domestic private debt securities to GDP (%)	26,95			2,07(2011)
Outstanding domestic public debt securities to GDP (%)	28,67			37,18(2011)
Outstanding international private debt securities to GDP (%)	10,8	7,69	51,84(2010)	2,18
Outstanding international public debt securities to GDP (%)	6,46	2,84	2,24(2014)	12,28
International debt issues to GDP (%)	17,36	10,52	2,24(2014)	14,44

Составлено автором по данным Всемирного банка [9].

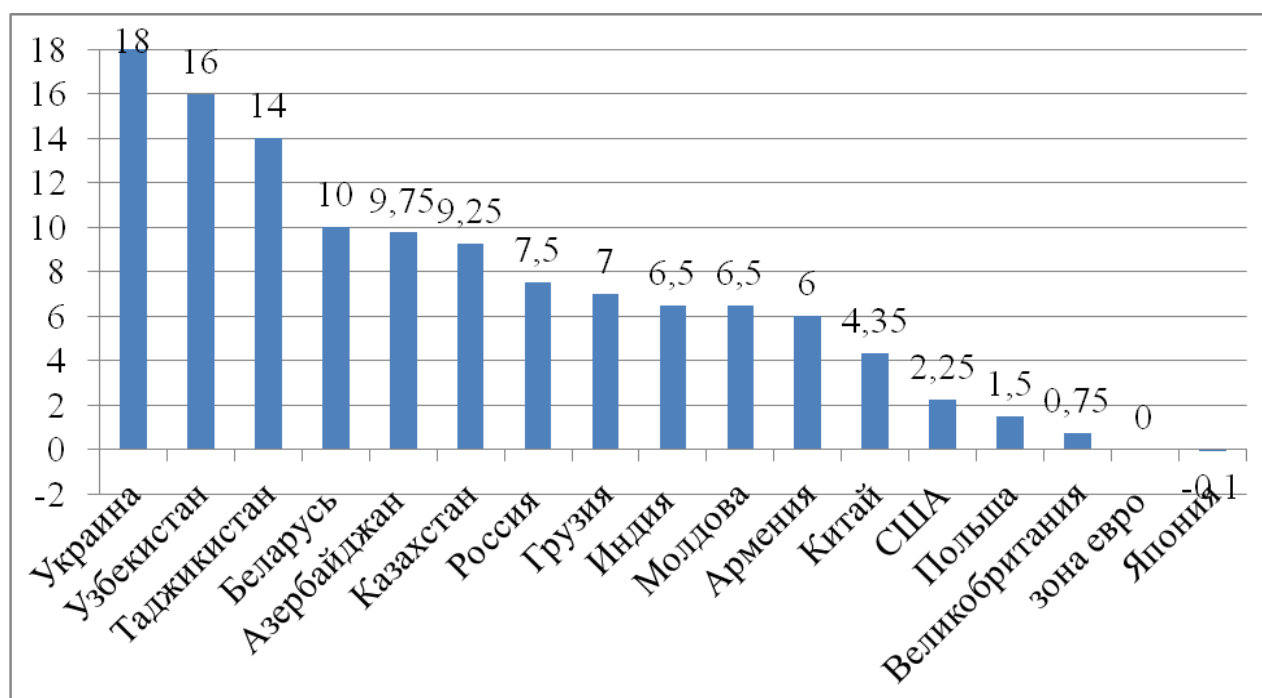

Рисунок 2 – Ключевые процентные ставки стран мира (составлено автором по данным Alpari: https://alpari.com/ru/analytics/fundamental_analysis/interest_rates/)

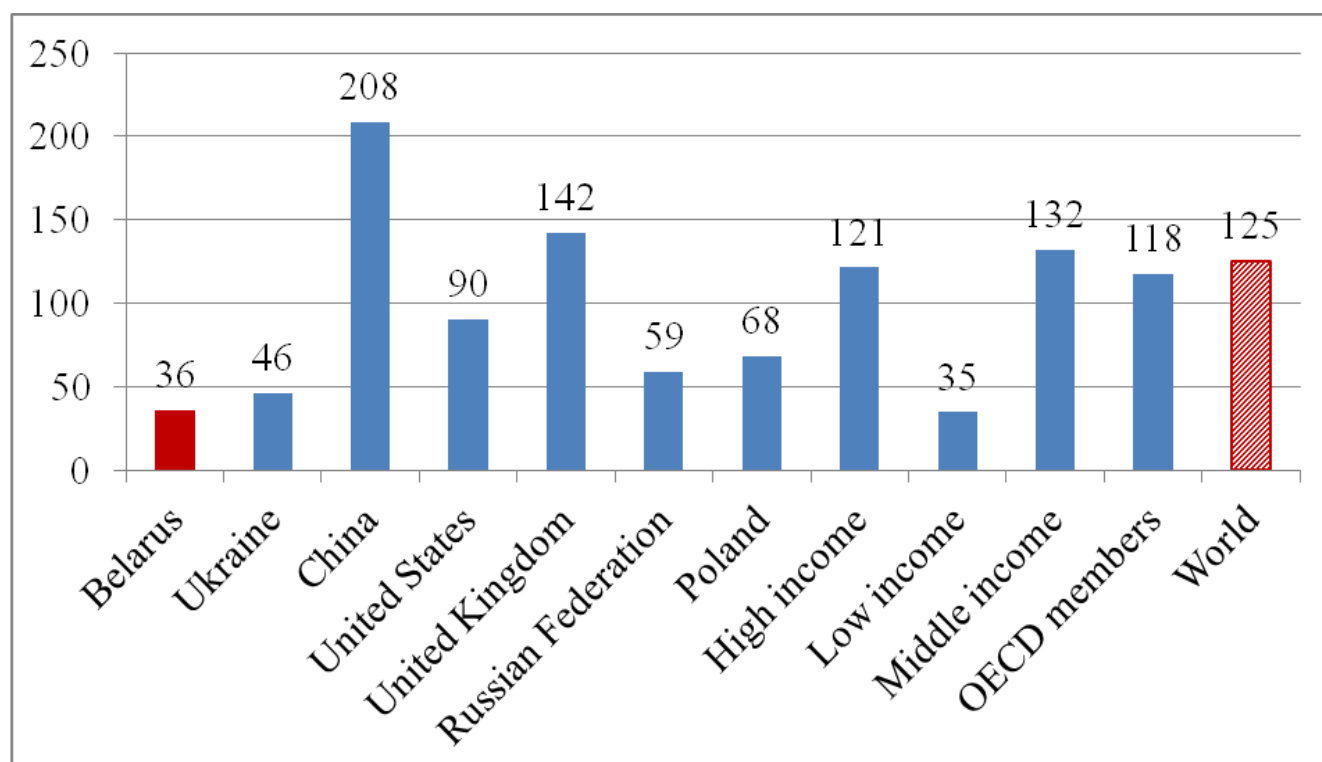

Рисунок 3 – Коэффициент монетизации экономики (широкая денежная масса к ВВП, %) в разрезе стран и групп стран (составлено автором по данным Всемирного банка [9])

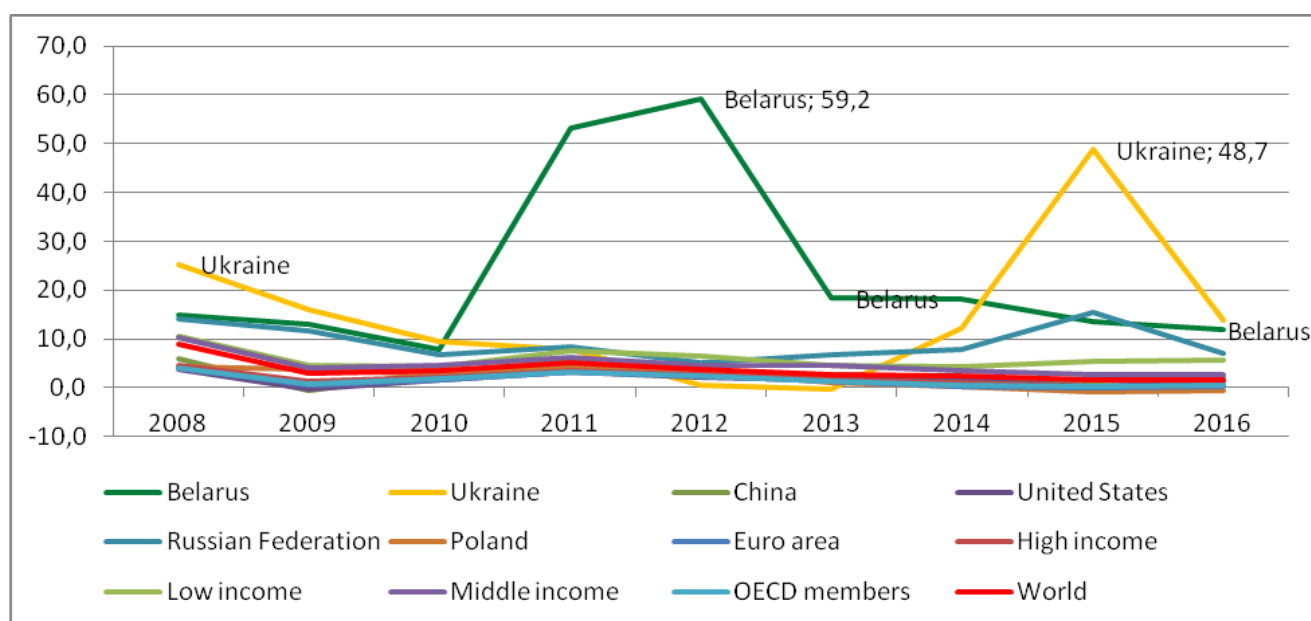

Рисунок 4 – Инфляция по индексу потребительских цен в разрезе стран и групп стран, % (составлено автором по данным Всемирного банка [9])

Объединяет эти показатели то, что каждый из них отражает определенную степень вертикального и горизонтального доверия в обществе. И если оно незначительно, общество априори несет значительные потери в виде транзакционных издержек и потерь информации, передающейся по многочисленным скалярным цепям управленческих структур.

Прокомментируем содержание отдельных показателей финансовой глубины.

1. Domestic credit to private sector by banks (% of GDP). Внутренние кредиты частному сектору со стороны банков – это финансовые ресурсы, предоставляемые частному сектору депозитными институтами (за исключением центральных банков). Для некоторых стран эти требования включают кредиты государственным предприятиям. По своей сути этот показатель отражает доверие к частному сектору страны со стороны банковской системы. Низкий уровень доверия приводит

к довольно значительным масштабам тезаврации иностранной валюты в стране, что представляет собой особую форму оттока капитала. Кроме того, низкое значение данного индикатора влечет за собой высокую процентную ставку по кредитам. Значение данного показателя представлено на рисунке 5.

2. Market capitalization of listed domestic companies (% of GDP). Рыночная капитализация (рыночная стоимость) листингуемых компаний – это цена акций, умноженная на количество акций листингуемых компаний, находящихся в обращении. Инвестиционные фонды, паевые фонды и компании, единственной бизнес-целью которых является удержание акций других листингуемых компаний, исключены. Этот показатель отражает степень синергетичности экономики страны. Значение данного показателя представлено на рисунке 6. В постсоветском пространстве этот показатель мал по разным причинам. Для Беларуси значение этого показателя Всемирным банком не рассчитывается.

3. Pension fund assets to GDP (%) – соотношение активов пенсионного фонда и ВВП. Пенсионный фонд – это любой план или схема, обеспечивающие пенсионный доход. Совершенно очевидно, что данный показатель отражает уровень доверия населения, особенно старшего поколения, к общественным институтам и степень прозрачности экономического будущего. Если будущее неопределенно, общество будет воздерживаться от любых долговременных инвестиций. Значение показателя представлено на рисунке 7.

Пример важности учета финансовой глубины экономики. Финансовая глубина экономики может иметь судьбоносное значение для страны. Так, в большинстве постсоветских стран в 90-е годы прошлого века наблюдалась ситуация спада производства и повышения индекса цен.

Сочетание спада и инфляции называется в экономической теории стагфляцией. Такой диагноз был и выставлен экономикам постсоветских стран. По отношению к стагфляции хрестоматийная рекомендация состоит в следующем: сначала необходимо подавить инфляцию, потом провести экономические реформы, направленные на повышение конкурентности в экономике, и только тогда можно расширять в стране денежное предложение, устраняя рецессионный разрыв и уже не опасаясь нового повышения цен.

Однако, на наш взгляд, диагноз «стагфляция» был ошибочен, поскольку не учитывал индикаторы финансовой глубины постсоветской экономики. Соответственно, было ошибочным и прописываемое лечение постсоветских эконо-

мик, заключающееся в необходимости проводить жесткую антиинфляционную политику.

Все дело в том, что повышение цен не есть достаточный признак инфляции.

Что же такое истинная инфляция? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что понятие «деньги» имеет разное содержание в зависимости от того, в каком контексте мы его употребляем – в экономическом или юридическом. Деньги представляют собой абсолютную ликвидность, и все ликвидные товары могут при благоприятных обстоятельствах выполнять функции денег.

Может сложиться такая ситуация, когда официальные денежные знаки перестают считаться большинством экономических агентов средством ликвидности. Вместо официальных денег функцию ликвидности начинают выполнять иностранные деньги. При этом последним даже необязательно присутствовать в обороте. Население мысленно измеряет и соотносит все свои доходы и транзакции в долларах или евро, осуществляет сбережения в иностранной валюте, а отечественная валюта играет роль разменной монеты этой сильной иностранной валюты.

Именно такая ситуация сложилась в 90-х годах в постсоветских республиках: цены росли, а ликвидность ценилась все больше и больше.

Ситуация повышения относительной стоимости ликвидных товаров свидетельствует о том, что у нас не было истинной инфляции. Стало быть, рестрикционные методики нам явно не подходили, ибо рестрикционные методики дают эффект только в условиях инфляции, когда ликвидные блага по каким-то причинам, чаще всего в результате перегрева экономики, утрачивают свою привлекательность в глазах большинства экономических агентов. В большинстве постсоветских стран был именно рецессионный разрыв, постепенно превратившийся в хроническую депрессию.

Мы нуждались в стимулирующей кейнсианской политике, тем более что после депрессии на постсоветских территориях оказалось огромное количество незагруженных производственных мощностей (еще одно свидетельство рецессионного характера нашего кризиса).

У нас была достойная макроэкономическая альтернатива: базой увеличения количества денег в экономике могла бы стать большая финансовая глубина экономики. Однако доминирующий макроэкономический мейнстрим ориентировался только на потоковые показатели без какого-либо анализа финансовой глубины экономики, что привело к десятилетней стагнации практически во всех странах, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза.

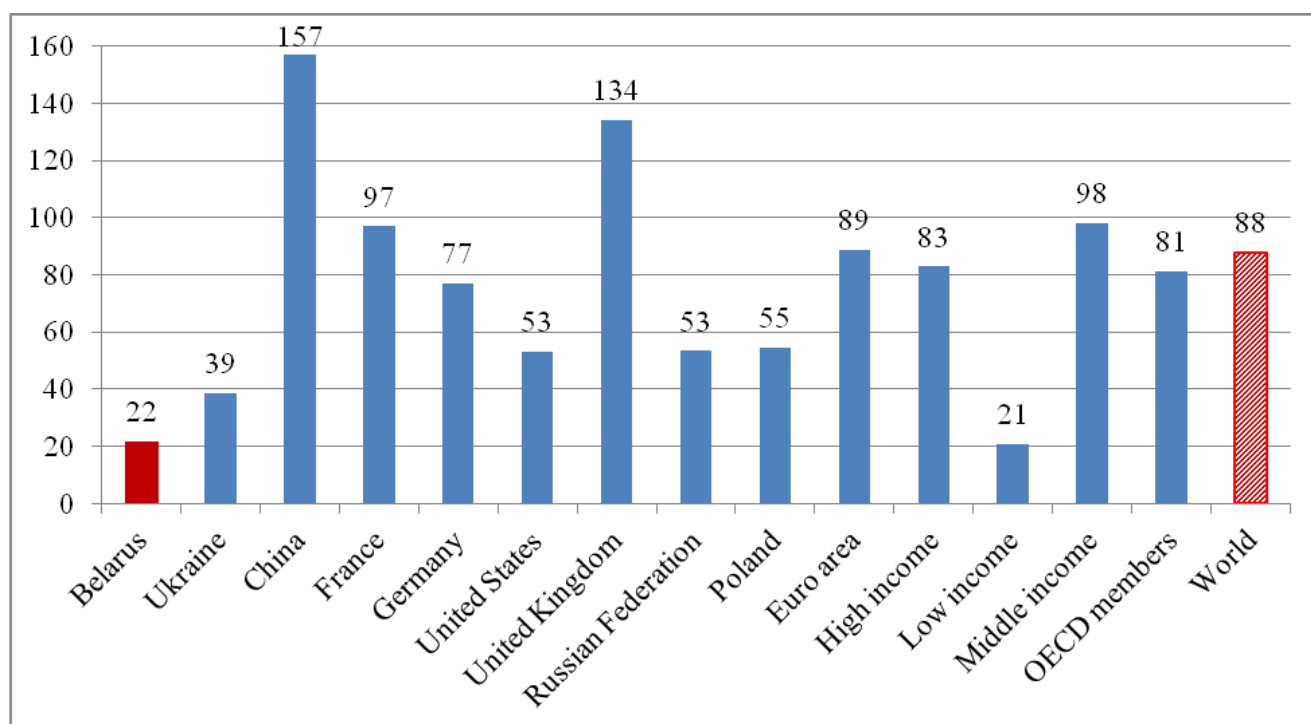

Рисунок 5 – Внутренние кредиты частному сектору со стороны банков к ВВП в разрезе стран и групп стран, % (составлено автором по данным Всемирного банка [9])

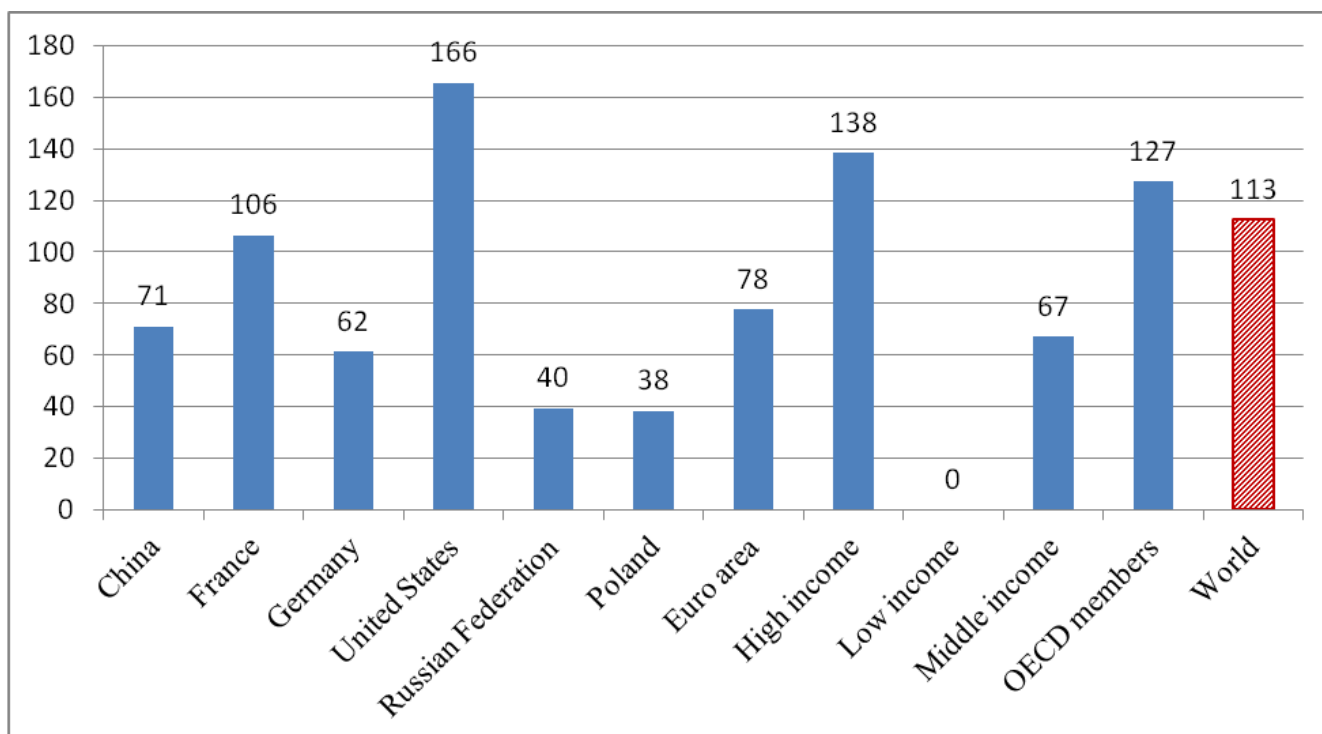

Рисунок 6 – Рыночная стоимость листингуемых компаний в процентах к ВВП (составлено автором по данным Всемирного банка [9])

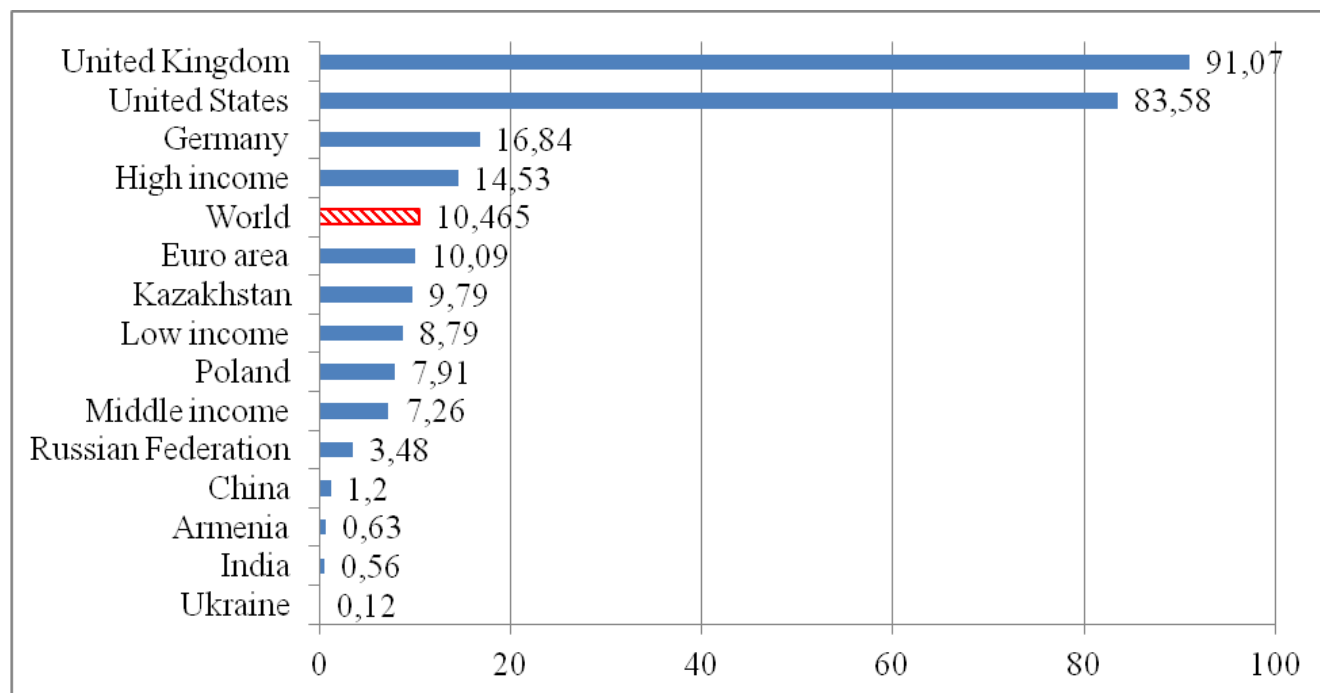

Рисунок 7 – Соотношение активов пенсионных фондов и ВВП, %
(составлено автором по данным Всемирного банка [9])

Заключение. Итак, «финансовая глубина» представляет собой комплекс показателей, посредством которых можно будет некогда оцифровать темную материю современной экономики – человеческий капитал.

В настоящее время вся система таргетируемых макроэкономических показателей крепко привязана к потоковым показателям. Особенно властна такая схема в постсоветских странах. Какие бы меры ни предпринимались в сфере государственных финансов – гласно или по умолчанию, – целью оказывается экономический рост, то есть валовое увеличение производимых товаров и услуг. Ущербности, присущие потоковым показателям, игнорируются.

Такую установку можно было бы понять, если бы не существовало альтернативы. Но альтернатива доминированию потоковых показателей уже есть – это комплекс макроэкономических показателей, характеризующих финансовую глубину экономики. Их использование позволит не только более объективно оценить положение дел в экономике, но и разработать более качественную программу долговременного экономического развития.

Литература

- Williams, J.C. Unconventional Monetary Policy: Lessons from the Past Three Years [Electronic resource] / J.C. Williams. – Mode of access: <http://www.frbsf.org/publications/economics/letter/2011/el2011-31.html>. – Date of access: 12.02.2019.
- Interest Rates Contracts / CME Group Fed Watch [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cmegroup.com/trading/interest-rates/fed-funds.html>. – Date of access: 08.02.2019.
- Financial Development Report 2013. Rethinking the Role of the State in Finance. 2012 International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank [Electronic resource]. – Mode of access: http://siteresources.worldbank.org/EXTGLOBALFINREPORT/Resources/8816096-1346865433023/8827078-1346865457422/GDF_2013_Report.pdf. – Date of access: 10.01.2019.
- Cihak, M. 2012. Benchmarking financial systems around the world. Policy Research working paper; no. WPS 6175. Washington, DC: World Bank [Electronic resource] / M. Cihak, A. Demirguc-Kunt, E. Feyen, R. Levine. – Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2012/08/16669897/benchmarking-financial-systems-around-world>. – Date of access: 04.03.2019.
- Львова, Н.А. Концепция сравнительной оценки финансовых систем / Н.А. Львова // Актуальні проблеми економіки. – 2016. – № 5(179). – С. 308–316.
- GDP growth (annual %) / Indicators / The World Bank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>. – Date of access: 12.02.2019.
- Sahay, R. Rethinking Financial Deepening: Stability and Growth in Emerging Markets / R. Sahay, M. Cihak, P. Diaye, A. Barajas. – IMF STAFF DISCUSSION NOTE. – May 2015. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1508.pdf>. – Date of access: 11.01.2019.
- Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс; вступ. ст. Н.А. Макашевой. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. – (Антология экономической мысли).
- World Development Indicators [Electronic resource]. – Mode of access: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>. – Date of access: 08.02.2019.

Поступила в редакцию 16.04.2019 г.

Исторические факторы роста населения в западноевропейском регионе в XVI–XIX вв. и оценка перспектив этого процесса в мире эпохи конвергенции

Орешенков А.А.

*Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия
ветеринарной медицины»*

Особенности современного этапа мирового развития в очень высокой степени связаны с изменением тысячелетних, столетних и десятилетних тенденций. Мир выходит из режима гиперболического роста по демографическим, экономическим и другим показателям (прерываются двухтысячелетние, а иногда и значительно более долгосрочные тенденции). Происходящие здесь перемены значительны; их интенсивность будет сохраняться в ближайшие годы. Объективные события, обусловленные демографическим переходом, поставили Старый Свет перед фактом ускорения темпов экономического роста развивающихся стран.

Цель работы – анализ исторических факторов роста населения в западноевропейском регионе в XVI–XIX веках и преломление их к реалиям развития современной демографической ситуации в мире в условиях конвергенции между развитыми и развивающимися странами.

Материал и методы. Информационной основой для проведения исследования послужили статистические данные Всемирного банка и ООН. При решении конкретных задач в процессе изучения использовались статистические методы, методы факторного и сравнительного анализа и другие.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что стартовавший в период раннего Нового времени процесс снижения катастрофической смертности в западноевропейских странах был обусловлен улучшением обеспеченности населения продовольствием, совершенствованием методов ведения сельского хозяйства, развитием организационных мер борьбы с распространением инфекций. В статье представлены региональные различия в темпах роста населения в эпоху конвергенции. Показано, что динамика темпов роста глобального ВВП в последние десятилетия генерируется развивающимися странами, которые еще не исчерпали свой демографический дивиденд.

Заключение. Сложившиеся в современную эпоху перемены различия в демографической динамике подтверждают идею о растущей конвергенции между авангардом мир-системы и развивающимися государствами, которые становятся обществами-лидерами и драйверами мирового развития, генерируя высокие темпы роста ВВП, в то время как демографический дивиденд для продолжения прежних тенденций в наиболее экономически развитых странах уже полностью использован.

Ключевые слова: демография, западноевропейские страны, развивающиеся страны, экономический рост, конвергенция.

Historical Factors of Population Growth in the Western European Region in the XVI–XIX Centuries and an Assessment of the Prospects of this Process in the World of the Convergence Era

Oreshenkov A.A.

Educational Establishment “Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine”

The peculiarities of the present stage of world development are to a very high degree connected with the change of millennial, centenary and ten year tendencies. The world is emerging from the regime of hyperbolic growth in terms of demographic, economic and other indicators (two-thousand-year and sometimes much longer-term trends are interrupted). The changes taking place here are significant; their intensity will be maintained in the coming years. Objective events caused by the demographic transition made the Old World face the fact of accelerating the pace of economic growth in developing countries.

The purpose of the study is to summarize the historical factors of population growth in the Western European Region in the XVI–XIX centuries and refract them to the realities of the development of the current demographic situation in the world in terms of convergence between developed and developing countries.

Material and methods. The informational basis for the study was the statistics of the World Bank and the UNO. In solving specific problems in the research process, statistical methods, methods of factor and comparative analysis, and others were used.

Findings and their discussion. It was established that the process of reducing catastrophic mortality in Western European countries, which started in the period of early New Age, was due to the improvement in the food supply of the population, the improvement of farming methods, and the development of organizational measures to combat the spread of infections. The article presents regional differences in population growth rates in the era of convergence. It is shown that the dynamics of global GDP growth in recent decades has been generated by developing countries that have not yet exhausted their demographic dividend.

Conclusion. The differences in demographic dynamics that have emerged in the modern era confirm the idea of growing convergence between the vanguard of the world-system and the developing states, which are becoming leading societies and drivers of world development, generating high GDP growth rates, while the demographic dividend for the continuation of previous trends in most economically developed countries are already fully used.

Key words: demography, Western European countries, developing countries, economic growth, convergence.

История цивилизаций демонстрирует существенную неравномерность мирового развития: относительно спокойные периоды сменяются глобальными системными кризисами, приводящими к кардинальной перестройке геополитической структуры обществ. В числе ключевых общественных трансформаций современного этапа мирового развития следует назвать изменение тысячелетних, столетних и десятилетних тенденций воспроизводства населения. Демографические характеристики западноевропейских обществ подробно изучены в ряде классических трудов, таких как «Демографическая теория и демографическая история» А.Г. Вишневого [1], «Демографическая история Европы» М. Ливи-Баччи [2], «Эссе об эволюции численности населения» Ж.-Н. Бирабена [3], «Демографический переход» Ж.-К. Шене [4]. Однако в последние десятилетия произошел слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху, и запад стал довольно быстро утрачивать лидерство по демографическим показателям. Решающий поворот от «подъема Запада» к конвергенции и ускорение ее темпов в первой половине XXI века внесли развивающиеся страны. В настоящее время «демографический феномен» развивающихся стран недостаточно изучен в научных публикациях; ему также отводится незначительное место в исследованиях общего модернизационного перехода социально-экономических систем, когда дистанция между развитыми и развивающимися странами постепенно сокращается.

Цель работы – анализ исторических факторов роста народонаселения в западноевропейском регионе в XVI–XIX веках и преломление их к реалиям развития современной демографической ситуации в мире в условиях конвергенции между развитыми и развивающимися странами.

Материал и методы. Методология исследования основана на общенаучных методах познания, прежде всего системном подходе, анализе и синтезе, правилах формальной логики. В процес-

се работы применялись методы абстрактно-логического, графического и исторического анализа; проводились изучение и анализ зарубежной и отечественной литературы по проблемам демографического развития. Информационной основой для проведения исследования послужили статистические данные Всемирного банка и материалы ООН. При решении конкретных задач использовались статистические методы, методы факторного и сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Снижение катастрофической смертности в аграрных обществах. История человечества, характеризующаяся близким к нулю ростом населения, во временной перспективе охватывает длительный период преиндустриальной цивилизации вплоть до XVIII–XIX вв. В этой связи следует кратко упомянуть о значениях основных показателей воспроизводства населения, типичных для демографических систем высокой смертности. К наиболее характерным чертам демографического примитивизма относят чрезвычайно высокий уровень младенческой смертности (смертности детей в возрасте до 1 года) – его значения могли достигать 400 на 1000 [4, с. 73]. Высокой смертности соответствовала средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (здесь и далее – ОПЖ), которая могла варьироваться от 20 до 40 лет [5, с. 177]. В городах (особенно крупных) ОПЖ, как правило, была заметно ниже, чем в сельской местности, достигая в периоды депопуляции аномально низких значений: в императорском Риме, например, она составляла всего 15 лет у женщин и 16 лет у мужчин. Крупные города долгое время оставались «братскими могилами» (в западной литературе даже устоялся термин *urban graveyards*, то есть города-кладбища): смертность в них колоссально превышала и рождаемость, и смертность в сельской местности [6, с. 328].

Первая фактически реальная возможность увеличения численности населения появилась 5,5–3,5 тыс. лет назад в результате аграрной революции. Ее основными результатами на заверша-

ющей фазе являются использование ирригационной технологии крупномасштабного орошения, применяемой в районах больших рек и мягких почв, появление металлических орудий труда, прежде всего плуга с железной рабочей частью, и упряжных животных, переход к неорошаемому плужному земледелию в зонах неполивного земледелия. Длительный период широкого распространения инноваций и улучшающих изобретений в земледелии, а также постепенное повышение эффективности производства продуктов питания привели к росту населения Земли. Однако начавшийся примерно с рубежа 1-го и 2-го тысячелетий сравнительно устойчивый прирост населения в Западной Европе периодически прерывался социально-демографическими коллапсами, что обуславливалось целым комплексом обстоятельств, как биологических, так и социальных, которые определяли распространение, интенсивность и смертоносность заразных болезней.

Завершение в период XIV – начало XV в. перехода к системе самодостаточного интенсивного сельского хозяйства характеризуется различными по характеру, но очень чувствительными кризисными явлениями в Западной Европе (пандемия чумы XIV в.; начавшееся с конца XIII в. похолодание; тяжелые войны и крестьянские восстания). Демографическая система, сталкиваясь с подобными ограничениями, становилась неустойчивой и при неблагоприятных обстоятельствах обрушивалась, что придавало социально-демографическим кризисам катастрофический характер. Так, последствия чумы в Европе в конце 1347 г., приведшей к значительным нарушениям роста населения мира, и получившей название «черная смерть», отражены во множестве достаточно надежных источников [2; 6; 7]. Спорной является лишь точная оценка потерь. По имеющимся данным, в Европе в 1347–1353 гг. от эпидемии чумы погибло около 25 млн человек и осталась лишь половина населения этого континента [7, с. 135]; в Норвегии численность населения в 350 тыс. жителей, достигнутая к 1300 г., снизилась до 125 тыс. жителей между 1450 и 1500 гг. [2, с. 119]; в Англии «черная смерть» XIV в. унесла 30–40% населения [6, с. 337]. В целом Европе понадобилось два века, чтобы вернуться к уровню заселенности 1348 г.

Чума продолжала играть основную роль в изменении численности народонаселения от середины XVI до второй половины XVII в. Изобретая ответы на вызовы Всеобщего кризиса (а также распространяя и перенимая успешные решения у Восточной Азии), Европа смогла в значительной степени снизить катастрофическую смертность от различных эпидемий, что послужило первым серьезным шагом к смене демографического режима и обусловило ускорение роста населения.

Наиболее эффективной организационной мерой стало широкое введение карантинных мер. Первый карантин был введен в Дубровнике (Хорватия) еще в 1377 г.; чуть позже, в начале XV в., европейские города-государства (в первую очередь Венеция и Генуя) вводят в своих портах обязательный карантин (чаще всего длившийся 40 дней) для пассажиров и членов команды прибывающих кораблей, если они могли быть больны чумой; товары с таких кораблей разгружались в особые склады и проходили тщательную обработку (длительное проветривание и/или полоскание в проточной воде).

Однако массовое распространение карантинных мероприятий приходится на XVII в. В Испании, например, санитарный кордон остановил чуму в 1631 г. на Пиренеях, а в 1647–1651 гг. не дал ей попасть в Кастилию. В 1663 г. первые карантинные ограничения были введены в Англии: корабли с подозрением на наличие чумы на борту должны были оставаться в устье Темзы. В 1683 г. в Марселе был издан закон, согласно которому любой человек с подозрением на заражение чумой подлежал немедленному помещению в карантин и процедурам дезинфекции. В том же десятилетии карантинные процедуры были впервые введены в портах Северной Америки, в первую очередь Нью-Йорке и Бостоне, где помогли постепенно установить контроль над вспышками желтой лихорадки [6, с. 332]. Все более распространявшиеся по Европе карантинные меры, санитарные кордоны, санитарный пограничный контроль способствовали тому, что новые эпидемии затрагивали все меньше регионов и населения, и постепенно все больше районов Европы полностью освободились от чумы (то есть эпидемии уже не повторялись). Окончательное исчезновение чумы знаменовало собой решающий шаг на пути высвобождения продолжительности жизни из-под власти нерегулярных, но частых и интенсивных кризисов выживаемости.

С наступлением в Европе Нового времени, связанного со значительными изменениями в сельском хозяйстве, в демографическом развитии появились новые тенденции. Прогресс в сельском хозяйстве в конце XVII – середине XVIII в. в наиболее развитых странах проявился в методах землепользования, связанных с внедрением правильных севооборотов, начинается применение сельхозмашин, в основном на конной тяге. От традиционных двухполья и трехполья стали все чаще переходить к более сложным севооборотам с интенсивным использованием земель, ранее остававшихся под паром. Большой популярностью стали пользоваться бобовые, а также клевер, чередовавшийся с зерновыми, поскольку кормовые культуры обогащали почву азотом. Переход в зерновом хозяйстве к сложной си-

стеме так называемого «обрабатываемого земледелия» позволил повысить урожайность культур [8, с. 128]. Так, урожайность пшеницы в сельском хозяйстве Англии с 1 акра за 1550–1750 г. выросла в 1,5 раза; ржи – более чем в 4 раза; ячменя – почти в 3 раза; овса – в 2 раза и т.д. [8, с. 97]. Можно отметить и специальное разведение молочного скотоводства для городских рынков, улучшение породистости и продуктивности скота, стойловый откорм и т.п. Кормление животных большим количеством более питательной травы, а также специально выращиваемыми кормовыми культурами увеличило производительность животноводства: надои молока с одной коровы удвоились (со 172 до 317 галлонов); почти вдвое вырос средний вес говяжьей туши (с 258 до 440 фунтов), бараньей – в 1,5 раза (с 32 до 53 фунтов) [8, с. 109].

Если к началу Нового времени в Европе областью с наиболее производительным сельским хозяйством была Бельгия, то к 1800 г. картина изменилась: в лидеры вырвались Нидерланды, а затем Англия. С 1600 по 1800 г. производительность труда в сельском хозяйстве Англии увеличилась примерно в 2 раза (рисунок 1).

Благодаря этому Нидерланды и Англия сравнялись с Китаем. Если в 1600 г. производительность сельского хозяйства в Китае была примерно на 26% выше, чем в Нидерландах, и на 66% выше, чем в Англии, то к 1800 г. и Англия, и Нидерланды опережали Китай на 10%. Нельзя также не отметить, что важную роль в развитии сельского хозяйства и обеспечении роста населения в XVI–XVIII вв. сыграло распространение из Нового Света в Старый ценных и продуктивных сельскохозяйственных культур, прежде всего таких как кукуруза и картофель. По мнению У. Мак-Нила, «изменения паттернов заболеваемости и рост производительности [сельского хозяйства] ... были, возможно, двумя наиболее активными факторами ... роста населения в раннее Новое время. Действуя совместно в масштабах всего мира, они позволили большему числу людей выжить и достичь взрослого возраста, чем это было возможно когда-либо ранее» [6, с. 331].

В таблице 1 представлены данные об изменении численности населения в пяти европейских странах с 1500 по 1800 г., в которых к 1550 г. проживало около 52% населения Европы (без учета России).

Из сравнения интенсивности прироста населения за указанный период можно заключить, что рост производительности сельского хозяйства в Англии обусловил (на фоне все еще высокой рождаемости) возможность значительного роста населения к концу XVIII в. Во второй половине XVIII в. Англия в демографическом приросте переходит от малых величин к значительным:

в 1751–1800 гг. ежегодный прирост на тысячу жителей был почти в 3 раза больше, чем в первой половине XVIII в., в 5,3 раза выше, чем в Нидерландах, в 2,3 раза – чем во Франции, в 2,8 раза – чем в Италии, в 1,9 раза – чем в Испании за аналогичный период. Увеличилась доля населения Англии в численности населения Европы (с 3,1% в 1550 г. до 4,4% в 1800 г.), в то время как в других европейских странах процентное отношение либо не изменилось (Нидерланды, Испания), либо уменьшилось (Франция, Италия). В результате численность населения Англии увеличилась с примерно 3 млн в середине XVI в. до почти 5 млн в 1700 г. и 8,6 млн человек в 1800 г., т.е. на 75,5% (существуют и другие оценки: см., например [6, с. 341]).

В то же время до середины XVIII в. ни в одной западноевропейской стране не наблюдалась сравнительно продолжительная устойчивая тенденция снижения смертности, изменение уровня которой являлось решающим фактором динамики численности населения.

Начало эпидемиологического перехода и взрывообразный рост населения в странах Западной Европы. Кардинальное изменение глобальной демографической динамики в Европе отмечается в XIX в. Глубокую характеристику этого процесса дал выдающийся российский демограф А.Г. Вишневский, показавший, что в основе его лежит изменение структуры причин, от которых умирают люди [1]. В рассматриваемое время экзогенные причины смертности, связанные с внешними условиями жизни (голод или неправильное питание, эпидемии, инфекционные или паразитарные заболевания и т.п.) и которые господствовали на протяжении всей истории традиционных обществ, стали отступать (кроме войн). На смену им пришли эндогенные (внутренне обусловленные) причины, поражающие пожилые и старческие возрасты, что означало, во-первых, сокращение смертности, во-вторых, увеличение средней продолжительности жизни.

Снижение регулярной смертности начинается в авангарде европейских стран с конца XVIII в. Пионерами здесь выступили Скандинавские государства, а также наиболее развитые промышленные страны – Англия и Франция. Так, к примеру, общий коэффициент смертности в Англии снизился за 100 лет – с 1801–1810 гг. до 1901–1910 гг. – в 1,7 раза (с 23,9 до 15,4‰). Во Франции за период с 1811–1820 гг. до 1910–1910 гг. смертность снизилась с 26,1 до 19,4‰. В Нидерландах за вторую половину XIX в. этот показатель снизился с 25,4 до 15,1‰. В начале XX в. наиболее низкие общие коэффициенты смертности были в Дании, Норвегии и Швеции (14,2–14,9‰) [7, с. 139].

Снижение смертности наблюдалось для всех возрастных групп, однако было наибо-

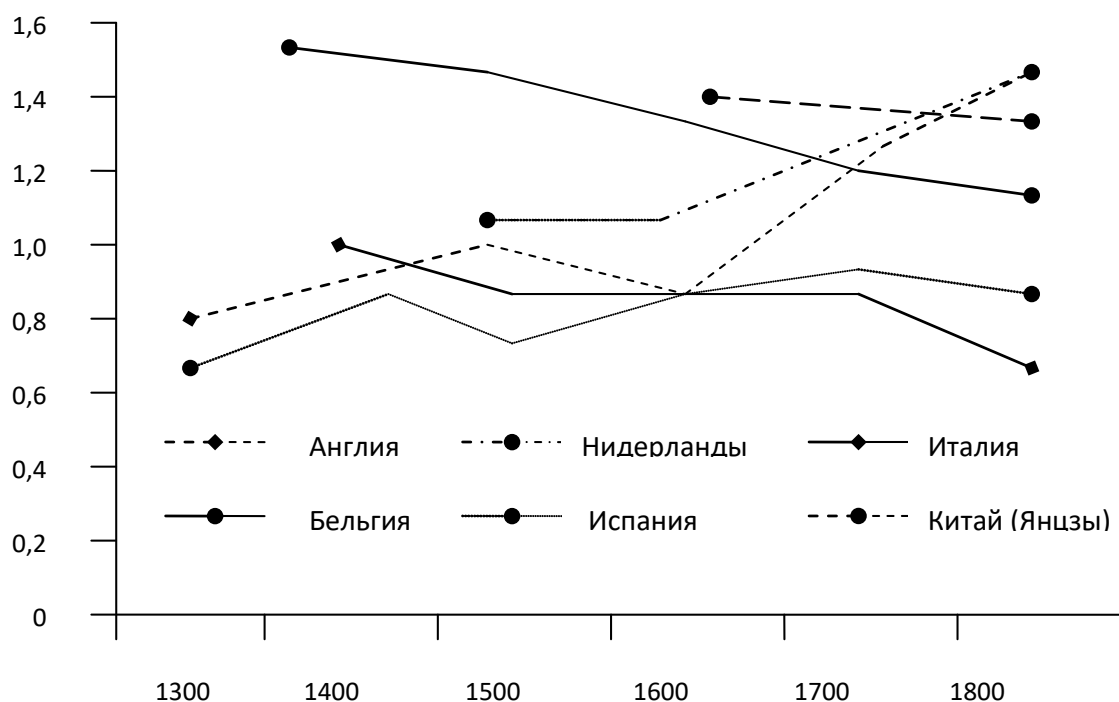

Рисунок 1 – Сельскохозяйственная производительность труда, 1300–1800 гг.
Источник: [9, с. 155].

Таблица 1 – Население некоторых европейских стран в период с 1500 по 1800 г.

Год (период)	Англия	Нидерланды	Франция	Италия	Испания	Европа
Численность населения, млн чел.						
1500	–	1,0	–	9,0	–	84
1550	3,0	1,3	19,5	11,5	5,3	97
1600	4,1	1,5	19,6	13,5	6,7	111
1650	5,2	1,9	20,3	11,7	7,0	112
1700	4,9	1,9	22,6	13,6	7,4	125
1750	5,8	1,9	24,6	15,8	8,6	146
1800	8,6	2,1	29,3	18,3	10,6	195
В процентах по отношению ко всему населению Европы						
1500	–	1,1	–	10,7	–	–
1550	3,1	1,3	20,1	11,9	5,4	41,8
1600	3,7	1,4	17,7	12,2	6,0	41,0
1650	4,7	1,7	18,7	10,4	6,3	41,2
1700	3,9	1,5	18,0	10,9	5,9	40,2
1750	3,9	1,3	16,9	10,8	5,9	38,8
1800	4,4	1,1	15,0	9,4	5,5	35,4
Ежегодный прирост на тысячу жителей, чел.						
1551–1600	6,3	3,6	0,1	3,2	4,8	2,7
1601–1650	4,8	4,5	0,7	–2,9	1,0	0,2
1651–1700	–1,1	0,3	2,2	3,0	1,0	2,2
1701–1750	3,1	0,3	1,7	3,0	3,1	3,1
1751–1800	8,0	1,5	3,5	2,9	4,2	5,8

Источник: рассчитано автором по данным [2, с. 18–19].

Примечание: процентное отношение численности населения Европы приведено по доле 5 стран (Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Испании) во всем европейском населении.

лее значительным для детского населения. Так, к примеру, во Франции смертность детей до 5 лет сократилась с 474 на 1000 человек (почти половина всех детей в этом возрасте) в 1740–1749 гг. до 306 на 1000 человек в 1820–1830 гг. В Швеции аналогичный показатель снизился с 344 в середине XVIII в. до 25 человек в первой половине XIX в. [10, с. 91]. За короткий период между 1895–1899 и 1910–1914 гг. детская смертность уменьшается с 100 до 72% в Швеции, с 158 до 109% в Англии, с 162 до 119% во Франции, с 171 до 139% в Италии, с 217 до 163% в Германии, то есть снижается на 20–30% [2, с. 214–215]. Риск смерти в возрастной группе 5–10 лет снизился на 85% к 1913 г. по сравнению с уровнем 1740–1749 гг., в возрастной группе 10–15 лет – на 75%, в возрастной группе 0–5 лет – на 66%, наконец, в возрасте 20–55 лет – примерно на половину [9, с. 54].

По оценкам французского ученого Ж.-Н. Бирабена, автора одного из классических мировых трудов в области исторической демографии, ОПЖ в 1750 г. в мире в целом составляла всего лишь 27 лет [3, с. 16]. Если в 1750–1850 гг. в Англии, Франции и Швеции ежегодные темпы увеличения ОПЖ составляли менее 1 месяца, то в период 1850–1880 гг. в этих странах, а также в Нидерландах и США ОПЖ увеличивалась в среднем на 2 месяца ежегодно [9, с. 95]. В результате за 100 лет, прошедших с середины XVIII в. по середину XIX в., общая ожидаемая продолжительность жизни в Англии выросла с 33 до 40 лет, во Франции – с 25 до 40 лет, в Швеции – с 37 до 45, в Дании – с 35 до 44 лет [2, с. 71].

К первому десятилетию XX в. средняя ожидаемая продолжительность жизни постепенно повышается до 50 лет, а многие европейские страны смогли превысить этот показатель (таблица 2).

Снижению смертности и росту ожидаемой продолжительности жизни способствовали накопленные научные знания в области борьбы с заболеваниями различной этиологии, вызываемыми микробами, что позволяло проводить целенаправленную, организованную борьбу со многими болезнями. Например, эпидемия холеры 30-х гг. XIX в., вызываемая холерным вибрионом (возбудителем холеры) и передаваемая либо непосредственно от человека к человеку, либо косвенным путем через зараженную воду, и последовавшие за этим вспышки 40-х, 50-х, 60-х, 70-х и 90-х гг. были остановлены с помощью технологий медицины, санитарии и гигиены.

В течение нескольких десятилетий (1870–1900 гг.) были созданы изобретения, которые за полвека радикально изменили условия жизни. К примеру, появление водопровода и водоочистительного оборудования с использованием

систем фильтрации воды на основе песка способствовало улучшению качества питьевой воды, что в результате позволило значительно уменьшить количество болезней, передающихся через воду, в частности снизить заболеваемость холерой. Так, в Германии, в Гамбурге холера опустошила город в 1892 г. (почти 9 тыс. жертв), но в соседнем Бремене – где, помимо всего прочего, были установлены системы очистки воды, – умерло всего 6 человек [2, с. 207].

В 1876–1878 гг. немецкий ученый М. Петтенкофер ввел понятия «социальная гигиена» и «санитарная статистика». С 1864 г. свои работы над технологией обеззараживания продуктов нагревания их до установленной температуры на определенное время развивает Л. Пастер. Процесс, получивший название пастеризации, не означает стерилизацию продукта, но способствует гибели вегетативных форм болезнетворных микроорганизмов, за счет чего продукт, не изменяя своей собственной структуры, становится безопасным для применения в пищу. В первую очередь пастеризация применялась (и продолжает применяться в более технологически продвинутых формах) для сырого молока, которое прежде часто служило переносчиком болезнетворных бактерий. Идеи Л. Пастера и британского хирурга Дж. Листера, а также других практикующих врачей в европейских странах (стерилизация хирургических инструментов кипятком, позднее – паром в автоклаве, изобретение стерильных резиновых медицинских перчаток, белых халатов и т.д.) легли в основу развития антисептики и позволили разработать комплексную технологию обеззараживания операционных, что дало возможность существенно снизить смертность среди пациентов [3, с. 227–228].

В таблице 3 представлены, к примеру, данные о снижении уровня смертности в Париже в последней трети XIX и начале XX в. от различных инфекционных заболеваний.

Специфические черты эпидемической картины этого столетия придает обострение такой болезни, как туберкулез, на распространение и летальность которой оказывают влияние многие факторы, прежде всего уровень иммунитета и сопротивляемости, а также вирулентность инфекции. Смертность от туберкулеза достигла максимума в первой половине XIX в., а во второй половине столетия, когда Р. Кох в 1882 г. обнаружил возбудитель этой болезни, пошла на спад. Улучшение социальной сферы, в том числе здравоохранения, привело к тому, что в конце 1880-х гг. в европейских странах, по которым имеются относительно достоверные данные, смертность от туберкулеза составляла 2–3%, при общем показателе смертности между 20 и 30% [2, с. 208].

Таблица 2 – Продолжительность жизни при рождении в некоторых европейских странах накануне Первой мировой войны

Страна	Период	Продолжительность жизни при рождении
Дания	1911–1915	57,7
Норвегия	1911–1921	57,2
Швеция	1911–1920	57,0
Нидерланды	1910–1920	56,1
Ирландия	1910–1912	53,8
Англия и Уэльс	1910–1911	53,5
Швейцария	1910–1911	52,3
Франция	1908–1913	50,4
Германская империя	1910–1911	49,0
Италия	1910–1912	46,9
Финляндия	1911–1920	46,3
Испания	1910	41,7

Источник: [11, с. 47].

Таблица 3 – Уровень смертности в Париже от инфекционных заболеваний в 1876–1905 гг., на 100000 человек населения

Причина смерти	1876–1880 гг.	1881–1885 гг.	1886–1890 гг.	1891–1895 гг.	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.
Тифозная лихорадка	69	88	41	22	19	12
Оспа	35	21	9	4	5	–
Дифтерия	94	88	70	44	13	17
Менингит	115	110	77	58	45	36

Источник: [12, с. 92].

Снижение смертности происходило на фоне высокого уровня рождаемости практически во всей Европе (кроме Франции), сохранявшегося вплоть до последней четверти XIX в. Наибольший коэффициент рождаемости (более 35‰) отмечался в таких странах, как Австрия, Венгрия, Испания, затем Англия, Финляндия и Германия [7, с. 140]. В Швеции, Норвегии, Англии, Уэльсе, Нидерландах, Бельгии, Финляндии, затем в Центральной Европе рождаемость начала снижаться только в 1875–1880 гг. [4, с. 112–113].

Резкое снижение смертности при сохранении относительно высокой рождаемости определило интенсивный рост (так называемый «европейский демографический взрыв») численности европейского населения в XIX в. (рисунок 2).

По подсчетам М. Ливи-Баччи, в среднем годовой прирост европейского населения в XIX в. составлял 7,6–7,8‰; а в 1850–1900 гг. он был в 38 раз больше, чем в первой половине XVII в. В результате численность населения Европы, достигнутая к 1700 г., удвоилась в 1835 г., а численность, которая была в 1800 г., удвоилась в течение 90 лет [2, с. 20–21]. Буквально за столетие (1800–1900 гг.) население Европы выросло в 2–2,2 раза, составив к началу XX в. около

300 млн человек (без европейской части России), а доля населения Европы в мировом населении возросла с 11% в 1800 г. до 18% в 1900 г. и была бы еще выше, если бы не массовая эмиграция в различные поселенческие колонии, составившая в XIX в. около 30 млн человек [5, с. 6]. Для сравнения отметим, что за весь период XVIII в., относительно благополучного в демографической истории, население Европы выросло примерно на 50% [10, с. 97]. Наиболее высокие темпы роста населения прослеживаются в Англии, которая в XIX в. вырвалась вперед и стала лидером промышленной революции, ознаменовавшей начало перехода человечества от преимущественно аграрной экономики к индустриальному способу производства. Ее население за столетие увеличилось в 3,5 раза. Во второй половине XIX в. стало также быстро расти население Германии, увеличившись примерно на 20 млн человек (таблица 4).

Однако и здесь наблюдались неблагоприятные в демографическом аспекте периоды. Так, с 1820–1830 гг. во многих странах Европы снижение смертности практически прекратилось (например, в Англии снижение смертности прекратилось почти на 50 лет), и уровень смертности оставался стабильным примерно до 1870 г. (за

исключением Скандинавских стран, где смертность в течение этих десятилетий продолжала снижаться). Рост высокой городской смертности мог быть связан с сопутствующими урбанизации факторами риска: высокая плотность населения, грязь и антисанитария на улицах, в домах (в особенности в бедных рабочих кварталах), низкое качество городской среды. В 1880-х гг. три страны с наивысшей долей городского населения – Англия (и Уэльс), Бельгия и Нидерланды – имели младенческую смертность 142, 158 и 175 детей на 1000 человек соответственно. В промышленных британских городах Ланкашир и Чешир 198 из 1000 детей умирали до своего первого дня рождения – вдвое больше, чем в сельской местности. Во французском Лилле четверть детей умирала, не дожив до 3 лет [10, с. 92, 117].

Демографическая ситуация в мире эпохи конвергенции. В XX в. снижение смертности продолжилось. Так, показатель смертности за период с 1900–1910 гг. до 1930–1940 гг. снизился с 21 до 14‰. При этом в экономически более развитых странах стала сокращаться и рождаемость. В 1900–1910 гг. рождаемость в этих странах составляла 34‰, в 1930–1940 гг. – 22‰ на фоне высокой рождаемости в менее развитых странах, которая в течение всей первой половины XX в. оставалась на высоком уровне – 41‰ [7, с. 144]. Соответственно, в первой половине XX в. итоги демографического развития в мире изменились. Переломными в этом отношении стали 1950-е годы, определив хронологическую грань в складывании современной демографической ситуации, которая сводится к «демографическому взрыву» в развивающихся странах.

В 1950–1980 гг. преимущественное положение в структуре населения мира заняла Азия: 58,0% в 1980 г. вместо 55,1% в 1950 г. Удельный же вес населения Европы в общей численности населения мира стал постепенно сокращаться: 11,0% в 1980 г. вместо 15,5% в 1950 г. (таблица 5).

Неравномерность наблюдалась и в темпах роста населения. Так, абсолютный прирост населения Азии увеличился с 323 млн человек с 1950 г. по 1960 г. до 424 млн человек с 1970 г. по 1980 г. В течение всего анализируемого длительного периода времени с 1950 г. по 1980 г. население Азии увеличилось на 1172 млн человек (это 62% общемирового прироста). Абсолютный прирост населения Африки за весь период составил 252 млн человек, что соответствует 13,3% общемирового прироста. Таким образом, совместный удельный вес Азии и Африки в показателе увеличения численности населения мира превысил 75% (75,3%). В Америке также было отмечено увеличение абсолютного прироста населения: с 84 млн

человек в 1960 г. по сравнению с 1950 г. и до 99 млн человек к 1980 г. против уровня 1970 г., что произошло главным образом в результате увеличения темпов роста населения Латинской Америки, доля которой в мировом демографическом итоге выросла в 1950–2007 гг. с 6,6 до 8,5% [12, с. 79]. В то же время население Старого Света увеличилось всего лишь на 93 млн человек. Среднегодовой показатель темпов прироста населения Европы в 1951–1970 гг. составлял 0,8%, в 1971–1980 гг. – 0,5%. Для развивающихся стран динамика процентного прироста населения была значительно выше. Самый высокий среднегодовой показатель прироста населения наблюдался в Африке: в 1951–1960 гг. – 2,2 %, в 1961–1970 гг. – 2,6%, в 1971–1980 гг. – 2,9%. Население Азии в 1951–1960 гг. увеличивалось в среднем на 2,1% в год, в 1961–1970 гг. – на 2,2% (таблица 6).

За этими показателями скрываются другие, свидетельствующие о больших различиях в течении основных демографических процессов в развитых и развивающихся странах, результатом чего стали существенные региональные различия в возрастной структуре населения. Наиболее быстро стареет Европа, где к 2050 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше достигнет 34,7% (в Германии – 37,0%, Франции – 31,8% и Великобритании – 30,1%). В последние десятилетия наилучшие показатели по продолжительности жизни регистрируются в Японии, Норвегии, Швеции. По оценке ООН, за 2005–2010 гг. этот показатель в Японии составлял в среднем 82,6 года, в Норвегии – 80,2, в Швеции – 80,9 [12, с. 87, 89]. В 25 странах ЕС численность самых пожилых людей, которые достигли 80-летнего возраста, в 2050 г. почти утроится по сравнению с 2004 г. и станет 11,4%. В развитых странах многие смогут дожить до 100 лет. Если все эти прогнозы сбываются, то возрастная пирамида населения грозит «опрокинуться» с основания на вершину. По мере того как численность вступающей в трудовой возраст молодежи будет сокращаться, а выбывающих из него пенсионеров – увеличиваться, самодеятельное население неизбежно уменьшится. С особыми сложностями в ближайшие 20–30 лет столкнутся страны первого мира. В 2010 г. в них на одного пенсионера (категория 65+) приходилось более трех лиц трудоспособного возраста (от 25 до 64 лет), в то время как в 2035 г. – будет приходится только двое [11, с. 62].

В то же время в группе наименее развитых стран будет проживать самое молодое население мира. Самый высокий показатель удельного веса лиц в возрасте от 0 до 14 лет ожидается в 2050 г. в Африке – 28% [12, с. 87]. Следует также отметить, что в менее развитых регионах продолжительность

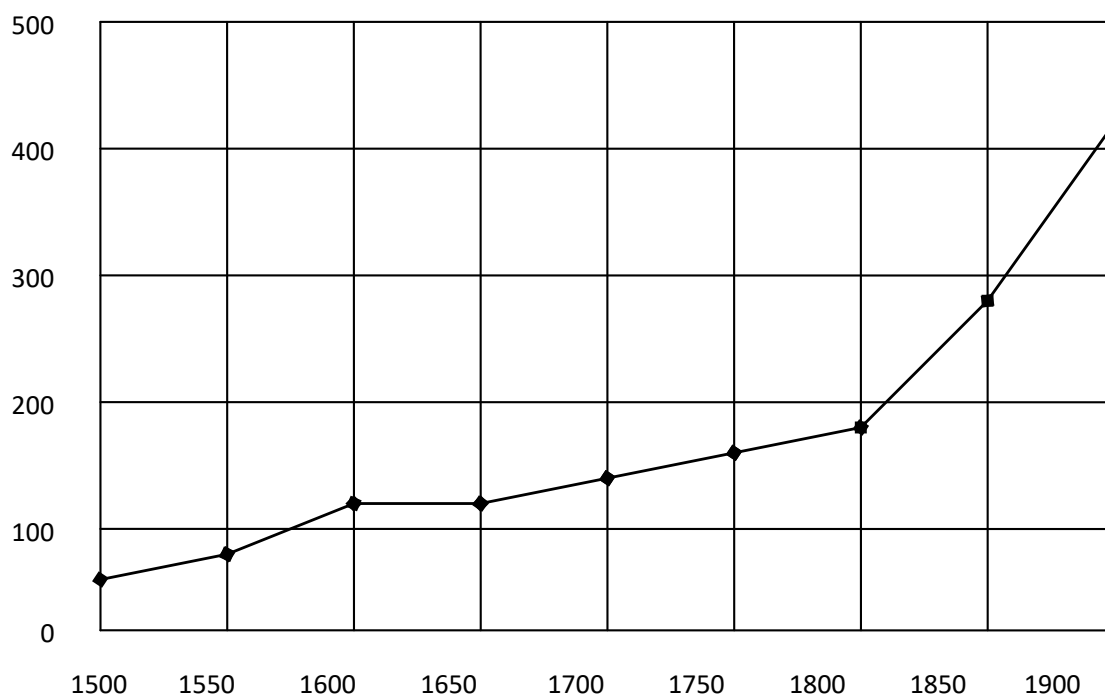

Рисунок 2 – Динамика численности населения Европы (млн чел.), 1500–1900 гг.
Источник: составлено автором по [2, с. 18–19].

Таблица 4 – Население некоторых европейских стран в XIX в.

Страна	Численность населения, млн чел.			Абсолютный прирост населения с 1800 по 1900 г., млн чел.	Темп прироста населения, %	
	1800 г.	1850 г.	1900 г.		1850 г. к 1800 г.	1900 г. к 1850 г.
Ирландия	5,3	6,6	4,5	–0,8	124,5	68,2
Англия	8,6	16,6	30,4	21,8	193,0	183,1
Норвегия	0,88	1,41	2,24	1,36	160,0	158,9
Швеция	2,35	3,48	5,24	2,79	148,1	147,7
Голландия	2,1	3,1	5,1	3,0	147,6	164,5
Франция	29,3	36,3	40,6	11,3	123,9	111,8
Германия	24,5	35,4	56,4	31,9	144,5	159,3
Россия	39	60	109,7	70,7	153,8	182,8
Италия	18,3	24,7	33,8	15,5	135,0	136,8
Испания	10,6	14,8	18,6	8,0	139,6	125,7

Источник: рассчитано автором по данным [2, с. 18–19].

Таблица 5 – Численность населения мира

Год	Весь мир, млн чел.	В том числе									
		Африка		Азия		Европа		Америка		Австралия и Океания	
		млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
1950	2527	220	8,7	1392	55,1	392	15,5	330	13,0	13	0,5
1960	3060	275	9,0	1715	56,0	425	13,9	414	13,5	16	0,5
1970	3728	356	9,5	2140	57,4	460	12,3	509	13,6	19	0,5
1980	4417	472	10,7	2564	58,0	485	11,0	608	13,8	23	0,5

Источник: рассчитано на основе данных [7, с. 146].

Примечание: данные по Азии и Европе приведены без учета численности населения СССР.

Таблица 6 – Среднегодовой прирост населения в мире

Макрорегион	1951–1960 гг.		1961–1970 гг.		1971–1980 гг.	
	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
Весь мир, в том числе:	53,3	1,9	66,8	2,0	68,9	1,7
Африка	5,5	2,2	8,1	2,6	11,6	2,9
Азия	32,3	2,1	42,5	2,2	42,4	1,8
Европа	3,3	0,8	3,5	0,8	2,5	0,5
Америка	8,4	2,3	9,5	2,1	9,9	1,8
Австралия и Океания	0,3	2,1	0,3	1,7	0,4	1,9

Источник: рассчитано на основе данных таблицы 5.

Таблица 7 – Среднегодовая численность населения демографических лидеров развивающегося мира

Страна	Млн чел.		% к итогу		Среднегодовой % прироста	
	2005 г.	2015 г.	2005 г.	2015 г.	1975–2005 гг.	2005–2015 гг.
Весь мир, в том числе	6514,8	7295,1	100,0	100,0	1,6	1,1
Китай	1313,0	1388,6	20,2	19,0	1,2	0,6
Индия	1134,4	1302,5	17,4	17,9	2,0	1,4
Индонезия	226,1	251,6	3,5	3,4	1,7	1,1
Бразилия	186,8	210,0	2,9	2,9	1,8	1,2
Пакистан	158,1	190,7	2,4	2,6	2,8	1,9
Бангладеш	153,3	168,2	2,4	2,3	2,2	1,6
Мексика	104,3	115,8	1,6	1,6	1,8	1,0

Источник: составлено по данным Доклада о развитии человека 2007/2008 гг.

предстоящей жизни также существенно ниже (хотя она и растет): 40,8 года в 1950–1955 гг., 56,6 лет в 1980–1985 гг. и 64,1 года в 2000–2005 гг. Исключением являются страны Южной Африки, где продолжительность жизни сократилась с 62 лет в 1990–1995 гг. до 48 лет в 2000–2005 гг. С особой остротой данная проблема проявляется в группе 50 наименее развитых стран мира. Так, в Нигерии в 2000–2005 гг. средняя продолжительность жизни составляла 43,3 года, в Сомали – 46,2 года [12, с. 89].

Наиболее существенными причинами такого положения в наименее развитых странах являются высокая материнская смертность, эпидемии инфекционных заболеваний, отсутствие финансовых ресурсов и кадров для развития здравоохранения. Так, при сложившемся в мире уровне материнской смертности – 216 на 100 тыс. рождений – разрыв между странами с высокими доходами и Африки южнее Сахары составил 54,7 раз; по заболеваниям туберкулеза среднемировой показатель 142 раза, разрыв между странами с высокими доходами и Африки южнее Сахары – 23 раза. Количество врачей на 1000 человек в странах с высокими доходами в 14,6 раз больше, чем

в странах Южной Африки. Разителен также разрыв в затратах на здравоохранение на душу населения по ППС в 2014 г.: между странами с высокими доходами и Африки южнее Сахары он составил 26 раз [13, с. 97–98].

Согласно разработанной ООН системе Целей устойчивого развития на период после 2015 г., для решения этой проблемы к 2030 г. в наименее развитых странах (Афганистан, Ангола, Бурунди, Гвинея-Бисау, Конго, Либерия, Мали, Нигер и др.) необходимо достичь следующих целевых показателей [13, с. 96]:

- положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии, тропических болезней;
- организовать всеобщий доступ к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья для целей планирования семьи;
- обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения и качественными основными медико-санитарными услугами;
- существенно увеличить объем финансирования здравоохранения и повысить современный уровень медицинского обслуживания, набор и подготовку медицинских кадров и др.

Достигнув своей высшей отметки (пика) в 1960-х гг., с 1970-х годов среднегодовой показатель темпов роста населения в развивающихся странах стал медленно снижаться, что в заметной степени связано с демографическим переходом. В XXI в. демографический спад охватил все наиболее крупные по населению развивающиеся страны, суммарный удельный вес которых составляет около 50% мирового итога (при этом 40% общемирового итога приходится на две страны – Китай и Индию) (таблица 7).

Из таблицы 7 видно, что темпы среднегодового прироста населения в Китае в последнее время были в два раза меньше, чем в Индии. В итоге к середине столетия Китай утратит мировое лидерство по численности населения, уступив первое место Индии. Прогнозные сценарии динамики населения Индии показывают, что население этой страны к 2050 г. может вплотную приблизиться к двум миллиардам человек (оценка на 2017 г. – 1339 млн человек). Снижение относительных показателей динамики населения в развивающихся странах привело к существенному спаду соответствующего среднегодового абсолютного прироста. Так, в Азии снижение среднегодовых абсолютных приростов будет практически пятикратным: с 45,7 до 9,2 млн человек соответственно. В Латинской Америке (включая Карибский бассейн) этот показатель сократится в 4,7 раза: 1,5 млн человек в 2045–2050 гг. против 7,1 млн человек в 2005–2010 гг. [12, с. 84–85].

В свою очередь замедление темпов прироста численности населения в незападных странах определило смещение экономической активности из развитых западных стран в развивающиеся страны, способствуя сокращению разрыва в их уровнях экономического развития. Решающий вклад в поворот от Великой дивергенции, продолжавшейся почти 150 лет, к конвергенции и ускорение ее темпов в начале XXI века внесли две крупнейшие растущие экономики успешно развивающихся Китая и Индии, которые резко убыстряются в развитии. Так, темпы роста ВВП Китая составили – 10,31 % в 1980–1990 гг., 10,63 % в 1990–2000 гг. и 10,14% в 2000–2015 гг. В Индии темпы экономического роста составили 5,48 %, 6,00 % и 7,46% соответственно [13, с. 163–165].

В результате опережающих темпов роста экономики авангардных стран развивающегося мира, по расчетам В.А. Мельянцева, за 1950–1993 гг. произошло уменьшение разрыва в показателях душевого ВВП между ними и странами Запада с 1:8 до 1:7. К началу 2000-х гг. результаты конвергенции стали более ощутимыми, когда за короткий период с 1993 по 2003 г. разрыв с западными странами оказался 1:6 [14, с. 112]. Вот что пишет об этом Э. Мэддисон: «Безусловно, наилучшие экономические результаты в 1973–2003 гг. проде-

монстрировали страны Юго-Восточной Азии (за исключением Японии), на долю которых приходится четверть мирового ВВП и около половины населения Земли. Феномен возрождения Азии стал беспрецедентным успехом. После 1973 г. душевой доход здесь рос быстрее, чем в «золотую эру». Разрыв между Восточной Азией и передовой группой капиталистических стран существенно сократился. Мы стали свидетелями еще одного шага вперед целой группы стран, повторивших путь, по которому прошла в 1950–1973 гг. Япония. <... > Если бы мир состоял только из развитых капиталистических стран и возродившейся Азии, модель его развития, начиная с 1973 г., могла бы интерпретироваться как наглядная демонстрация возможностей условной конвергенции...» [15, с. 116]. Время от времени вперед по темпам развития будут выходить новые государства, ныне являющие пример бедности и отсталости, а в течение ближайших десяти лет будут говорить о целом ряде новых активно экономически растущих стран, в числе которых Вьетнам, Турция, Нигерия, Филиппины, Пакистан, Иран, Индонезия, Мексика и др.

В начале нового века в странах с низкими и средними доходами также заметно увеличились темпы роста сельского хозяйства (с 2,2 и 3,1% в 1990–2000 гг. до 3,3–3,5% в 2000–2015 гг. соответственно). Наиболее высокие темпы в Китае (4,2% в 2000–2015 гг.), в Африке южнее Сахары (4,7%), Вьетнаме (3,4%), Индии (3,2%), на Среднем и Ближнем Востоке и в Северной Африке (2,8%). Для сравнения отметим, что в Японии в 1990–2000 гг. темпы роста сельского хозяйства были 0,4%, а в начале XXI в. – отрицательными (–0,9%) [13, с. 105–106].

Быстрый экономический рост и развитие агропродовольственного комплекса в третьем мире способствовали снижению бедности. Так, доля людей, живущих менее чем на 2 дол. в день, в Китае снизилась с 37–54% населения в 1980 г. до 14–17% в 1992 г., в Индии – с 48–62% до 12–19% соответственно. Численность бедных за это же время в Китае сократилась с 360–530 млн чел. до 158–192 млн человек, в Индии – с 326–426 млн человек до 110–168 млн чел. ВВП в расчете на душу населения вырос с 400 дол. в 1978 г. до 8,8 тыс. дол. в Китае и до почти 2 тыс. дол. в Индии в 2017 г. [16, с. 209]. В результате акцент усилий в этих странах смещается от искоренения наиболее нетерпимых условий жизни к проблемам повышения ее качества, заботы о здоровье и т.д. Например, разрыв в затратах на здравоохранение между странами с высокими и средними доходами снизился с 14,2 раз в 2000 г. до 8,9 раз в 2014 г., а между США и Китаем – соответственно с 36 до 12,9 раза [13, с. 97].

Принципиально иная ситуация будет характерна для остальных стран развивающегося

мира (прежде всего Африки южнее Сахары). По оценке ООН, в наступившем столетии в Африке показатель абсолютного прироста населения увеличится: с 22,0 в 2005–2010 гг. до 22,7 млн человек в 2045–2050 гг., несмотря на замедление темпов роста населения с начала 1990-х гг., в первую очередь за счет снижения рождаемости [12, с. 84]. Рост населения в этом регионе связан с тем, что многие страны (и в особенности Тропической Африки) относительно недавно перешли от первой фазы демографического перехода, фазы увеличения относительных темпов роста населения, к фазе второй, когда происходят их снижение и стабилизация. В 2050 г. по сравнению с 1950 г. общий демографический рост в Африке оценивается в 1,8 млрд человек, что означает девятикратное увеличение населения [12, с. 78].

Для обеспечения высоких темпов воспроизводства населения в отстающих странах необходимо достичь следующих целей в области агропродовольственной стратегии:

- во-первых, преодолеть глубокий и быстро растущий разрыв в уровне производительности сельскохозяйственного труда между странами с высокими доходами и наименее развитыми африканскими странами;

- во-вторых, обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания и внедрение надежных методов ведения сельского хозяйства, позволяющих повысить производительность труда и увеличить объем производимой продукции;

- в-третьих, обеспечить сохранение генетического разнообразия семян и культивируемых растений, а также сельскохозяйственных и домашних животных;

- в-четвертых, увеличить инвестирование, в том числе посредством международного сотрудничества со странами БРИКС, ЕАЭС и ШОС в сельскую инфраструктуру и сельскохозяйственные исследования, развивать технологии и создавать генетические банки растений и животных в целях укрепления потенциала этих стран в области сельскохозяйственного производства и др.

Заключение. На основе проведенных исследований сделаны следующие выводы:

- стартовавший в период раннего Нового времени процесс снижения катастрофической смертности в западноевропейских странах был обусловлен улучшением обеспеченности населения продовольствием, совершенствованием методов ведения сельского хозяйства, развитием организационных мер борьбы с распространением инфекций;

- развитие систем водоснабжения и канализации, улучшение технологий здравоохранения и расширение доступа к ним массового населения, а

также распространение современных медицинских знаний позволили установить эффективный контроль над видами смертности от причин, связанных с внешними условиями жизни, что послужило первым серьезным шагом к смене демографического режима и обусловило ускорение роста населения;

- сложившаяся в современную эпоху демографическая динамика подтверждает идею о растущей конвергенции между авангардом мир-системы и развивающимися государствами, которые становятся обществами-лидерами и драйверами мирового развития, генерируя высокие темпы роста ВВП на душу населения, в то время как демографический дивиденд для продолжения прежних тенденций в наиболее экономически развитых странах уже полностью использован.

Литература

1. Вишневский, А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – 366 с.
2. Ливи-Баччи, М. Демографическая история Европы / М. Ливи-Баччи. – СПб.: Александрия, 2010. – 304 с.
3. Biraben, J.N. Essai sur l'évolution du nombre des hommes / J.N. Biraben // Population (french edition). – 1979. – Vol. 34, № 1. – P. 13–25.
4. Chesnais, J.-K. The Demographic Transition: Stages, Patterns and Economic Implications / J.-K. Chesnais. – Oxford: Clarendon Press, 1992.
5. Экономика народонаселения: учебник / В.А. Ионцев [и др.]; под ред. В.А. Ионцева. – М.: Проспект, 2016. – 672 с.
6. Историческая глобалистика: в 2 т. / Ю.В. Зинькина [и др.]. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; Изд-во Моск. ун-та, 2016. – Т. 1. – 415 с.
7. Шелестов, Д.К. Историческая демография / Д.К. Шелестов. – М.: Высш. шк., 1987. – 287 с.
8. British Economic Growth, 1270–1870 / S. Broadberry [et al.]. – Cambridge–New York: Cambridge University, 2015.
9. Vallin, J. Mortality in Europe from 1720 to 1914: Long-Term Trends and Changes in Patterns by Age and Sex / J. Vallin // The Decline of Mortality in Europe / ed. by R. Schofield, D. Reher, A. Bideau. – Oxford, 1991. – P. 38–67.
10. Историческая глобалистика: в 2 т. / Ю.В. Зинькина [и др.]. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; Изд-во Моск. ун-та, 2017. – Т. 2. – 392 с.
11. Орешников, А.А. Глобальное старение населения и новая технологическая революция / А.А. Орешников // Наука и инновации. – 2018. – № 6. – С. 61–64.
12. Курашева, Т.А. Международная демографическая статистика: учеб. пособие / Т.А. Курашева, Л.В. Тарлецкая. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 110 с.
13. Яковец, Ю.В. Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций / Ю.В. Яковец, Е.Е. Растворцев. – М.: Ин-т экон. стратегий, 2017. – 376 с.
14. Мельянцева, В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен: (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.) / В.А. Мельянцева. – М.: Ключ-С, 2009. – 215 с.
15. Мэддисон, Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 581 с.
16. Акаев, А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: математические модели и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики / А.А. Акаев. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 348 с.

Поступила в редакцию 20.03.2019 г.

Тенденции развития мясоперерабатывающей отрасли в Республике Беларусь

Побяржина Т.П.¹, Морозова В.Ю.²

¹УО ФПБ Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

²Производственное унитарное предприятие «Оршанский мясоконсервный комбинат»

В настоящее время в структуре национальной экономики Республики Беларусь агропромышленный комплекс традиционно занимает одно из ведущих мест. В числе его задач – обеспечение населения продуктами питания, что представляется важнейшим условием обеспечения качества жизни и продовольственной безопасности любого государства. Главным источником белка и других ценных компонентов в пищевом рационе человека выступает мясная продукция, рынок производства которой в Беларуси основывается на давних традициях и является одним из крупнейших сегментов продовольственной отрасли страны.

Цель статьи – анализ современного состояния мясоперерабатывающей отрасли в Республике Беларусь по ряду статистических показателей.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, государственные программные документы, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов в отраслевых периодических изданиях. Основные методы изучения: сравнения, анализ и синтез, статистический, графический.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются роль мясоперерабатывающей отрасли и конкретных предприятий в системе общественного воспроизводства, динамика основных статистических показателей, отражающих ее развитие, география поставок белорусской продукции, текущие проблемы внешнеэкономической деятельности и направления их решения.

Рынок мяса и мясной продукции в Республике Беларусь является одним из самых крупных сегментов рынка продовольственных товаров в Беларуси как по емкости, так и по числу участников. Производители мясной продукции полностью удовлетворяют внутренний спрос и играют важную роль во внешней торговле страны.

Заключение. Современная ситуация, сложившаяся в мясоперерабатывающей отрасли, характеризуется рядом проблем, решение которых зависит как от внутренних, так и от внешних условий на товарных рынках стран-партнеров.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, мясопереработка, экспорт, рынок сбыта, конкурентоспособность, эффективность, сертификация.

Trends in the Development of the Meat Processing Industry in the Republic of Belarus

Pabiarzhina T.P.¹, Morozova V.Yu.²

¹UO FPB Vitebsk Branch of the "International University «MITSO»"

²Manufacturing Unitary Enterprise "Orsha Meat Processing Company"

Currently, in the structure of the national economy of the Republic of Belarus, the agro-industrial complex traditionally occupies one of the leading places. One of its tasks is to provide the population with food, which is the most important condition for ensuring the quality of life and food security of any state. The main source of protein and other valuable components in the human diet is meat products, the production of which in Belarus is based on long-standing traditions and is one of the largest segments of the country's food industry.

The article aims to analyze the current state of the meat processing industry in the Republic of Belarus according to a number of statistical indicators, as well as to identify current problems and prospects for solving them.

Material and methods. The material for the study was the statistical data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, state program and regulatory documents, electronic information resources, publications of specialist in branch periodicals. The main research methods: comparisons, analysis and synthesis, statistical, graphic.

Findings and their discussion. The article discusses the role of the meat processing industry and specific enterprises in the system of social reproduction, the dynamics of the main statistical indicators reflecting its development, the geography of supplies of Belarusian products, the current problems of foreign economic activity and the direction of their solution.

The market for meat and meat products in the Republic of Belarus is one of the largest segments of the food market in Belarus, both in terms of its capacity and the number of participants. Meat producers fully satisfy domestic demand and play an active role in the country's foreign trade.

Conclusion. Thus, the current situation in this area is characterized by a number of problems, the solution of which depends on both internal conditions and external markets for the partner countries.

Key words: agro-industrial complex, meat processing, export, market, competitiveness, efficiency, certification.

Внастоящее время в структуре национальной экономики Республики Беларусь агропромышленный комплекс традиционно занимает одно из ведущих мест и в структуре валового внутреннего продукта суммарно формирует около 30% стоимости. Устойчивость и конкурентоспособность отечественного агропромышленного производства в определенной степени обеспечивает стабильность и эффективность всей экономики страны. Агропромышленная сфера формирует как исходную сырьевую базу, так и конечные объемы продуктов питания в контексте критериев продовольственной безопасности страны.

Цель статьи – анализ современного состояния мясоперерабатывающей отрасли в Республике Беларусь по ряду статистических показателей, а также обозначить актуальные проблемы и перспективы их решения.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила информация министерств, ведомств и конкретных предприятий, статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2010–2017 годы, продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), совместные сельскохозяйственные обзоры и прогнозы развития на 2016–2025 годы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и FAO, государственные программные документы, результаты исследований института системного анализа агропромышленного комплекса при Национальной академии наук Республики Беларусь, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов-теоретиков и практиков в отраслевых периодических изданиях, информация, накопленная в процессе практической работы непосредственно на предприятиях мясоперерабатывающей отрасли. Основные методы изучения: сравнения, анализ и синтез, статистический, нормативный, графический.

Результаты и их обсуждение. К основным видам деятельности агропромышленного комплекса относятся сельское хозяйство (растениеводство и животноводство), а также пищевая промышленность, в структуре которой мясопереработка является одним из крупнейших сегментов продовольственной отрасли страны (рисунок 1).

На долю мяса и мясопродуктов в потребительских расходах населения на продукты питания приходится 10,5%. Это больше, чем на все другие составляющие продовольственной корзины. По оценкам экспертов, белорусские потребители тратят более 1,3 млрд долларов США в год на мясо в супермаркетах, предприятиях быстрого питания, специализированных магазинах и ресторанах. В структуре розничного товарооборота

мясной продукции принадлежит около 10%. Значительное место мясной отрасли в экономике страны обусловлено высокой ценностью его конечной продукции в структуре питания населения. Причем с 2010 по 2017 год потребление мяса и мясопродуктов в республике на душу населения увеличилось с 84 кг до 92 кг, при рациональной норме потребления для возрастной группы 30–39 лет 77 кг для мужчин и 68 кг для женщин.

Производственный потенциал мясной отрасли Республики Беларусь в общем объеме мяса, производимого в СНГ, составляет 6%. Это четвертое место после России, Украины и Казахстана. На душу населения в республике производится 127 кг мяса в убойном весе, что в 2 раза больше, чем в Российской Федерации, Украине, Казахстане.

Белорусский рынок мяса динамично развивается, и он включает три основных сегмента продуктов: на основе говядины (31,3%), свинины (29,7%) и мяса птицы (39%). Доля последней с 2010 г. значительно выросла – почти в 1,9 раза, что заметно повлияло на структуру производства по видам мяса (таблица 1). Вместе с тем внутреннее потребление смещено в сторону мяса птицы по причине снижения реальных доходов населения с 2015 года. В целом с 2010 года объемы производства мяса в натуральном выражении увеличились на 279 тыс. тонн, или на 20%.

В настоящее время на рынке мясопродуктов действуют около 200 предприятий (в том числе 26 мясокомбинатов), которые занимаются переработкой мяса и производством мясной продукции, 24 из них – с долей госсобственности от 7 до 100%. Это предприятия ведомственной подчиненности Министерству сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. На их долю приходится до 50% в совокупном объеме выпуска мясной продукции. Также переработку мяса осуществляют производители птицы, перерабатывающие цеха «Белкоопсоюза», подсобные цеха сельскохозяйственных товаропроизводителей и предприятия частной формы собственности.

Мясоперерабатывающая отрасль – высококонкурентная в Беларуси, предприятия по переработке мяса имеются во всех регионах страны. Ведущими по объемам переработки мяса и реализации конечной продукции являются предприятия, расположенные в Минской, Брестской, Гродненской и Витебской областях (рисунок 2).

Основные игроки на рынке – Слуцкий, Борисовский, Березовский, Брестский, Пинский, Гродненский, Волковысский, Слонимский и Витебский мясокомбинаты [1]. На рынке куриного мяса лидерами являются ОАО «Смолевичи Бройлер», СЗАО «Серволукс», ОАО «Агрокомбинат “Дзержинский”», ОАО «Птицефабрика “Дружба”», ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» [2].

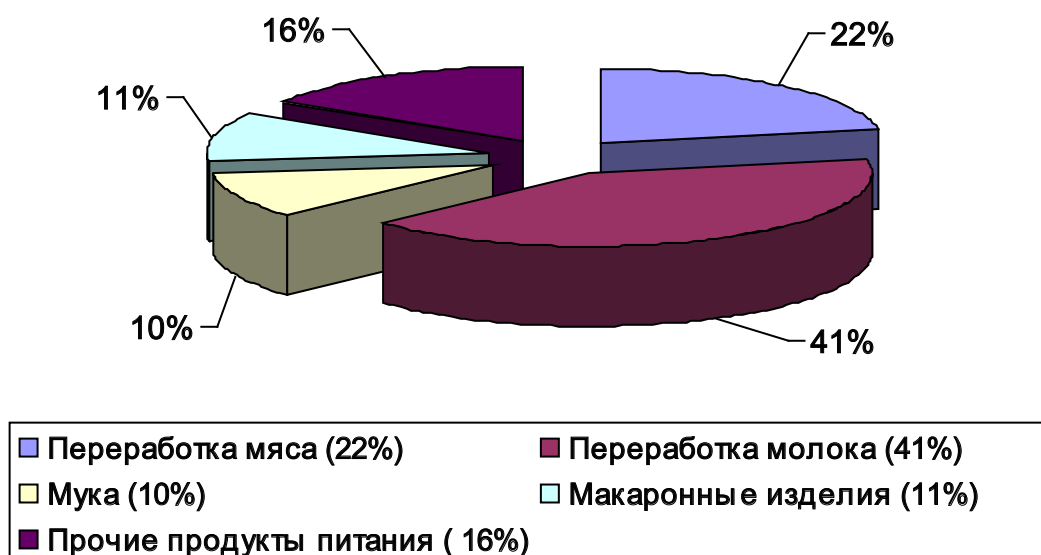

Рисунок 1 – Структура производства важнейших видов продукции пищевой промышленности в Республике Беларусь, %

Источник: [3].

Таблица 1 – Динамика производства мяса в убойном весе в Республике Беларусь

Показатели	2010 год		2017 год		Темп роста 2017/2010, %	Изменение структуры, п.п.
	тыс. тонн	стр-ра, %	тыс. тонн	стр-ра, %		
Мясо в убойном весе, в т.ч.:	1391,4	100	1670,4	100	120,0	–
мясо КРС	533,1	38,3	522,7	31,3	98,0	–
мясо свиней	511,5	36,8	496,1	29,7	97,0	–7,1
мясо птицы	346,8	24,9	651,6	39,0	187,9	+14,1

Источник: [3].

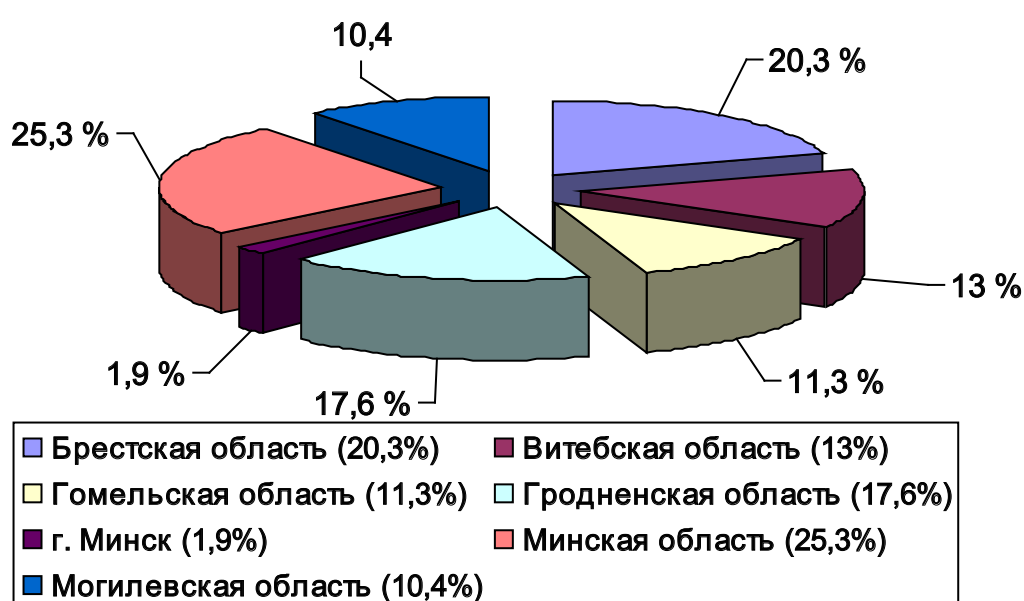

Рисунок 2 – Географическая структура производства мясных продуктов в Республике Беларусь, %

Источник: [4].

Ассортимент выпускаемой продукции состоит из: более 100 видов вареных колбас, 70 – сосисок и сарделек, 25 – полукопченых, 20 – варено-копченых, 60 – сырокопченых и сыровяленых колбасных изделий, более 100 наименований продуктов из говядины и свинины, около 300 – полуфабрикатов, более 200 видов консервов. В 2017 году всеми предприятиями произведено 1102,3 тыс. т мяса, 280 тыс. т колбасных изделий (из них 60% вареные) и 177,4 тыс. т мясных полуфабрикатов [4]. Однако среднегодовые мощности по переработке мяса задействованы лишь на 70%, что связано с недостаточным уровнем развития скотоводства и свиноводства [3].

Мясоперерабатывающая отрасль не только обеспечивает внутренние потребности населения, но и играет существенную роль во внешней торговле страны. В структуре белорусского экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия на долю мясопродуктов приходится около 20%. Внешняя торговля данной продукцией является важной для белорусских производителей. Основную прибыль им приносят именно экспортные поставки. На экспорт ежегодно поставляется около 350 тыс. т мяса, мясных субпродуктов и колбас, что в 1,5 раза больше, чем в 2010 году. Причем экспорт в страны вне СНГ с 2010 года увеличился с 0,7 тыс. тонн до 3,5 тыс. тонн, или в 5 раз. Доля Республики Беларусь в мировом производстве мяса составляет 0,4%. Мы входим в 25 стран-лидеров по экспорту мяса, при этом по говядине замороженной занимаем семнадцатую строчку мирового рейтинга, по говядине охлажденной и мясу птицы – восемнадцатую [5].

Самыми крупными категориями в структуре экспорта мясопродуктов являются говядина охлажденная или замороженная (42%), а также мясо и пищевые субпродукты из птицы (45%). На колбасы и аналогичные продукты из мяса приходится 13%. Основным рынком сбыта в части экспорта для предприятий Беларуси является Российская Федерация, ее удельный вес в общем объеме поставок мясной продукции составляет 85–95% (таблицы 2, 3). Практически все белорусские предприятия осуществляют поставки продукции в Россию. И хотя в отношении некоторых производителей действуют частичные ограничения Россельхознадзора, российский рынок является премиальным для белорусской мясной продукции, и в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет оставаться для них основным. Это значит, что белорусский мясной экспорт серьезно зависит от одного рынка сбыта. Особенно острым становится этот вопрос в связи с принятием в России государственных программ, согласно которым в ближайшие годы планируется выйти на полное

самообеспечение потребности страны в мясе. По прогнозам Минсельхозпрода к 2020 г. российский рынок для импортеров, в том числе из Беларуси, сократится более чем на 20%, что остро ставит перед отечественными предприятиями задачи по диверсификации экспорта.

Институтом системных исследований в АПК при Национальной академии наук Беларуси проводилась оценка уровня эффективности экспортной деятельности предприятий пищевой промышленности с помощью метода DEA (Data Envelopment Analysis – анализ путем охвата данных) [6]. При проведении анализа учитывались производственные затраты, а также цена реализованной на экспорт продукции и добавленная стоимость. Уровень эффективности определялся коэффициентом, максимальное значение которого равно 1, что свидетельствует об оптимальном уровне использования имеющихся ресурсов. Меньший уровень эффективности является признаком наличия неиспользованных резервов. На основании результатов исследования представляется возможным выделить десять предприятий мясоперерабатывающей промышленности с наибольшим значением показателя эффективности экспортной деятельности (таблица 4). Причем три из них расположены в Витебской области.

Для определения конкретных целей и задач в рамках приоритета социально-экономического развития «Экспорт» в Республике Беларусь разработана и утверждена в 2016 году Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [7]. В ней определены конкретные цели и задачи по диверсификации рынков сбыта с учетом равного распределения экспортных поставок между тремя рынками: Евразийский экономический союз, Европейский союз и иные страны, в том числе страны «дальней дуги» (страны Азии и Океании, Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки). Причем к 2020 году их соотношение должно составить треть-треть-треть. Однако выход на каждый новый рынок сбыта для предприятия связан с прохождением очень сложных формальных процедур. И, как показывают данные таблиц, за 2017–2018 годы работа над диверсификацией мясной отрасли ведется недостаточно интенсивно. У предприятий нет стратегии освоения рынков сбыта и, как следствие, нет и практических шагов по их реализации.

В соответствии с исследованиями продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), основанными на долгосрочных прогнозах, к 2020 году возрастет спрос на мясные продукты, особенно в Восточной Европе, Азии и Латинской Америке, где доходы повышаются,

Таблица 2 – География экспорта говядины Республики Беларусь

Страны	2017 год			Январь-сентябрь 2018 года		
	Кол-во, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Доля в экспорте, %	Кол-во, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Доля в экспорте, %
Армения	16	51	0,01	442	1529	0,4
Азербайджан	445	1291	0,3	643	1937	0,5
Казахстан	7437	20601	4,1	4882	14128	3,5
Кыргызстан	96	385	0,08	37	140	0,03
Российская Федерация	132334	477189	94,9	103591	381398	95,0
Таджикистан	39	118	0,02	39	125	0,03
Туркменистан	20	64	0,01	–	–	–
Узбекистан	323	1104	0,2	–	–	–
Украина	86	285	0,06	10	31	0,01
Вьетнам	515	1400	0,3	431	1321	0,3
Гонконг	134	387	0,08	57	192	0,05
Китай	–	–	–	116	540	0,1
Итого экспорт	141445	502875	100	110248	401341	100
Количество стран	11			10		

Источник: [8].

Таблица 3 – География экспорта мяса птицы Республики Беларусь

Страны	2017 год			Январь-сентябрь 2018 года		
	Кол-во, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Доля в экспорте, %	Кол-во, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Доля в экспорте, %
Армения	237	324	0,1	283	332	0,2
Азербайджан	128	265	0,1	415	743	0,4
Казахстан	7606	9724	4,3	5260	6772	3,6
Кыргызстан	2105	3059	1,4	2253	3171	1,7
Молдова	197	301	0,1	40	53	0,03
Российская Федерация	127534	196267	87,5	106485	163066	87,4
Таджикистан	264	209	0,09	323	396	0,2
Узбекистан	2089	2245	1,0	2378	2220	1,2
Украина	8100	10256	4,6	5501	7388	4,0
Вьетнам	1268	471	0,2	1021	614	0,3
Грузия	90	118	0,05	178	232	0,1
Гонконг	784	1052	0,5	799	936	0,5
Китай	–	–	–	207	553	0,3
Литва	18	11	0,01	21	10	0,01
Итого экспорт	150420	224302	100	125164	186486	100
Количество стран	13			14		

Источник: [8].

Таблица 4 – Эффективность экспортоориентированных предприятий

	Предприятия	Эффективность
1.	ООО «Вахавяк Плюс»	1
2.	ОАО «Слонимский мясокомбинат»	1
3.	ОАО «Столбцовский мясоконсервный комбинат»	1

4.	ОАО «Бобруйский мясокомбинат»	1
5.	ОАО «Пинский мясокомбинат»	0,887
6.	ОАО «Витебский мясокомбинат»	0,832
7.	ОАО «Глубокский мясокомбинат»	0,828
8.	ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат»	0,781
9.	ОАО «Березовский мясоконсервный комбинат»	0,761
10	ОАО «Волковысский мясокомбинат»	0,758

Источник: [6].

а рост численности населения замедляется. В связи с этим тенденции растущего мирового спроса на мясо и мясную продукцию открывают возможности перед белорусской мясной промышленностью как по наращиванию объемов экспорта, так и в получении дополнительной валютной выручки. По состоянию на 2017 год средние экспортные цены на мясную продукцию были следующими (долларов США за тонну): говядина – 3620, мясо птицы – 1490, колбасные изделия – 2700.

Важным шагом в завоевании нового рынка сбыта для отечественных производителей стала командировка директоров белорусских мясоперерабатывающих предприятий в Китай осенью 2017 года. Сам по себе рынок Китайской Народной Республики имеет большие перспективы для поставок нашей продукции, поскольку он достаточно дефицитен. Ежегодный импорт мяса составляет порядка 4,5 млн т и только 14 стран мира имеют право поставлять мясо на китайский рынок. Это связано с чрезвычайно сложными условиями сертификации продукции. Так, например, стандарты по убою животных в Китае и Беларуси существенно отличаются. Главное требование КНР – при убое не должно происходить никаких пересечений между свиньями и крупным рогатым скотом. Убой проводится не просто в разные дни или после дезинфекции, нужна даже не отдельная производственная линия, а отдельный цех: чтобы от входа животных до выхода мясной продукции и ее хранения не допустить никаких точек соприкосновения. Без соблюдения этого стандарта получить государственный сертификат на поставки невозможно.

В результате переговоров белорусская сторона получила разрешение на поставки говядины и птицы. Но пока именно экспорт говядины – один из самых динамичных проектов в национальной программе диверсификации рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Из восьми белорусских предприятий, которые посещали китайские инспектора, только два получили сертификаты. Это ОАО «Могилевский мясокомбинат» и ООО «Велес-Мит». Для остальных выход может быть только один – в открытии дополнительных

цехов под свинину или говядину, и тогда возникает проблема финансирования инвестиционных проектов.

Кроме Китая, белорусской стороной изучаются рынки ОАЭ, Саудовской Аравии, Катар, Ирана, Ирака, Пакистана, Индонезии. Но, опять же, для выхода на эти рынки нужны отдельный убой и сертификация по системе «Халяль», которая предполагает даже особые требования к ритуальному боксу для убоя скота.

В целом для закрепления на новых рынках сбыта необходимо:

- выполнять условия по сертификации продукции;
- наращивать объемы производства с целью системных поставок продукции в определенном ассортименте;
- работать над снижением себестоимости продукции, так как чем она ниже, тем охотнее с производителем работают банки и международные компании;
- обеспечить себя сильным местным партнером, у которого хорошие позиции на рынке;
- тщательно перерабатывать сырье (с одной тонны мяса крупного рогатого скота можно заработать 1000 руб., если продавать потушно; 1500 руб., если реализовывать консервы; 2000 руб., если провести глубокую разделку, включая котлетное мясо, тазобедренное, лопаточное, субпродукты) [8].

При анализе возможностей экспорта белорусского мяса в страны-лидеры по закупкам следует учитывать таможенные тарифы. Они, по данным FAO, составляют: в Японии – говядина (38,5%), свинина (4,3%), птица (7,4%); в Китае – говядина (12%), свинина (16%), птица (15%). Во многих странах (Японии, ЕС) лимитируются цены, в других – Мексика, ЮАР – устанавливаются, кроме того, квоты ввоза, а тарифы сверх квоты очень высоки – от 26% в США до 40% в Южно-Африканском регионе [9].

Заключение. Таким образом, рынок мяса и мясной продукции является одним из самых крупных сегментов рынка продовольственных товаров в Беларуси как по емкости, так и по чис-

лу участников. Важнейшими преимуществами белорусской мясной промышленности являются высокое качество и безопасность мясной продукции, а также значительный производственный потенциал. С учетом высокой степени открытости белорусской аграрной экономики в ближайшие годы особое внимание будет уделяться развитию внешнеторговой деятельности. А именно: устойчивому росту экспорта, диверсификации его географической структуры, рациональному использованию экспортного потенциала, повышению его эффективности, широкому внедрению инновационных технологий производства и сбыта экспортоориентированной продукции.

Литература

1. Мясная промышленность Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investinbelarus.by/docs/-1483.pdf>. – Дата доступа: 09.01.2019.
2. Лучшие птицефабрики мясного направления // Белорусское сельское хозяйство. – 2018. – № 8. – С. 25.
3. Стат. ежегодник Республики Беларусь, 2018. – Минск, 2018. – 489 с.
4. Промышленность Республики Беларусь, 2018. Стат. сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 09.01.2019.
5. Сельское хозяйство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 09.01.2019.
6. Колеснев, И. Рекомендации по повышению эффективности экспортоориентированных предприятий пищевой промышленности / И. Колеснев // Экономика сельского хозяйства. – 2018. – № 9. – С. 32.
7. Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://www.belrynok.by/2016/08/05>. – Дата доступа: 09.01.2019.
8. Крапивина, Л. Экспортный шанс для белорусского мяса / Л. Крапивина // Белорусское сельское хозяйство. – 2018. – № 12. – С. 20.
9. Слав, Е. Мясной экспорт в Китай: перспективы белорусской свинины / Е. Слав // Белорусское сельское хозяйство. – 2018. – № 8. – С. 26.

Поступила в редакцию 04.03.2019 г.

УДК 336.74:336.77

Эволюция системы золотого стандарта и создание системы фидуциарного стандарта

Усоский В.Н.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»

Статья посвящена исторической эволюции системы золотого монометаллизма, который в своем развитии прошел четыре формы: золотомонетную, золотослитковую, золотодевизную и золотовалютную. Исследован также процесс создания системы фидуциарных кредитных денег, не обеспеченных драгоценными металлами; периоды времени, в течение которых происходил временный отход от системы золотого стандарта, а затем осуществлялось его восстановление. Проанализированы условия и причины краха системы золотовалютного стандарта в 1971 г. и создание современной системы фидуциарного стандарта.

Цель статьи состоит в проведении исторического анализа условий и причин эволюции системы золотого монометаллизма в формах золотомонетного, золотослиткового, золотодевизного и золотовалютного стандарта, что завершилось созданием системы фидуциарных кредитных денег, не обеспеченных драгоценными металлами.

Материал и методы. Информационную основу анализа составили труды представителей ведущих экономических школ, работы советских и иностранных экономистов. Определена методология сравнительного анализа золотых кредитных и фидуциарных кредитных денег, которые имеют черты сходства и различия. Ее применение позволяет обосновать единство содержания золотых и фидуциарных кредитных денег, которые обеспечены добавленной ценностью, создаваемой коммерческими банками, фирмами и домашними хозяйствами. В исследовании использовались методы системного анализа, синтеза, диалектический метод.

Результаты и их обсуждение. В статье проанализированы условия и причины двух исторических периодов времени (две мировые войны и Великая депрессия), в течение которых произошел временный отход от системы золотого стандарта, а затем осуществлялось его восстановление. Рассмотрены условия и причины окончательного краха системы золотовалютного стандарта в 1971 г. и создание современной системы фидуциарного стандарта.

Результаты исследования представлены в виде системы объективных критериев, позволяющих выявить единство сущности золотых и фидуциарных кредитных денег, различие между которыми не субстанционально, определяясь способом их обеспечения (материальным и не материальным). Двухуровневая банковская система, эмитирующая золотые и фидуциарные кредитные деньги, построена на едином регуляторе – действии системы жестких бюджетных ограничений, которые инициируют создание добавленной ценности, служащей обеспечением кредитных денег. Золотые и фидуциарные кредитные деньги являются универсальными безусловными финансовыми обязательствами и требованиями.

Заключение. Результаты исследования имеют теоретико-методологическую и практическую значимость. Теоретико-методологическая значимость состоит в обосновании системы объективных критериев, позволяющих выделить фундаментальные признаки сходства и различия универсальных золотых и фидуциарных кредитных денег.

Ключевые слова: золотые кредитные деньги, фидуциарные кредитные деньги, универсальные безусловные финансовые обязательства, субъекты финансового посредничества, двухуровневая банковская система.

The Evolution of the Gold Standard System and Creation of Fiduciary Standard System

Usosky V.N.

Educational Establishment "Minsk State Linguistic University"

The article is devoted to the analysis of the historic evolution of the gold monometallism standard in gold coin, gold bullion, gold division and gold exchange forms. The creation of the system of fiduciary credit money without precious metal cover is considered; periods of temporary interruption of the use of gold standard system and its reestablishment are analyzed. Conditions and reasons the gold standard crash in 1971 and creation of the contemporary system of fiduciary standard are analyzed.

The purpose of the article is to explore the historic analysis of the conditions and reasons of evolution of the gold monometallism standard in gold coin, gold bullion, gold division and gold exchange forms, which ended up with the creation of fiduciary credit money without precious metals cover.

Material and methods. Works by representatives of leading economic schools, by Soviet and foreign economists were the information basis of the analysis. The methodology of the comparative analysis of gold credit and fiduciary credit money, which have features of similarity and difference, is identified. Its application makes it possible to substantiate the unity of content of gold credit money and fiduciary credit money which is value added, created by commercial banks, firms and households. Methods of system analysis, synthesis, the dialectical method were used.

Findings and their discussion. Conditions and reasons for two historical periods (the two World Wars and the Great Depression) are considered in the article. During them a temporary retraction from the gold standard took place followed by its restoration. Conditions and reasons for the final crash of the gold currency standard system in 1971 are analyzed as well as the creation of the contemporary fiduciary standard.

The research findings are displayed as a system of objective criteria that identifies the unity of the essence of gold credit money and fiduciary credit money, the difference between which it is not substantial and is determined by the method by which it is covered. The two-tier banking system issuing gold credit money and fiduciary credit money is based on a single regulator – the system of strict budget restrictions that demands the creation of value added to cover credit money. Gold credit money and fiduciary credit money is universal unconditional financial liability and requirement.

Conclusion. The research findings have both theoretical methodological and practical significance. The theoretical and methodological significance consists in the determination of the system of objective criteria that allow us to identify fundamental features of unity and difference of gold credit money and fiduciary credit money.

Key words: gold credit money, fiduciary credit money, universal unconditional financial liabilities and requirements, subjects of financial intermediation, a two-tier banking system.

Статья посвящена исторической эволюции системы золотого монометаллизма, который в своем развитии прошел четыре формы: золотомонетную, золотослитковую, золотодевизную и золотовалютную. Исследован также процесс создания системы фидуциарных кредитных денег, не обеспеченных драгоценными металлами. Рассмотрены периоды времени, в течение которых происходил временный отход от системы золотого стандарта, а затем осуществлялось его восстановление. Проанализированы условия и причины краха системы золотовалютного стандарта в 1971 г. и создание современной системы фидуциарного стандарта.

Цель статьи состоит в проведении исторического анализа условий и причин эволюции системы золотого монометаллизма в формах золото-

монетного, золотослиткового, золотодевизного и золотовалютного стандарта, что завершилось созданием системы фидуциарных кредитных денег, не обеспеченных драгоценными металлами. Исследованы условия и причины двух исторических периодов времени (две мировые войны и Великая депрессия), в течение которых произошел временный отход от системы золотого стандарта, а затем осуществлялось его восстановление. Проанализированы условия и причины окончательного краха системы золотовалютного стандарта в 1971 г. и создание современной системы фидуциарного стандарта. Разработана методология, позволившая выделить признаки сходства и различия золотых и фидуциарных кредитных денег.

Материал и методы. Информационную основу анализа составили труды представителей ведущих экономических школ, работы советских

и иностранных экономистов. Определена методология сравнительного анализа золотых кредитных и фидуциарных кредитных денег, которые имеют черты сходства и различия. Ее применение позволяет обосновать единство содержания золотых и фидуциарных кредитных денег, которые обеспечены добавленной ценностью, создаваемой коммерческими банками, фирмами и домашними хозяйствами. Золотые и фидуциарные кредитные деньги являются универсальными безусловными финансовыми обязательствами и требованиями, которые созданы банковской системой. При этом использовались методы системного анализа, синтеза, диалектический метод.

Результаты и их обсуждение. Система золотого монометаллизма в форме золотомонетного стандарта. Содержание понятия физикалистские деньги неадекватно природе кредитных денег. Натуралистические критерии трудовой теории стоимости, определяемые через физическое бытие золотых (серебряных) денег, «привязанных» своим весовым содержанием к единице валюты, эта теория начинает транслировать на сущность кредитных фидуциарных денег, игнорируя их природу. Для более детального уяснения данного вопроса будет полезно воспроизвести историю возникновения и исчезновения международной системы золотого стандарта (МСЗС). Она была введена в 1867 г. как система золотомонетного стандарта, который был отменен в первую мировую войну (1914–1918) и не действовал в переходный период послевоенного восстановления (1919–1924). В середине 20-х гг. XX в. МСЗС была восстановлена, а затем вновь начала рушиться во время Великой депрессии (1929–1939). Старт системному коллапсу МСЗС дали Германия и Англия в 1931 г., выйдя из МСЗС. Франция больше всех европейских держав пыталась удержать от распада возглавляемый ею «Золотой блок» (Бельгия, Голландия, Швейцария, Италия, Польша), который существовал в 1933–1936 гг. Однако 01.10.1936 г. обмен банкнот на золото был остановлен, а франк был девальвирован [1, с. 254]. Западноевропейские державы и США с 1931 г. прекратили эмиссию золотых денег и начали процесс становления системы фидуциарных денег. Страны, имевшие несамостоятельные национальные валюты, т.е. привязавшие их к золотым валютам великих держав, оказались в самом тяжелом положении. Ликвидация МСЗС происходила поэтапно в 1931–1936 гг. и завершилась в 1939 г., когда система фидуциарных денег приобрела тотальный характер во время Второй мировой войны (1939–1945).

С 1931 г. происходил вывод золотых денег из наличного и безналичного обращения.

Правительства вводили запрет на оборот золотых денег в национальной экономике, а затем и в системе международных расчетов. Частные лица были лишены возможности покупать золото, их права были существенно ограничены. Например, граждане США с 01.05.1933 г. потеряли право обладать золотом на сумму более чем 100 долларов. Много ограничений на платежи золотом были введены для частных лиц и граждан в национальной и международной экономике. Золото фактически было объявлено государственной монополией и стало резервным фондом государства для осуществления чрезвычайных платежей по государственным обязательствам. Золото продолжало обслуживать лишь межгосударственные торговые отношения. Начало Второй мировой войны сделало процесс создания фидуциарной системы необратимым. Во второй половине 40-х гг. XX в. была создана последняя четвертая система золотовалютного стандарта через десять лет после краха третьей системы золотодевизного стандарта в 30-х гг.

МСЗС существовала в четырех формах – золотомонетной, золотослитковой, золотодевизной и золотовалютной. Современная пятая международная валютная система (МВС) базируется на фидуциарных деньгах, которые основаны на доверии к эмиссионным институтам государства и обеспечены обязательствами коммерческих банков, золотовалютными резервами страны и фискальными возможностями правительства оплачивать безусловные долговые обязательства Центрального банка.

Первая МВС была создана на базе золотомонетного стандарта и юридически оформлена соглашением великих европейских держав на Парижской конференции (1867). В основе этой системы с фиксированным золотым содержанием национальных валют и фиксированными валютными курсами лежала система вексельных валютных курсов. Национальная валюта существовала в форме векселей Центрального банка, являвшимися универсальными безусловными обязательствами и требованиями. Весовое обеспечение вексельных национальных валют золотом создало для векселей самостоятельный оборот, связанный с рынком золота. Цены на золото и цены векселей определяли динамику вексельных курсов международных валют. Международной резервной валютой для расчетов по внешнеторговым операциям был английский фунт стерлингов, содержащий (pegged) фиксированный вес золота. В золотой платеж покупатель товара помимо цены на золото включал издержки по транспортировке золота и страхованию рисков по его перевозке, потере процентов по альтернативному использованию

золота в депозитных (кредитных) операциях. При золотомонетном стандарте золото и фунт стерлингов стали альтернативными средствами расчетов. Выдвижение фунта стерлингов на первую позицию на международном рынке было обусловлено глобальным лидерством Великобритании после разгрома Франции (1815) в наполеоновских войнах. Великобритания, став *промышленной мастерской мира*, создала Британскую империю, которая в экономическом, культурном и военном отношениях имела неоспоримое превосходство в мире.

Первая форма МВС получила название *стерлингового золотого стандарта* (*sterling-based gold standard*). Система фиксированных валютных курсов при золотомонетном стандарте действовала следующим образом. Валютные (вексельные) курсы колебались вокруг монетного золотого паритета в рамках золотых точек (*gold points*), где нижней золотой точкой была точка вывоза золота за границу, а верхней золотой точкой была точка ввоза золота из-за границы. В пределах золотых точек валютный (вексельный) курс определялся рыночным спросом и предложением. Если валютный (вексельный) курс выходил за пределы нижней золотой точки (монетного паритета) и платежи золотом становились более дешевыми, чем платежи векселями, то тогда начинался отток золота из страны. Если же валютный (вексельный) курс выходил за пределы верхней золотой точки, то в этом случае платежи золотом становились более дорогими, нежели платежи векселями. Это приводило к притоку золота в страну. Механизм золотого паритета приводил к альтернативному взаимному замещению золота и валюты в расчетах, что объективно вело к колебаниям валютного (вексельного) курса в рамках установленного Центральными банками стран *фиксированного золотого паритета*. Центральные банки не могли проводить самостоятельную денежно-кредитную политику, так как валютные курсы были фиксированными (+/-1%), а эмиссия денег зависела от количества золота, циркулировавшего между странами, а также от добычи золота, используемого затем как монетарное золото в обращении. Система золотомонетного стандарта была самой жесткой в отношении банковской системы, так как она должна была оплачивать банкноты золотом в случае сдачи их в банк, который был поставлен в условия связи количества эмитированных банкнот с размерами их золотого обеспечения. Розничные владельцы банкнот контролировали банковскую систему очень жестко, имея право представить в банк банкноты, требуя их обменять на золото. Такой жесткой связи между эмиссией банкнот и весовым количеством золота уже боль-

ше не было в последующих – второй, третьей и четвертой МВС. В них гражданин был лишен возможности обмена банкнот на золото в банках.

Условия создания системы фидуциарных денег (1914–1924). Золотослитковый и золото-девизный стандарт. Первая мировая война привела к отказу стран от своих обязательств покупать и продавать валюту по золотому паритету, что потребовало тотального создания национальных систем фидуциарных денег и изъятия золота из денежного обращения. Вторую форму МВС (золотослитковый стандарт) ввели Великобритания (13.05.1925 г.), Франция (25.06.1928 г.), Голландия (апрель 1925 г.), Дания (конец 1926 г.). Великобритания, стремясь вернуть себе ведущую роль на международном рынке, восстановила довоенный золотой паритет фунта стерлингов равного, 4,86656 доллара, что оказало депрессивное воздействие на экономику страны, вызвав большую безработицу. Инициатором этой политики был У. Черчилль. Ограниченность золотых запасов вынудила государства запретить эмиссию золотых монет и обязательный обмен банкнот на золотые монеты, что представляло собой первую форму МВС – систему золотомонетного стандарта.

В середине 20-х гг. была создана система золотослиткового стандарта. Государства ввели обмен банкнот на золотые слитки строго определенного законом веса по фиксированным ценам для создания золотых резервов страны. На базе золотослиткового стандарта, регулировавшего внутреннее обращение стран, была создана третья форма МВС (золотодевизный стандарт), который базировался на размене национальной валюты слаборазвитой страны на золотую иностранную валюту (международную резервную валюту). Золотодевизный стандарт «пристегивал» национальные валюты экономически зависимых стран (Германия, Греция, Польша, Чили, Колумбия, Эквадор, Боливия) к международным золотым резервным валютам развитых стран (Великобритания и США) в сфере внешнеэкономических расчетов без допуска в обращение золотых монет. По своему содержанию система золотодевизного стандарта была очень близка к системе золотовалютного стандарта, которая будет создана после окончания Второй мировой войны. В систему золотодевизного стандарта не вошли страны с серебряной валютой.

Голландия и Дания, установившие золотослитковый стандарт, относились скорее к системе золотодевизного стандарта, так как их национальные валюты были привязаны к международным золотым резервным валютам. Система золотодевизного стандарта состояла в обмене

Центральными банками своих банкнот на золото и международные золотые резервные валюты. В качестве девизов (*векселя, чеки, банковские депозиты и другие виды счетов в иностранных банках*) могла быть формально использована любая иностранная валюта, но фактически девизами стали английский фунт стерлингов и доллар США, так как к ним «привязывались» и на них разменивались все другие валюты экономически зависимых стран. Английский фунт стерлингов и доллар США выполняли функции *международных резервных валют*. Золото было сконцентрировано в Центральном банке и вместе с девизами использовалось для интервенций на рынке, в целях регулирования внешнеторговых платежей. Золото использовалось в расчетах в основном в оптовой торговле, поэтому оно превратилось в средство для подтверждения своего денежного характера в ограниченной системе координат. Граждане не имели права требовать обмена банкнот на золото.

Для уяснения сущности системы золотодевизного стандарта рассмотрим, как она действовала в стерлинговой зоне Британской империи. В Индии была введена система золотодевизного стандарта, при которой *индийская рупия* была «привязана» к заграничным (английским) девизам, т.е. векселям, чекам, стерлинговым счетам в банках, которые по твердому курсу конвертировались в золото. Денежная единица зависимой страны, перешедшей на золотодевизный стандарт, находилась в зависимости от устойчивости денежной единицы, на которую она опиралась – английский фунт стерлингов. Если английские банкноты, векселя, чеки, депозиты, на которых базировалась валюта Индии, переставали размениваться на золото и обесценивались, то автоматически обесценивалась размениваемая на них рупия.

Крах золотого стандарта и восстановление системы фидуциарных денег (1931–1945). Система фидуциарных денег была воссоздана в период Великой депрессии повторно (первый раз в 1914 г.) когда золото было полностью изъято из внутреннего обращения экономик. Германия (13.07.1931 г.), Великобритания (21.09.1931 г.), США (05.04.1933 г.) и Франция (01.10.1936 г.) ввели запрет на обмен кредитных денег на золото в любой форме внутри страны. За ними последовали все остальные страны мира. Экспорт золота был запрещен. Золото стало изыматься из обращения и из частной собственности граждан и фирм. Были введены ограничения на покупку золота.

Президент США Ф.Д. Рузвельт издал 05.04.1933 г. Указ № 6102 об обязательной сдаче до 01.05.1933 г. частными и юридическими лицами золота в банки и казначейство США по низкой

официальной цене (20,6 дол. за тройскую унцию), так как золото было объявлено государственной собственностью. В последующем цена на золото была повышена до 35 дол. за тройскую унцию, по которой продавать золото имели право только иностранные граждане. Владельцы золота могли оставить у себя золотых монет и слитков не более чем на 100 дол. Санкции за нарушение Указа были очень жесткие, они включали 10 лет тюрьмы и штраф 10000 дол. Рузвельт в 1934 г. издал закон о золотом резерве и потребовал конфискации золота у банков в обмен на золотые сертификаты, которые нельзя было обменять на золото [1, с. 221].

Глубокий экономический кризис перепроизводства товаров вынудил Центральные банки всех стран мира отказаться от системы фиксированных курсов, «привязывающих» их национальные валюты к международным резервным валютам. Началось «плавание» национальных валют в более широких диапазонах. Дестабилизация международных товарных и валютных рынков вызвала торговые и валютные девальвационные войны между странами, целью которых была попытка повысить конкурентоспособность товаров своих производителей. Началось встречное создание торговых барьеров через увеличение таможенных пошлин и квотирование импорта. Однако политика *разорения соседа (beggar-thy-neighbor)* не несла конструктивной альтернативы, а была разрушительной для экономики.

Великая депрессия для мировой экономики и международных товарных и валютных рынков превратилась в крупнейшую экономическую катастрофу, параллельно став катализатором фундаментальных изменений в международной системе валютных отношений. Экономический спад, начавшийся в развитых странах мира с 1929 г. охватил всю мировую экономику и торговлю и привел к депрессии, которой не избежал никто. Сильный спад сырьевого экспорта развивающихся стран Латинской и Центральной Америки, Азии и Африки в промышленно развитые страны, падение экспорта развитых стран во все регионы мира явились факторами глобального международного кризиса перепроизводства товаров и международной торговли. Экономике всех стран мира столкнулись с проблемой *дефляции (deflation)*, то есть с падением общего уровня цен. В результате дефляции «цены упали почти на 25% в Великобритании, чуть больше 30% – в Германии и США и более чем на 40% – во Франции» [2, с. 31].

Значительный экономический урон понесли США. Промышленное производство в США неуклонно падало в 1929–1932 гг., достигнув в 1932 г. 53% от уровня 1929 г. Затем в период 1932–1937 гг.

оно начало постепенно расти, достигнув к началу 1937 г. уровня 1929 г. Однако с 1937 г. промышленное производство в США вновь упало на большую величину – 78% от уровня 1929 г. [2, с. 33]. С началом Второй мировой войны реальный ВВП США (измеренный в ценах 1982 г.) вырос с 716,6 млрд USD (1939 г.) до 772,9 млрд USD (1940 г.). В 1929 г. ВВП США составлял 709,6 млрд USD, а в 1933 г. 498,5 млрд USD [3]. Только с 1939 г. в США началось постепенное восстановление экономики, чему в немалой степени способствовали начавшаяся Вторая мировая война и принятие закона о ленд-лизе 11.03.1941 г.

Правительства стран мира начали «закрывать» друг от друга в сфере международной торговли и инвестиций. Они ввели торговые ограничения на импорт для того, чтобы стимулировать внутренний спрос на товары, производимые национальными фирмами. Закон о тарифах Смута-Хоули, принятый в 1930 г. в США, является примером неразумной попытки страны увеличить занятость за счет нарушения законных интересов других стран. Закон о тарифах Смута-Хоули был принят несмотря на протесты 36 стран мира и предусматривал увеличение средней тарифной пошлины на импорт на 59%. Против США были приняты ответные санкции большинством стран мира. Когда все страны мира начали массированную борьбу с импортом, такая реакция однозначно вела к «схлопыванию» международной торговли и инвестиций. В течение трех лет произошел масштабный крах мировой торговли, которая сократилась также в три раза: январь 1929 г. (2998 млрд дол.), январь 1930 г. (2739 млрд дол.), январь 1931 г. (1839 млрд дол.), январь 1932 г. (1206 млрд дол.), январь 1933 г. (992 млрд дол.) [2, с. 34].

Последствием торгового и производственного коллапса стали кризис банковских систем всех стран мира и поэтапная ликвидация золотого стандарта. Все государства мира перешли на фидуциарные деньги, не размениваемые на золото, которое стали аккумулировать в золотых резервах. Золото было объявлено исключительным национальным достоянием, принадлежащим государству. Ввиду фактической государственной монополии на золото оно сохранялось только в межгосударственных расчетах. Как следствие стала динамично расширяться зона бартерных расчетов, которая в период второй мировой войны стала тотальной именно в межгосударственных отношениях.

Близорукая политика правительства США, принявшего закон о тарифах Смута-Хоули, формально защищавший собственного производителя, в немалой степени способствовала параличу

международной торговли товарами, услугами и деньгами, которая просто рухнула. Возникла тенденция к формированию валютных зон, объединяющих торгующие страны. Валютные зоны существовали в пределах колониальных империй великих держав, которые оказывали влияние на соседние регионы. Национальные валюты зависимых стран привязывались к английскому фунту стерлингов, американскому доллару, французскому франку, немецкой марке, которые не обладали золотым содержанием. Однако ввиду ограниченности золотых ресурсов, находившихся в руках частных лиц и фирм, правительства были вынуждены перейти на «глухой» бартер в международной торговле товарами и услугами. Экономические противоречия великих держав во время Великой депрессии ускорили начало мирового конфликта в сентябре 1939 г.

Система золотовалютного стандарта.

Целям послевоенного восстановления международной торговли способствовала созданная система золотовалютного стандарта (*gold exchange standard*), ставшая четвертой формой МВС. Она была юридически оформлена соглашением стран антигитлеровской коалиции (Объединенные Нации) в июле 1944 г. на валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе (США). Бреттон-Вудская система была построена на следующих принципах. Во-первых, была установлена официальная цена золота – 35 долларов за тройскую унцию (31,1 г. чистого золота), т.е. золото стало основой МВС. Во-вторых, роль международных резервных валют, обратимых в золото в международных расчетах, выполняли доллар и английский фунт стерлингов. В-третьих, устанавливались твердые паритеты национальных валют по отношению к доллару, «привязанному» к золоту, а через режим «привязки» – остальных валют друг к другу. В-четвертых, рыночные колебания валютных курсов вокруг фиксированного долларового паритета допускались в пределах $\pm 1\%$. В-пятых, ставилась стратегическая цель – отменить валютные ограничения и восстановить конвертируемость национальных валют. В-шестых, для регулирования МВС были созданы МВФ (Международный валютный фонд) и Всемирный банк (ВБ). Однако изначально официально установленный уровень цены на золото – 35 долларов за тройскую унцию – был не реалистичен. «Шахты с незначительным уровнем добычи в ЮАР и золотодобычи в ряде других стран находились на дотациях, поскольку еще в 1939 г. инфляция сделала цену в 35 дол. за унцию убыточной» [4, с. 194]. По мере послевоенного восстановления национальных экономик и дальнейшего расширения экономической активности, что выражалось в росте

ВВП и международной торговли, неадекватный уровень официальной цены золота через четверть века стал решающим фактором распада системы золотовалютного стандарта.

Бреттон-Вудская система представляла собой систему фиксированных валютных курсов с возможными девальвациями и ревальвациями валют при возникновении макроэкономической несбалансированности во внешней торговле. Это была система с периодически пересматриваемыми валютными паритетами. Государства регулировали макроэкономические пропорции с помощью монетарных и бюджетно-финансовых инструментов, стремясь не допустить возникновения рыночных дисбалансов. Макроэкономическая политика государства оказывала регулирующее воздействие на товарные и денежные рынки. Важнейшей проблемой международных рынков для стран мира являлись внешнеэкономические дисбалансы. Если дисбалансы носили временный характер, то Центральные банки и министерства финансов оказывали гибкое регулирующее воздействие на них через процентные ставки, валютные курсы и бюджетно-финансовую политику доходов и расходов. Центральные банки, используя монетарные инструменты, проводили интервенции на рынках, что оказывало влияние на изменение величины золотовалютных резервов (ЗВР), размеров эмиссии денег в обращении. Министерства финансов, корректируя доходы и расходы государственного бюджета, борясь с его дефицитом, также воздействовали на формирование рыночных условий равновесия спроса и предложения. Функционирование Бреттон-Вудской системы способствовало регулированию государствами внешнеторговых дисбалансов, что позволяло формировать условия относительной макроэкономической стабильности. Международные рынки относительно стабильно функционировали в течение двадцати лет, хотя валюты ведущих стран мира и доллар периодически подвергались спекулятивным атакам.

Пока существовал дефицит долларов и золота в европейских странах и других странах мира (1946–1949), курс доллара был незыблем. «Несмотря на отток ресурсов в экономическую помощь, золотой запас США существенно возрос за этот период: с 20 млрд дол. в конце войны до 24,6 млрд дол. концу 1949 г. Этот прирост превысил приток золота в международную валютную систему в те же годы, составившей 1750 млн дол.» [4, с. 193]. Однако возникновение сначала умеренных дефицитов в платежном балансе США (1950–1957), а затем и крупных дефицитов (1958–1967) привело к накоплению странами торговыми партнерами США значительных долларовых

резервов и росту спроса на золото. «Страх перед войной в Корее и ее влияние на образование запасов и цены на импортное сырье, дополнившее последствия девальваций обусловили тот факт, что дефицит официальных расчетов США в 1950 г. достиг 2,5 млрд дол., а их золотой запас сократился на 1,7 млрд дол. В 1950–1957 гг. дефицит официальных расчетов [статья в платежном балансе США. – перев.] составил 6,8 млрд дол., а сокращение золотого запаса – 1,7 млрд дол.» [4, с. 195].

Правительство США сохранило все ограничения на покупку частными лицами золота, что влияло на проведение политики жесткого регулирования внутреннего валютного рынка страны, а также международного долларового рынка. Например, значительный вывоз капитала из США в другие страны мира вынудил правительство США ввести в 1963 г. *ограниченное регулирование движения капитальных потоков (capital control)*. Были обложены налогом большая часть приобретаемых гражданами США иностранных облигаций, введены ограничения на размер выдаваемых банками США кредитов нерезидентам и корпорациям США для покупок активов за рубежом. Эти ограничения действовали до 1974 г., пережив крах золотовалютной системы в августе 1971 г., что вынудило американские банки перенести большую часть своих долларовых операций из США в другие финансовые центры мира, находящиеся вне США, например, в Лондон, в офшорные зоны, в страны Карибского бассейна. Ввиду того, что большая часть операций проводилась на рынках стран Европы, здесь возник евровалютный рынок, где доля евродолларового сегмента рынка росла, достигнув значительных размеров. Европейские банки приняли активное участие в торговле *долларовыми активами, или евродолларами (Eurodollars)*.

С июля 1965 г. президент Линдон Джонсон объявил об активном участии Вооруженных сил США в войне во Вьетнаме. Это привело к расширению эмиссионного финансирования Пентагона, что оказало влияние на вступление США в заключительный этап хронической нестабильности доллара (1968–1971). В 1968 г. состояние торгового баланса США вновь резко ухудшилось; ...в период 1958–1967 гг. совокупный дефицит официальных расчетов США превысил 20 млрд дол. Продолжавшееся из года в год сокращение золотого запаса в целом достигло почти 10 млрд дол.» [4, с. 197]. В экономике США со второй половины 60-х годов происходило постепенное накопление устойчивых дисбалансов во внешней торговле, что повлияло на формирование нестабильности спроса и предложения на международных рынках. Сложившиеся тенденции делали

невозможным поддержание официального фиксированного валютного курса доллара к золоту, который становился завышенным. Параллельно происходил рост спроса на золото.

До 1968 г. США и развитые страны проводили скоординированные интервенции на рынке золота в Лондоне с целью поддержания официальной цены золота – 35 дол. за тройскую унцию. Однако нарастание диспропорций вынудило США и западных партнеров отказаться от дорогостоящих рыночных операций по поддержке завышенной цены доллара. Правительство США стало на путь активного давления на своих западных партнеров, предложив ограничить их возможности по продаже накопленных ими долларовых активов на международных рынках. В итоге было заключено Вашингтонское соглашение между Центральными банками «золотого пула», в который вошли США, Великобритания, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария. Оно действовало с 17.03.1968 г. по 14.11.1973 г. К Вашингтонскому соглашению присоединилось большинство других капиталистических стран мира. Государственные органы валютного регулирования (институциональные держатели долларовых активов) получили право торговать золотом по официальной цене только для монетарных целей исключительно между собой. Институциональные держатели долларовых активов не имели права покупать и продавать золото на свободных рынках, на которых частные фирмы и граждане, а также Центральные банки некоторых стран, не подписавшие Вашингтонское соглашение, торговали по ценам, которые складывались в соответствии со спросом и предложением. Ограничения, введенные на межгосударственном рынке золота, привели к его локализации и обособлению от свободных частных рынков золота. Эти рынки оказались изолированными друг от друга. Между ними были административно перекрыты каналы движения золота, что привело к возникновению «двухъярусного рынка», где действовали два различных уровня цен на золото.

Тенденции в мировой экономике складывались все более неблагоприятно. Из года в год происходило накопление дисбалансов, которые стремились к критическому уровню. Негативные тенденции с начала 70-х гг. повлекли за собой неконтролируемый рост цен на золото и массовый сброс долларовых активов. «Политика, направленная на защиту доллара, привела к образованию беспрецедентного дефицита по резервным операциям за июль-август 1971 г. – свыше 11 млрд дол., а за время с января по август – более 22 млрд дол. К 15 августа сокращение золотого запаса составляло 865 млн дол., а переводы СДР, гаран-

тированные золотом, – 465 млн дол.» [4, с. 246]. Стремясь спасти быстротающие золотые резервы, правительство США 15.08.1971 г. было вынуждено в одностороннем порядке отказаться от обмена долларов на золото по официальной цене для иностранных Центральных банков. Официальный рынок золота перестал функционировать. Это положило конец эпохе золотого стандарта во всех его формах. Началась перманентная девальвация доллара и стали ломаться пропорции обмена национальных валют на международном рынке.

Окончательный крах системы золотовалютного стандарта в 1971 г. и создание системы фидуциарного стандарта. На Смитсоновской конференции (Smithsonian Conference), проведенной в Вашингтоне в декабре 1971 г., представители Центральных банков стран-членов группы десяти развитых стран договорились о восстановлении системы фиксированных валютных курсов на базе измененного соотношения между обмениваемыми валютами. Были введены новые валютные паритеты, однако доллар не мог конвертироваться в золото. Официальная цена золота была повышена с 35 до 38 долларов за 1 тройскую унцию, или на 8,57%. Вводился расширенный диапазон колебаний валютных курсов относительно их нового рыночного уровня (+/- 2,25%) вместо прежнего более узкого диапазона (+/- 1%). Однако спекулятивные атаки на новые валютные паритеты привели к тому, что Центральные банки стран десятки оказались не в состоянии поддерживать их. В феврале 1973 г. доллар был девальвирован еще на 10%. В марте 1973 г. Смитсоновское соглашение было демонтировано, так как субъекты валютного рынка потеряли доверие к способности ведущих стран мира координировать свои действия в целях восстановления устойчивых, но регулируемых валютных паритетов.

Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), а также Египет и Сирия установили в 20.11.1973 г. эмбарго на поставку нефти странам, поддерживавшим Израиль (США, Великобритания, Канада, Япония, Нидерланды) в четвертой арабско-израильской войне. Это вызвало в 1974 г. рост цен на нефть с 3 до 12 долларов за баррель, что нанесло сильный удар по международным валютным отношениям. После краха Смитсоновского соглашения обменные курсы большинства валют стали определяться рыночным спросом и предложением, на который Центральные банки могли оказывать воздействие посредством валютных интервенций. Начался спонтанный переход к системе гибких (плавающих) валютных курсов, которые государства стремились регулировать.

Изменения макроэкономических переменных (денежная масса, ВВП, товарные цены, про-

центные ставки, занятость, сальдо госбюджета, сальдо внешней торговли) воздействуют на уровень рыночных валютных курсов. Для того чтобы не накапливались устойчивые макроэкономические диспропорции, необходима их перманентная корректировка через динамичное изменение валютных курсов фидуциарных денег.

Пятая МВС была оформлена соглашением стран-членов МВФ в январе 1976 г. в столице Ямайки – городе Кингстоне (*Jamaica Agreement*). Здесь были сформулированы принципы фидуциарной МВС, а в апреле 1978 г. они были закреплены во второй поправке к статьям соглашения МВФ. Ямайкская система построена на следующих принципах: 1) отмена официальной цены на золото. Узаконена демонетизация золота. Золото стало резервным товарным активом, потеряв свойства денег; 2) золотовалютный (золотодевизный) стандарт был заменен стандартом SDR, который был объявлен основой валютных паритетов; 3) в марте 1973 г. произошел переход от системы фиксированных валютных курсов на режим плавающих валютных курсов. Каждая страна получила право выбора фиксированного или плавающего валютного курса; 4) МВФ был наделен полномочиями по жесткому надзору за реализацией принципов новой МВС.

США перешли на систему плавающего валютного курса. Большинство других стран предпочли поддерживать систему фиксированного валютного курса, привязав свои национальные валюты к доллару, фунту стерлингов, западногерманской марке, французскому франку, японской иене. Было создано альтернативное международное резервное средство – SDR (*Special Drawing Rights* – специальные права заимствования, СДР) как резервный актив МВФ, который страны-члены МВФ могли использовать для регулирования сальдо платежных балансов, пополнения официальных валютных резервов, расчетов с МВФ и проведения международных платежей. Страны участницы системы СДР согласились принимать СДР в обмен на свободно конвертируемую валюту. Однако намерения превратить СДР в полноценную международную валюту оказались не реализованными. СДР не стал международной резервной валютой, так как сфера его применения оказалась ограниченной операциями МВФ. Совет управляющих МВФ не обладает суверенной властью создавать деньги в форме СДР как законного и полноправного платежного средства, выполняющего функции международной резервной валюты. Центральные банки не желали увеличивать свои международные валютные резервы в СДР, аккумуляция которых позволяла бы формировать задолженность в СДР странам со слабыми валюта-

ми и дефицитом торгового баланса. СДР получил название «бумажного золота», не став платежным средством, равным доллару и монетарному золоту, как это было до 15.09.1971 г. Намерения с помощью СДР создать альтернативную доллару фидуциарную свободно конвертируемую валюту оказались всего лишь слабым идеалистическим желанием определенных групп интересов. На международных валютных рынках доминирует долларовый фидуциарный стандарт.

После введения странами Европейского союза евро (1,18 дол./евро 01.01.1999 г.) в обращение динамика его валютного курса к доллару была неустойчивой, о чем свидетельствуют значительные колебания в течение 20 лет. Если взять только две точки этого временного периода, то евро начал с 0,83 дол./евро (октябрь 2000 г.), сейчас он торгуется на отметке 1,13 дол./евро (март 2019 г.). Жизнеспособным оказался фидуциарный валютный стандарт, базирующийся на корзине международных резервных валют трех финансовых центров мира США, Европы и Японии (доллар, евро, иена).

Заключение. Опыт создания и функционирования СДР свидетельствует о его крайне ограниченной роли в системе международных кредитных и расчетных отношений. В этой связи хотелось бы отметить, что попытки создания неких коллективных валют, которые периодически возникают в сознании некоторых политиков, особенно после распада СССР, не имеют объективных оснований. Слишком разнонаправленными являются интересы стран, спаянных всего лишь неприязненным отношением к доллару США (Россия, Китай, Индия, страны Латинской Америки и т.д.), которые пытаются в основном вербально формулировать эту смутную идею в мировом медийном пространстве. Одной неприязни стран, ущемленных господством США, недостаточно для того, чтобы построить сложную конструкцию международной валютной системы, запустить ее в действие не на словах, а на деле, сделав жизнеспособной в долгосрочном периоде времени. Опыт доминирования международных резервных валют в мировой экономике во время становления и развития капитализма XVII–XXI вв. (голландский гульден, английский фунт стерлингов, доллар США) свидетельствует о том, что коллективных валют, которые бы эмитировали в обращение Центральные банки нескольких стран, никогда не было. Твердые международные резервные валюты создавали только жизнеспособные в политико-экономическом отношении национальные страны, обладавшие мощным геополитическим, экономическим, военным и культурным потенциалом, что создавало объективные условия для до-

минирования в мировой экономике и торговле. Уроки экономической истории следует изучать для того, чтобы, используя научные знания для адекватной интерпретации экономических явлений, ставить реалистичные цели и находить адекватные средства для их реализации. Это позволит жестко ограничить возможности построения беспочвенных абстрактных проектов, источником которых являются бесплодные иллюзии в сфере международных валютных отношений.

Литература

1. Валюты стран мира: справочник / редкол.: С.М. Борисов (гл. ред.), А.Г. Воронин, Г.П. Рыбалко. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 384 с.
2. Сакс, Джеффри Д. Макроэкономика. Глобальный подход / Джеффри Д. Сакс, Филиппе Б. Ларрен. – М.: Изд-во «Дело», 1996. – 848 с.
3. Макконнелл, Кэмпбелл Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. / Р. Макконнелл Кэмпбелл, Стэнли Л. Брю. – М.: Республика, 1992. – Т. 1. – 400 с.
4. Гилберт, М. В поисках единой валютной системы: пер. с англ. / М. Гилберт. – М.: Прогресс, 1984. – 350 с.

Поступила в редакцию 19.03.2019 г.

УДК 339.924:327(476+470+571)

Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия

Янчук В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются актуальные вопросы политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство. Выделяются основные этапы ее развития.

Цель работы – выяснение механизма торможения интеграции Беларуси и России в Союзное государство и обоснование рекомендаций по его преодолению.

Материал и методы. Материалом исследования является политико-экономическая, юридическая и социологическая литература, посвященная проблемам строительства Союзного государства Беларуси и России. Основные методы: системно-структурный подход, принцип единства социального, политического и экономического процессов в национальных моделях экономики, классификация национальных экономических систем по признаку социальной ориентации.

Результаты и их обсуждение. В процессе интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство выделяются этапы ускоренной реинтеграции, торможения и упускаемых возможностей. Для анализа социального контента белорусской и российской национальных экономических моделей используется матрица индикаторов социальной ориентации экономических систем.

Заключение. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что углубление политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство возможно при наличии двух основных условий: конвергенции национальных экономических систем и проведении на территории двух государств референдума по поводу принятия Конституции Союзного государства.

Ключевые слова: Союзное государство, социальная ориентация экономики, матрица социально-экономических индикаторов, либеральная капиталистическая модель, социализированная капиталистическая модель, социалистически ориентированная модель.

Reintegration of the Republic of Belarus and the Russian Federation in a Union State: the Stages and Contradictions of Political and Economic Cooperation

Yanchuk V.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with topical issues of political and economic integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State. The main stages of its development are highlighted.

The purpose of the article is to clarify the mechanism of inhibition of the integration of Belarus and Russia into the Union State and substantiation of the guide-lines to overcome it.

Material and methods. *The material of the research is political-economic, legal and sociological literature on the problems of building the Union State of Belarus and Russia.*

The main methods are the system and structural approach, the principle of unity of social, political and economic processes in national models of economy, classification of national economic systems on the basis of social orientation.

Findings and their discussion. *In the process of integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State, the stages of accelerated reintegration, inhibition and missed opportunities are singled out. The matrix of indicators of social orientation of economic systems is used to analyze the social content of the Belarusian and Russian national economic models.*

The results were discussed at international scientific conferences in the Republic of Belarus and at St. Petersburg Law Academy.

Conclusion. *Our study allows us to draw the main conclusion that the deepening of the political and economic integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State is possible under two main conditions: the convergence of the national economic systems and holding a referendum on the adoption of the Constitution of the Union State on the territory of the two countries.*

Key words: *Union State, social orientation of the economy, matrix of social and economic indicators, liberal capitalist model, socialized capitalist model, socialist oriented model.*

Актуальность исследования состоит в том, что на современном этапе развития мирового хозяйства неуклонно возрастает роль экономической, политической и социальной интеграции государств.

Цель статьи – выяснение этапов формирования Союзного государства Беларуси и России, системный анализ механизма торможения реинтеграции и обоснование рекомендаций по его преодолению.

Материал и методы. Материалом исследования является политико-экономическая, правоведческая и социологическая литература, посвященная проблемам строительства Союзного государства Беларуси и России. Основные методы исследования: системно-структурный подход, принцип единства социального, политического и экономического процессов в национальных моделях экономики, классификация национальных экономических систем по признаку социальной ориентации.

Результаты и их обсуждение. Необходимость всесторонней экономической, политической, социальной и духовной реинтеграции Республики Беларусь и Российской Федерации имеет исторические корни. Проявляется это

в том, что наши страны были глубоко кооперированы экономически и политически еще в СССР. С советских времен и по настоящее время, например, машиностроительный комплекс Беларуси интегрирован с аналогичным комплексом России на 85%, сельскохозяйственный – на 65, строительный – на 80. Или приведем другой пример: около 8 тыс. белорусских и российских предприятий, на которых занято около 6 млн человек, связаны между собой поставками продукции. Всего же в рамках Союзного государства работают более 20 тыс. предприятий в Беларуси и России. Так, один из крупнейших в Европе производителей большегрузных автомобилей, автопоездов и другой автомобильной техники Минский автомобильный завод (ОАО «МАЗ») около половины стоимости комплектующих получает из России. При этом более половины продукции этого предприятия главным образом реализуется в России, потребности же самой Беларуси составляют только 20%. Белорусский автомобильный завод (ОАО «БелАЗ»), который входит в число семиведущих мировых производителей карьерной техники, более 70% всей продукции отгружает в Российскую Федерацию для горнодобывающих предприятий. На белорусский тракторный завод поставля-

ют продукцию более 180 предприятий России. А он, в свою очередь, является поставщиком комплектующих для 120 российских производителей [1, с. 703–704].

Большие экономические перспективы имеет объединение обрабатывающих предприятий Беларуси с добывающими отраслями России. Можно выделить, как минимум, три направления, по которым наши страны могут осуществлять сотрудничество в сфере добычи, продажи и переработки сырьевых ресурсов:

- повышение величины добавленной стоимости сырьевых продуктов (прежде всего нефти) за счет перерабатывающих производственных мощностей Беларуси;

- проведение единой ценовой политики с целью увеличения конкурентоспособности определенных классов товаров (например, соли и калийных удобрений);

- рост загрузки производственных мощностей, которыми располагает Беларусь.

Беларусь и Россия являются монополистами на рынке производства калийных солей на Европейском континенте: два месторождения в России (в Пермской области) и одно в Беларуси. Поэтому координация ценовой политики может значительно улучшить промышленную структуру двух стран, сохранить традиционные экономические связи, особенно в машиностроении.

Этапы экономической и политической реинтеграции

Высшей формой интеграции двух стран является создание полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. В процессе формирования Союзного государства за прошедший период, на наш взгляд, можно выделить три этапа.

Первый этап – это этап ускоренной реинтеграции двух государств. При этом заметим, что наиболее активную роль в формировании Союзного государства играло и играет в настоящее время белорусское руководство в лице Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. По его инициативе 14 мая 1995 г. в Республике Беларусь состоялся референдум, на который, в частности, был вынесен следующий вопрос об интеграции нашего государства с Российской Федерацией: «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». В результате выяснилось, что 82,4% участвовавших в голосовании ответили на него «Да». Здесь стоит заметить, что в Российской Федерации подобный референдум не проводился.

Кроме того, на референдуме был также дан ответ на вопрос о придании русскому языку равного статуса с белорусским языком. По этому поводу по-

ложительно высказались 83,3% проголосовавших. Так, в Беларуси было положено начало процессу реинтеграции нашей страны с Россией. В соответствии с результатами белорусского референдума 2 апреля 1996 г. президентами России и Беларуси в г. Москве был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси. Его руководящими органами стали: Высший Совет, Парламентское собрание и Исполнительный комитет. С тех пор 2 апреля в Республике Беларусь отмечается как день единения народов Беларуси и России.

11 апреля 1996 г. было принято Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России «О равных правах граждан на получение образования». Была унифицирована программа общеобразовательной школы, взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений. Для абитуриентов из России и Беларуси обеспечиваются равные права при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения, обучение за счет средств государственного бюджета, выплата стипендий, предоставление жилья нуждающимся. Созданы и создаются совместные учебные заведения.

25 декабря 1998 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией был заключен Договор о равных правах граждан на важнейшие социальные услуги.

Следующий шаг по углублению интеграции был сделан 2 апреля 1997 г., когда президенты двух государств подписали Договор о Союзе Беларуси и России. И, наконец, 8 декабря 1999 г. Президент России Б.Н. Ельцин и Президент Беларуси А.Г. Лукашенко подписали такой исторический документ, как Договор о создании Союзного государства [2]. В январе 2000 года договор был ратифицирован парламентами двух государств и вступил в правовую силу. Заметим здесь, что Президент Республики Беларусь А. Лукашенко предлагал более радикальный вариант Договора о создании Союзного государства, который предусматривал введение поста единого президента и создание парламента на основе всеобщих выборов, формирование общего союзного правительства. Принятие этого предложения позволило бы сформировать полноценное государство с наднациональными органами государственного управления. Кроме того, такое государство должно было иметь единую валюту, бюджет, армию и другие атрибуты верховной власти. Однако российское руководство посчитало такое предложение слишком радикальным, и оно не было принято. Такое решение, как показало время, существенно затормозило процесс реинтеграции.

В соответствии с основными положениями Договора о создании Союзного государства была разработана и принята подробная и конкретная

Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства [3]. Главная задача Программы – определение содержания, этапов и сроков работы по передаче Союзному государству зафиксированных в Договоре предметов ведения, способов законодательного закрепления такой передачи, включая возможное внесение изменений в конституции двух государств, а также организационные рамки этой деятельности в Союзном государстве, создание необходимых союзных или координирующих органов.

Второй этап в развитии интеграции двух государств, на наш взгляд, охватывает период времени с 2002 по 2013 год. Для него характерно *искусственное торможение интеграции*. Проявилось это, в частности, в том, что до сих пор не в полной мере выполняются важнейшие положения Договора о создании Союзного государства и Программы действий по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Статья 60 Договора, например, говорит о том, что «законы и декреты предназначены для общего применения, являются обязательными во всех частях и после их официального опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника». Речь здесь идет о первенстве права Союзного государства в рамках его компетенции. Далее статья 62 Договора предусматривает:

«1. После вступления в силу настоящего Договора по предложению Высшего Государственного Совета Парламент Союзного государства рассмотрит проект Конституционного акта, определяющего на основе настоящего Договора государственное устройство Союзного государства и его правовую систему.

2. После одобрения Парламентом Союзного государства проект Конституционного Акта передается президентам государств-участников, а затем в соответствии с их законодательством выносятся на референдумы в государствах-участниках.

3. После одобрения Конституционного Акта на референдумах государств-участники вносят необходимые дополнения и изменения в свои конституции».

Чрезвычайно важным для хозяйствующих субъектов всех уровней является и положение статьи 8 о том, что «в Союзном государстве принимаются необходимые законодательные и иные меры по обеспечению равных прав, обязанностей и гарантий субъектам хозяйствования любых организационно-правовых форм, а также гражданам, обладающим статусом предпринимателя, в соответствии с законодательством государств-участников». С тех пор прошло почти 20 лет, а содержание процитированных статей Договора так и не приобрело материальную основу.

Третий этап начался с 2014 года, когда США и Европейский Союз (ЕС) ввели дискриминационные санкции против России, и продолжается по настоящее время. Это, на наш взгляд, этап *упускаемых возможностей*. В 2015 г., например, белорусско-российский товарооборот сократился почти на 40%. Такая негативная тенденция наблюдалась и в 2016 году. Создание единого рынка электроэнергии российским руководством отодвинуто до 2019 г., а рынок углеводородов, в котором в первую очередь заинтересована Беларусь, прогнозируется сформировать лишь в 2025 году. О наличии дискриминации в отношении Беларуси, например, по условиям приобретения энергоносителей со стороны российского руководства неоднократно говорил Президент А.Г. Лукашенко [4].

Достижения и противоречия реинтеграции

Успехи от постепенного объединения двух стран в Союзное государство представляются вполне очевидными. Рассмотрим их более подробно.

Торговля. В настоящее время Беларусь занимает первое место по объемам товарооборота России со странами СНГ. На российский рынок поставляется почти половина всей белорусской экспортной продукции. Оборот внешней торговли товарами Республики Беларусь с Россией, например, вырос с 5,5 млрд дол. в 1994 г. до 34,2 млрд дол. в 2008 г., т.е. более чем 6,2 раза. В 2009–2010 гг. был отмечен существенный спад, обусловленный главным образом мировым кризисом. Далее рекордными были 2011 г. (39,4 млрд дол.) и 2012 г. (36,5 млрд дол.). Неуклонное падение товарооборота наблюдалось в 2013–2016 гг. Затем наблюдался рост в 2017 году (30,2 млрд дол.).

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что динамика товарооборота между двумя странами была довольно неустойчивой. Однако дело не только в этом. За анализируемый период отрицательное для Беларуси сальдо торгового баланса возросло с 51 млн дол. в 1994 г. до 6,7 млрд дол. в 2017 г., то есть в 130 с лишним раз. Своего отрицательного максимума белорусское сальдо достигло в 2008 году (–13 млрд дол.) и в 2012 г. (–11,2 млрд дол.), когда руководство России способствовало повышению цен на нефть и газ для Беларуси, нарушая тем самым принцип равных условий для белорусских субъектов хозяйствования. Серьезной проблемой для Беларуси являются также расчеты с Россией за энергоносители в долларовом эквиваленте.

Союзный бюджет. С 1998 г. формируется общий бюджет Союзного государства. Тогда его расходная часть составляла 585 млн рос. руб., а в 2012 г. она достигла лишь немногим менее 5 млрд рос. руб. 16 марта 2018 г. Президент Республики Беларусь, Председатель Высшего Государственного Совета (ВГС) Союзного государства

А. Лукашенко подписал Декрет «О Бюджете Союзного государства на 2018 год». Доходная часть бюджета на 2018 год, в том числе и за счет неиспользованных остатков бюджетов за предыдущие годы, составляет 6,9 млрд рос. руб., расходная часть – 4,8 млрд и профицит – 2,05 млрд.

В бюджете за 2018 год впервые за всю историю Союзного государства появился проект Союзного государства – реконструкция Брестской крепости.

За счет средств бюджета предполагается профинансировать 12 научно-технических программ, том числе восемь переходных программ, три программы («Военная инфраструктура, «Комбикорм-СГ», «Граница»).

Специально выделим три следующие совместные программы:

- «Исследование и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства.

- Разработка нового поколения электронных компонентов для систем управления и безопасности автотранспортных средств специального и двойного назначения.

- Разработка критических стандартных технологий проектирования и изготовления изделий наноструктурной микро- и оптоэлектроники, приборов и систем на их основе и оборудования для их производства и испытаний».

На выполнение различных программ затрачивалось около 3,3 млрд рос. руб. (примерно 60% расходов), а остальное приходилось на мероприятия по обеспечению деятельности органов и организаций Союзного государства [5].

Вместе с тем в формировании и использовании бюджетных средств Союзного государства есть и существенные недостатки. Во-первых, бюджет Союзного государства на 2018 г. был утвержден только во второй половине марта того же года, что существенно снизило эффективность использования бюджетных средств, хотя было бы целесообразным его утверждение в ноябре предыдущего года. Во-вторых, долевые взносы двух государств в бюджет Союзного государства не изменились с 2009 г. и составляют в сумме немногим более 5 млрд рос. руб., что, с учетом более чем шестикратного падения курса рос. руб. к дол. по сравнению с 1996 г., составляет около 80 млн дол.

Кооперация и проблема транснационализации производства. Высокого уровня в современных условиях достигла кооперация промышленных предприятий двух стран. Так, например, около 60% белорусских крупных и средний промышленных предприятий осуществляют коопери-

рованное производство с промышленными предприятиями России. Выделим, в первую очередь, закупки материалов, комплектующих и полуфабрикатов в России (37,2%), осуществляют поставки по кооперации в Россию 26,7% организаций, переработкой российского давальческого сырья занято 10,5% организаций, создано совместное производство (2,2%). В большей мере кооперацией охвачены: машиностроение, производство резины и пластмасс, текстильные и швейные производства изделий из кожи и обуви [6, с. 135].

Большую роль в экономической реинтеграции играют регулярно проводимые форумы регионов Беларуси и России. В октябре 2018 года, например, уже прошел пятый такой форум – в белорусском г. Могилеве. На нем присутствовало около 4 тысяч представителей из 35 регионов России и всех областей Беларуси и г. Минска. Заслуживает внимания и тема пленарного заседания, на котором выступали руководители государств, – «Приоритетные направления развития регионального сотрудничества как ключевого фактора интеграции и союзного строительства». Региональный аспект интеграции особо выделил Президент Беларуси. Так, в настоящее время более 8 тыс. предприятий Беларуси и России, как об этом уже было сказано, связаны производственной кооперацией. Так, в настоящее время в Беларуси функционируют около 3 тысяч организаций с российским уставным капиталом, а в России зарегистрировано около 50 совместных сборочных производств, создано около 160 субъектов товаропроводящей сети с белорусским капиталом. В Могилеве были подписаны контракты почти на 500 млн дол., в т.ч. две трети – это инвестиционные товары: машины, станки, оборудование, электроника. К слову скажем, что на втором Форуме регионов в Сочи их было заключено на 230 млн руб.

Одним из ключевых направлений углубления экономической интеграции двух стран является формирование транснациональных корпораций. Это можно сделать, например, на основе объединения предприятий из машиностроительных комплексов и занимающихся добычей калийных удобрений. Второе направление углубления интеграции – создание совместных предприятий в химической промышленности. На это, в частности, указывает, М.В. Мясникович, Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [6, с. 137]. Кроме того, вряд ли целесообразно формирование параллельных производств. Так, например, в России создается аналог Могилевского автомобильного завода, хотя можно было бы привлечь средства российских инвесторов в совершенствование производства в Могилеве.

Социальная политика. Много сделано за годы интеграции двух государств в социальной сфере. Важнейшими достижениями Союзного государства стали равные возможности граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на:

- трудоустройство и оплату труда;
- свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства;
- предоставление медицинской помощи и социального обеспечения;
- получение образования (взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений);
- организацию санаторно-курортного лечения инвалидов и участников Великой Отечественной войны (ВОВ) и т.д.

Вместе с тем с 2002 г. и по сегодняшний день заметным является процесс торможения политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство. Поэтому совершенно прав Президент Беларуси, когда в интервью телеканалу «Россия 24» сказал о том, что санкции Запада дают нам «уникальный шанс» ускорить процесс объединения двух братских народов [7], создавать единое государство даже из двух республик. Понимают ли это руководители России? Сомнения в этом возникают тогда, когда Президент России Владимир Путин на заседании Высшего Евразийского экономического совета сравнивал цены за тысячу кубических метров газа для Беларуси (129 дол.) и для Германии (250 дол.) [8]. Такое сопоставление, на наш взгляд, является некорректным, так как Германия не входит в Союзное государство. Более того, его руководство – активный сторонник введения санкций против России. Не совсем так же понятно, почему формирование равных условий по приобретению газа, нефти и нефтепродуктов отодвинуто на 2025 год, хотя, при наличии желания и доброй воли, это можно было бы сделать в течение 2019 года.

Причины замедления процесса интеграции

Торможение интеграции двух государств, в первую очередь, объясняется существенными различиями в национальных экономических моделях двух стран. Какой был выбор у руководства двух стран в начале 90-х годов прошедшего столетия?

Социально-экономическая активность общества, прежде всего, определяется степенью социальной ориентации экономики. По этому признаку на современном этапе развития мирового сообщества, на наш взгляд, можно выделить три базовые модели национальной экономики: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую (социальное рыночное хозяйство) и социалистически ориентированную.

Системообразующими социальными индикаторами, составляющими социально-эконо-

мическую матрицу базовых национальных моделей, являются: господствующая собственность на основные ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; характер отношений между экономическими субъектами; социальная и экономическая роль государства.

Модель либеральной капиталистической экономики предполагает ориентацию государства, в первую очередь, на реализацию экономических интересов капиталистов-предпринимателей. Для них правительство создает условия наибольшего благоприятствования и предоставляет им максимально возможную экономическую свободу. В такой модели между экономическими субъектами господствуют и стимулируются отношения конкуренции, экономическая и социальная роль государства является минимальной, в производстве ВВП доминирует частнокапиталистический сектор экономики, невысока ставка подоходного налога. Распределение результатов производства осуществляется главным образом по капиталу и цене рабочей силы. В этой модели, хотя и допускается минимальная социальная защита населения, высока дифференциация населения по доходам и величине личного имущества. Лауреат Нобелевской премии американский экономист Джозеф Стиглиц, ссылаясь на исследование Оксфордского комитета помощи голодающим, соглашается с выводом о том, что «неравенство в обществе нарастает: всего 85 миллиардеров обладают теми же богатствами, что и половина всего населения планеты – около 3 миллиардов людей... Один процент владеет половиной всех богатств человечества и находится на пути к тому, чтобы заполучить всё, что есть у оставшихся 99 процентов вместе взятых...» [9, с. 12].

Страны с либеральной капиталистической экономикой периодически подвергаются экономическим кризисам, что подтверждает мировой кризис 2008–2009 гг. Главная причина кризисов в либеральной капиталистической экономике определена еще К. Марксом – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов.

Классический пример такой экономической системы – модель США. Основными ее признаками являются:

- всемерное поощрение предпринимательской активности с целью извлечения прибыли. В такой экономике предприниматели-капиталисты – образец для подражания, двигатель рыночной экономики, а остальные граждане – актеры заднего плана;

- безусловный приоритет частной капиталистической собственности на средства производства, природные, финансовые и информационные ресурсы;

- минимальное государственное регулирование (с законодательным ограничением возможностей государственного вмешательства);

- культивирование отношений конкуренции между различными экономическими агентами. Предполагается, что конкуренция – «живая вода» рыночной экономики. Государство ведет борьбу только с недобросовестной конкуренцией и ограничивает деятельность монополий;

- высокая степень социальной дифференциации. Проблема социальной справедливости не ставится вообще. В структуре госбюджета США затраты на оборону намного превышают социальные расходы. Однако, справедливости ради скажем, что бедным группам населения с помощью различных льгот и пособий обеспечивается минимальный уровень жизни.

Социализированная капиталистическая модель – промежуточная базовая модель. Она присуща, например, многим странам Западной Европы. Ее основу также составляют капиталистические отношения. Капитализм в ней, по мнению ее творцов, «был, есть и будет, но надо придать ему человеческое лицо», которого лишен либеральный капитализм. Поэтому государство должно стремиться ликвидировать такие социальные пороки капитализма, как огромное неравенство между людьми по размерам доходов и личного имущества, большую безработицу и т.д. Для достижения этой цели государство проводит политику социального регулирования, реализуя принципы социального партнерства и солидарности между предпринимателями и наемными работниками. Кроме того, считается, что только государственное регулирование экономики может противостоять негативным внешним эффектам рыночного процесса (фиаско рынка). Однако и такая модель, хотя и сглаживает язвы капитализма, не исключает жестокую конкуренцию, кризисы и огромное неравенство в распределении национального дохода и богатства.

Социалистически ориентированная модель предполагает нацеленность национальной экономики на повышение уровня и качества жизни трудящихся, благосостояния всего общества в целом. Главные ее признаки следующие: господство общественных форм собственности на основные ресурсы общества; доминирование отношений сотрудничества и кооперации между субъектами хозяйствования; государственное социально-экономическое управление на основе широкого применения программно-целевого метода планирования; проведение сильной социальной политики; создание мотивационных экономических стимулов для всех экономически активных граждан; эффективное участие государства в развитии таких отраслей духовного производства, как наука, культура, образование.

Таким образом, строительство Союзного государства предполагает выбор из трех альтернатив: либеральная капиталистическая экономика; социализированная капиталистическая экономика; социалистически ориентированная экономика. Эта точка зрения по поводу классификации национальных экономических систем по признаку социальной ориентации была уже представлена нами в печати и не встретила серьезных возражений [10].

В России политическое руководство выбрало и практически сформировало либеральную капиталистическую модель, где господствующим экономическим субъектом является крупный бизнес и его интересы главным образом и выражают Президент, Правительство и Государственная дума. Именно этим, в частности, можно объяснить возникающие время от времени запреты на перемещение на рынки России различной белорусской продовольственной и другой продукции (сахара, мясной и молочной продукции и т.д.). Это с одной стороны. А с другой – ограничиваются поставки углеводородного сырья на рынок Беларуси.

В Республике же Беларусь сформирована социалистически ориентированная экономика с элементами либеральной капиталистической. Отсюда проистекают и различия в экономической и социальной политике двух стран.

Во-первых, модели экономики двух стран различаются по роли государства в социально-экономическом развитии. В Беларуси впервые была восстановлена система государственного управления развитием национальной экономики, широко применяется программно-целевой метод. В настоящее время реализуется уже пятая программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. В России же государство занимается главным образом решением социальных проблем и ограниченным программированием некоторых экономических процессов. Допускается практически полная свобода экономического поведения для Центрального банка. В Беларуси же деятельность Национального банка вписывается в экономическую и социальную политику, проводимую Президентом и Правительством страны.

Во-вторых, в Беларуси доминирует государственный сектор экономики, а приватизация государственных предприятий не стала самоцелью, как это имело и имеет место в России. Более того, белорусское государство по отношению к ведущим предприятиям проводит политику экономического патернализма и позитивные результаты такой политики очевидны. На ОАО «Белорусский автомобильный завод» (БелАЗ), например, приходится около 30% мирового рынка карьерных самосвалов. Выделим также такое производственное объединение, как «Минский тракторный завод» (МТЗ), которое выпускает технику под

торговой маркой «Беларус» и входит в восьмерку крупнейших мировых производителей тракторов (8–10% мирового рынка).

В-третьих, в Беларуси предпринимается попытка сформировать современную смешанную экономику, в которой естественно бы сочетались рыночный и нерыночный сектора. В России же нерыночный сектор сводится к минимуму.

В настоящее время многие ученые пришли к выводу о том, что важнейшим условием повышения социально-экономической эффективности страны является духовно-нравственное воспитание специалистов. Так, например, известный американский профессор Линвуд Т. Гайгер, специалист в области макроэкономических исследований, в учебнике «Макроэкономическая теория и переходная экономика» в 15-ти главах из 17-ти анализирует нравственные проблемы экономической деятельности человека [11].

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. еще раз показал, что система капиталистической рыночной экономики, ориентированная на получение максимально возможной прибыли капиталистами, обладает целым рядом серьезных недостатков: она не ограничивает производство вредных для здоровья людей товаров, наносит большой ущерб окружающей среде, не способствует реализации основных прав человека (на медицинское обслуживание, образование, труд, досуг и т.д.). Американские экономисты Р. Хайлбронер и Л. Тароу по этому поводу пишут: «Она (рыночная система. – В.Я.) эффективна и динамична, но совершенно лишена моральных ценностей. Она не признает иных прав на получение товаров и услуг, кроме прав богатства и дохода. Те, кто обладают богатством и доходом, имеют право на получение товаров и услуг, производимых экономикой, те, кто не имеют дохода, не получают ничего... Если твердо придерживаться рыночной системы распределения, мы бы должны были преспокойно наблюдать, как вокруг нас люди мрут с голоду» [12, с. 175]. Немецкий исследователь, философ П. Козловски в работе «Принципы этической экономики» приходит к такому же выводу: «В условиях экономики переходного периода следует рассматривать этические условия экономического поведения, так как они не являются, как это зачастую утверждается, роскошью. Скорее они представляют условие эффективности и роста экономики» [13, с. 5]. Более того, этика, мораль, социальная психология, на наш взгляд, не просто влияют на экономику, сама экономика без них невозможна. Развитие экономики – не самоцель. Экономисты должны предлагать альтернативные варианты экономического развития, однако оптимальным должен быть такой вариант, при котором в среднесрочной и долгосрочной перспективе до-

стигается максимум социальной эффективности производства, существенно возрастает средняя продолжительность жизни населения.

В-четвертых, белорусская модель предполагает проведение сильной социальной политики. В Беларуси степень социальной ориентации экономики выше, нежели в России. По индексу человеческого развития (ИЧР), например, как было отмечено в докладе ООН в 2015 г., Беларусь среди 188 стран, как и Россия, заняла 50-е место, хотя ВВП на душу населения в России значительно больше. По этому поводу эксперты сделали вывод о том, что в России ВВП используется недостаточно справедливо.

Вместе с тем либерально-капиталистическими в России и в Беларуси считаются ставки подоходного налога размером в 13%. В развитых странах с социализированной капиталистической ориентацией экономики они являются прогрессивными. Пропорциональный подоходный налог не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. Этот налог также не выступает автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Социально справедливой была бы, к примеру, пятиступенчатая прогрессивная ставка подоходного налога: 0%, 10%, 15%, 20% и 30%. Ставка в 0% предназначена для тех лиц, доход которых не достигает даже прожиточного минимума, и им государство должно доплачивать, если оно, конечно, социалистически ориентированное.

Заслуживает пристального внимания и точка зрения Томаса Пикетти, автора бестселлера «Капитал в XXI веке»: «Правильное решение заключается во внедрении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства» [14, с. 586].

В наших странах также явно преувеличивается роль конкуренции, которая создает отрицательный эффект в отношениях между экономическими субъектами, порождает коммерческую тайну. Дело в том, что эти отношения могут и должны быть не только конкурентными, но и отношениями сотрудничества, кооперации и соревнования, в частности, в государственном секторе. Американский специалист по менеджменту и экономической психологии Эдвард де Боно глубоко анализирует отношения конкуренции и сотрудничества и приходит к выводу о том, что западная цивилизация одержима системой столкновений, противоборством. Более эффективными являются китайская и японская системы, предполагающие не столкновение, а согласие, сотрудничество, выработку удовлетворяющего все стороны решения [15, с. 129–131]. В СССР, к примеру, отношения конкуренции были сведены к минимуму, не было коммерческой тайны, абсолютно доминировали сотрудничество и соревнование.

В современных условиях также не просматриваются желание и воля российского руководства к формированию полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. Нередки случаи, когда нарушаются уже заключенные договоренности, затрагивающие коренные интересы двух стран. Так, например, несколько лет тому назад Россия вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО), не согласовав свою позицию с руководством Беларуси, хотя ранее предполагалось, что Россия, Беларусь и Казахстан будут вступать в ВТО в одно и то же время, синхронно.

Заключение. Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов и предложить соответствующие рекомендации.

Во-первых, в процессе политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство выделяются три этапа: ускоренной реинтеграции (1996–2001 годы), торможения (2002–2013 годы) и упускаемых возможностей (с 2014 года по настоящее время).

Во-вторых, главной причиной торможения интеграции, на наш взгляд, являются существенные различия в национальных моделях экономики. В России была сформирована национальная модель либерально-капиталистического типа, а в Беларуси – социалистически ориентированная модель с элементами либеральной капиталистической модели. Поэтому необходимым условием эффективной интеграции двух стран в Союзное государство выступает конвергенция моделей национальных экономик с усилением их социальной ориентации.

В-третьих, с целью углубления экономической интеграции двух стран, по нашему мнению, целесообразно формирование на основе белорусских и российских предприятий транснациональных корпораций (ТНК) и совместных предприятий.

В-четвертых, создание полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации предполагает проведение

референдума по принятию Конституции Союзного государства, формирование наднациональных органов управления.

Литература

1. Национальная экономика Беларуси: учебник / В.Н. Шимов [и др.]; под ред. В.Н. Шимова. – 2-е изд. – Минск: БГЭУ, 2006.
2. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. // К единому государству: о создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Бабурина. – М.: Радон-ПРЕСС, 2001. – 360 с.
3. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства // К единому государству: о создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Бабурина. – М.: Радон-ПРЕСС, 2001. – 360 с.
4. Лукашенко, А.Г. Диалог в масштабе. Пресс-конференция для журналистов российских региональных СМИ / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2016. – 18 нояб.
5. Декрет Высшего Государственного Совета от 16 марта 2018 г. № 2, г. Минск. О бюджете Союзного государства на 2018 год // Союз. Беларусь – Россия. – 2018. – 22 марта.
6. Мясникович, М.В. Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции / М.В. Мясникович. – Минск: Беларусь. наука, 2017. – 278 с.
7. Лукашенко, А.Г. Интервью Президента телеканалу «Россия» / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2018. – 5 дек.
8. Лукашенко, А.Г. Договоренности о равных условиях необходимо выполнять / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2018. – 7 дек.
9. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Дж. Стиглиц; [пер. с англ. Ф.А. Исрафилова]. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
10. Янчук, В.А. Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики / В.А. Янчук // Право. Экономика. Психология. – 2015. – № 1.
11. Гайгер, Линвуд Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика: пер. с англ. / Линвуд Т. Гайгер. – М.: ИНФРА-М, 1996.
12. Хайлбронер, Р. Экономика для всех / Р. Хайлбронер, Л. Тарроу. – Тверь: Фамилия, 1994.
13. Козловски, П. Принципы этической экономии: пер. с нем. / П. Козловски. – СПб., 1999.
14. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
15. Боно, Э. Нестандартное мышление: самоучитель: пер. с англ. / Э. Боно. – Минск: ООО «Попурри», 2006.

Поступила в редакцию 26.12.2018 г.

Жизненная удовлетворенность как индикатор уровня личностной адаптивности инвалидов по психическим заболеваниям в условиях психоневрологического интерната

Богомаз С.Л.¹, Забавская А.В.², Рудко Е.А.³

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²ГУСО «Глубокский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов»

³Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

В статье рассматривается проблема личностной адаптивности инвалидов по психическим заболеваниям в условиях психоневрологического интерната. Представляются результаты эмпирического исследования связи уровня жизненной удовлетворенности и личностной адаптивности респондентов.

Цель статьи – определение соотношения уровня жизненной удовлетворенности и личностной адаптивности испытуемых, а также выявление проблемных зон жизнедеятельности респондентов и положительных тенденций в целях совершенствования методов социально-психологического сопровождения и коррекционных мероприятий.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе государственного учреждения социального обслуживания «Глубокский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов». Выборка составила 40 человек (19 женщин, 21 мужчина). При этом были использованы психодиагностические методики: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» и тест «Индекс жизненной удовлетворенности» в адаптации Н.В. Паниной. Для количественно-качественной (статистической) обработки полученных данных применялись методы: критерий Колмогорова–Смирнова, критерий U-Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Также были использованы методы наблюдения, беседы и анализ документов.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования установлено, что личностная адаптивность и жизненная удовлетворенность респондентов значительно снижены. Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность и личностный адаптационный потенциал респондентов, тем выше уровень их жизненной удовлетворенности и общий фон настроения. Выявленная закономерность подтверждает необходимость существования и функционирования психоневрологических интернатов, в которых не только обеспечивается безопасность инвалидов по психическим заболеваниям, но и осуществляется их реабилитация.

Заключение. Несмотря на невысокую удовлетворенность жизнью и низкую личностную адаптивность, респонденты оптимистичны, демонстрируют установку на достижение поставленных целей и коммуникационное взаимодействие, что является обнадеживающими факторами успешности как организации, так и проведения психологической коррекционной работы.

Ключевые слова: психоневрологический интернат, инвалиды по психическим заболеваниям, жизненная удовлетворенность, личностная адаптивность, дезадаптация.

Life Satisfaction as an Indicator of the Level of Personal Adaptability of People with Mental Illness in a Psychoneurological Boarding Home for the Elderly and the Disabled

Bogomaz S.L.¹, Zabavskaya A.V.², Rudko E.A.³

¹Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

²Glubokoye Psychoneurological Boarding Home for the Elderly and the Disabled

³Educational Establishment “Vitebsk State Technological University”

The article deals with the problem of personal adaptability of persons with mental illness in a psychoneurological boarding home for the elderly and the disabled. The article presents the results of an empirical study of the relationship between the level of life satisfaction and personal adaptability of the respondents.

The purpose of the article is to determine the ratio of the level of life satisfaction and personal adaptability of the subjects as well as to identify the problem areas of life of the respondents and positive trends, in order to improve the methods of social and psychological support and corrective measures.

Material and methods. The study was conducted on the basis of the State Establishment of Social Aid "Glubokoye Psychoneurological Boarding Home for the Elderly and Disabled". The sample consisted of 45 people (19 women, 21 men). The study used psychodiagnostic techniques: a multi-level personality questionnaire "Adaptability" and the test "Life Satisfaction Index" in the adaptation of N.V. Panina. For quantitative and qualitative (statistical) processing of the data the following methods were used: Kolmogorov-Smirnov criterion, U-Mann-Whitney criterion, Spearman rank correlation coefficient. Methods of observation, conversation and analysis of documents were also used.

Findings and their discussion. The study found out that the personal adaptability and life satisfaction of the respondents are significantly low. The results show that the higher the neuro-mental stability, moral norms and personal adaptation potential of the respondents, the higher the level of their life satisfaction and general mood background. The established regularity confirms the need for the existence and functioning of psychoneurological boarding homes, which not only ensure the safety of people with mental illnesses, but also carry out their rehabilitation.

Conclusion. Despite the low life satisfaction and low personal adaptability, the respondents are optimistic, demonstrate a focus on achieving the goals and communication interaction, which are encouraging factors for the success of both the organization and the psychological correction work.

Key words: psychoneurological boarding home, people with mental disabilities, life satisfaction, personal adaptability, disadaptation.

Проблема реабилитации и повышения уровня личностной адаптивности инвалидов по психическим заболеваниям является в настоящее время особенно актуальной в связи с тем, что белорусское государство заинтересовано в их возвращении, если это представляется возможным, к относительно самостоятельной жизни в обществе.

Изучению проблем реабилитации и адаптации личности инвалидов по психическим заболеваниям в условиях психоневрологического интерната посвящены работы Н.Ф. Деметьевой, А.А. Модестова, В.В. Болтенко, М.А. Еремушкина, В.В. Завражнова, О.М. Зозули, М.М. Кабанова, Ю.Б. Ланда, Т.Л. Лещинской, Е.В. Морозовой, Н.П. Жигаревой, Е.Б. Поднебесной, Л.И. Старовойтовой, П.В. Сычева, И.В. Тимошенко, Н.Б. Шабалиной, Е.И. Холостовой и др.

Психологическая адаптация представляет собой процесс приближения внутреннего мира личности к требованиям среды, в результате чего происходит гармонизация внутренних и внешних условий жизнедеятельности личности [1, с. 150]. Внешняя составляющая отражает соответствие реального поведения личности установкам и требованиям социума. Внутренняя составляющая характеризуется личностной комфортностью, жизненной удовлетворенностью и, соответственно, психоэмоциональной стабильностью. При этом внутреннее содержание адаптационного процесса обусловлено когнитивными, эмоциональными и иными компонентами самой личности [2, с. 21]. По мере достижения вышеуказанного согласования повышается личностная адаптивность, результатом которой является ее социальное самочувствие. При несовпадении степени адаптированности по внешним и внутренним критериям можно говорить о дезадаптации личности и необходимости помощи со стороны профессионалов.

Если говорить об инвалидах по психическим заболеваниям, проживающих в психоневрологических интернатах, то у них наблюдаются

проблемы как по внешним, так и по внутренним критериям. Среди проживающих в психоневрологическом интернате есть как умственно сохранные индивиды с незначительными нарушениями (двигательными, речевыми, сенсорными), так и люди с тяжелыми отклонениями. Однако подавляющее большинство – это инвалиды, страдающие психическими заболеваниями различного генеза. Наиболее распространенными диагнозами являются шизофрения, умственная отсталость, эпилепсия. При всех перечисленных выше диагнозах характерны нарушения в эмоциональной, интеллектуальной и мотивационно-волевой сферах личности [3]. Соответственно, отклонения в различных сферах личности инвалида создают главную проблему для его адаптации к окружающей среде [4, с. 33–34].

При этом для обеспечения успешной социализации в интернате функционируют эффективные приемы воздействия на массовое сознание, как прогрессивные, каковыми являются воспитание, убеждение, психотерапия и психологическая коррекция, так и регрессивные, цель которых – манипулирование поведением больных. Последнее является необходимым условием успешного управления большим количеством людей в ограниченном пространстве при минимальных затратах ресурсов [5].

Психоневрологические интернаты входят в систему учреждений психиатрической помощи и одновременно являются учреждениями социальной защиты. Специфика этих учреждений заключается в том, что в отличие от специализированных психоневрологических отделений лечебных учреждений больные находятся в них практически всю жизнь [6, с. 11]. Подобные учреждения обладают некоторыми признаками «тотального института»: изолированность от внешнего мира; постоянное пребывание человека в публичном пространстве; четкая временная организация и др. В этом ключе следует отметить и некоторые особенности воздействия на личность: постоянная подконтрольность персоналу, ограничен-

ность в личных вещах, система «привилегий и наказаний». Таким образом, психоневрологический интернат берет на себя заботу о своих подопечных в обмен на соблюдение ими установленного порядка [5].

При этом психоневрологический интернат представляет собой и реабилитационное пространство, которое включает в зону своей ответственности медиков, психологов, специалистов по лечебной физкультуре, педагогов, социальных работников и др. и предполагает комплексность подхода. В силу того, что клиническое состояние больных отличается преобладанием дефицитарных симптомов и относительной стабилизацией, медикаментозная терапия носит подчиненный характер, а особая роль принадлежит реабилитации психосоциальной, для повышения эффективности которой и проводилось исследование.

Целью данной статьи является эмпирическое подтверждение зависимости жизненной удовлетворенности инвалидов по психическим заболеваниям, проживающих в условиях психоневрологического интерната, от их личностной адаптивности, а также выявление факторов, на которые можно было бы опираться при организации и проведении психологических коррекционных мероприятий, направленных на повышение уровня личностной адаптивности испытуемых.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе государственного учреждения социального обслуживания «Глубокский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов». Выборка составила 40 человек (19 женщин, 21 мужчина). В исследовании были использованы психодиагностические методики:

многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ), разработанный А.Г. Макаковым и С.В. Чермяниным, и тест «Индекс жизненной удовлетворенности» в адаптации Н.В. Паниной. Полученные данные предварительно проверялись на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова–Смирнова. Для сравнительного анализа был использован критерий U-Манна–Уитни, поскольку распределение отличалось от нормального. При проведении корреляционного анализа и интерпретации его результатов для оценки связи между анализируемыми показателями был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Также применялись методы наблюдения, беседы и анализ документов. При написании статьи использованы системный и комплексный подходы к изучаемой проблеме, а также описательно-аналитический метод, методы сравнения и конкретизации.

Результаты и их обсуждение. С целью изучения уровня жизненной удовлетворенности респондентов нами было проведено исследование с помощью теста «Индекс жизненной удовлетворенности» в адаптации Н.В. Паниной. Полученные в результате этого данные отражают общее психологическое состояние подопечных и степень их общего психологического комфорта. Данные по субшкалам позволяют сделать выводы об особенностях потребностей, мотивов, установок, ценностных ориентаций личности и определить, какие из них положительно влияют на общее психологическое состояние, а какие напротив – отрицательно. Предварительно данные проверялись на нормальность с помощью критерия Колмогорова–Смирнова.

Таблица 1 – Средние значения по общему показателю жизненной удовлетворенности и субшкалам

№ п/п	Субшкала	Средние значения	Стандартное отклонение
1.	Индекс жизненной удовлетворенности	21,76	5,564
2.	Интерес к жизни	4,47	1,575
3.	Последовательность в достижении целей	5,18	1,571
4.	Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	3,40	2,136
5.	Положительная оценка себя и собственных поступков	4,33	1,977
6.	Общий фон настроения	4,38	1,862

Таблица 2 – Средние значения по общему показателю личностной адаптивности и субшкалам

№ п/п	Субшкала	Средние значения	Стандартное отклонение
1.	Нервно-психическая устойчивость	36,33	16,993
2.	Коммуникативные способности	15,96	4,405
3.	Моральная нормативность	10,18	3,214
4.	Личностный адаптивный потенциал	63,24	22,074

Информация, полученная в результате исследования, представлена в таблице 1.

В ходе исследования установлено, что показатель жизненной удовлетворенности респондентов составляет 21,76 балла, что соответствует уровню «ниже среднего», т.е. в соответствии с их эмоциональной оценкой они не очень удовлетворены своей жизнью.

Если рассматривать отдельные компоненты жизненной удовлетворенности, то стоит отметить, что наиболее низкий показатель по субшкале «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» и составляет 3,4 балла. Данный результат является вполне логичным, т.к. большинство испытуемых предпочли бы проживать не в интернате, а в домашних условиях, что подтверждается результатами индивидуальных бесед. Кроме того, у подавляющего большинства испытуемых преобладает экстернальный локус контроля, т.е. причины своего нынешнего положения (проживание в интернате) они объясняют внешними обстоятельствами и довольно часто обвиняют в этом своих родственников.

Показатели респондентов по субшкалам «Положительная оценка себя и собственных поступков» и «Общий фон настроения» соотносятся со средним уровнем и составляют 4,33 и 4,38 балла соответственно. Из данных медицинского освидетельствования известно, что уровень критичности у подэкспертных значительно снижен и их достаточно высокая оценка себя не вполне соответствует действительности, а может являться одним из факторов сниженной личностной адаптивности.

Несмотря на невысокую удовлетворенность жизнью испытуемые проявляют оптимизм, о чем свидетельствует показатель по субшкале «Интерес к жизни» (4,47 балла), который соответствует среднему уровню. При этом у них достаточно выражена установка в достижении поставленных целей. Показатель по субшкале «Последовательность в достижении целей» составляет 5,18 балла, что соответствует уровню «выше среднего». Исходя из полученных результатов, можно предположить, что подэкспертные с энтузиазмом и увлеченностью готовы принимать участие в обычной жизни интерната, а также в различных коррекционных мероприятиях, что является весьма обнадеживающим фактором успешности, как организации, так и проведения психологической коррекционной работы.

Для изучения уровня личностной адаптивности респондентов был использован «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Данный тест позволяет достаточно быстро получить информацию об общем эмоциональном состоянии лич-

ности и о сферах ее жизнедеятельности, а при выявлении проблемных зон – предпринять меры для коррекции последних.

В ходе обработки информации было установлено, что ответы респондентов являются достаточно достоверными и подлежат интерпретации. Данные, полученные в результате исследования, представлены в таблице 2.

По итогам исследования было установлено, что личностный адаптационный потенциал испытуемых составляет 63,24 балла, что соответствует низкому уровню. Полученные данные подтверждают теоретические положения и эмпирические исследования психологической науки. Инвалиды по психическим заболеваниям относятся к наиболее дезадаптированным группам населения. У них заметно выражены нарушения в мотивационно-волевой и эмоциональных сферах, имеются нарушения в функционировании познавательных психических процессов и, соответственно, снижается возможность правильной оценки ситуации и моделирования адекватного поведения, что, в свою очередь, создает проблемы для их адаптации к окружающей среде [6].

Показатель по субшкале «Нервно-психическая устойчивость» лишь подтверждает низкую личностную адаптивность и составляет 36,33 балла, что соответствует низкому уровню. Данный показатель свидетельствует о том, что респонденты испытывают трудности при регуляции поведения, склонны к нервно-психическим срывам, демонстрируют отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности.

В то же время коммуникативные способности респондентов и их моральная нормативность соответствуют среднему уровню (15,96 и 10,18 балла соответственно). В индивидуальных беседах и методом наблюдения установлено, что у респондентов выражена установка на общение с окружающими. Проживающие в интернате явно испытывают дефицит общения и охотно вступают в контакт как с другими проживающими, так и с работниками интерната. Однако коммуникативное взаимодействие не всегда носит конструктивный характер, проявляется повышенная конфликтность, сопровождающаяся вспышками агрессии. При этом подавляющее большинство респондентов формально знает нормы и правила поведения в интернате. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что у подэкспертных преобладает регрессивная адаптация.

Регрессивную адаптацию еще называют конформной, т.е. основанной на формальном принятии личностью социальных норм и требований. Следствием длительной конформистской стратегии могут быть систематические ошибки

поведения, которые могут выражаться в нарушении норм и шаблонов поведения. Что, в свою очередь, может приводить к созданию новых проблемных ситуаций, для адаптации к которым у личности нет ни адаптивных способностей, ни готовых стереотипных механизмов действия [1, с. 153–154].

Сравнительный анализ жизненной удовлетворенности и личностной адаптивности у респондентов разного пола с использованием критерия Манна–Уитни не выявил значимых различий между мужчинами и женщинами.

С целью исследования взаимосвязи показателей жизненной удовлетворенности и личностной адаптивности респондентов проводился корреляционный анализ между проводимыми методиками. В результате анализа установлено, что индекс жизненной удовлетворенности значимо отрицательно коррелирует с нервно-психической устойчивостью ($p \leq 0,05$), моральной нормативностью ($p \leq 0,05$) и личностным адаптационным потенциалом ($p \leq 0,05$). При этом общий фон настроения достоверно отрицательно коррелирует с нервно-психической устойчивостью ($p \leq 0,01$), моральной нормативностью ($p \leq 0,01$) и личностным адаптационным потенциалом ($p \leq 0,01$). Напомним, что шкалы методики «МЛО “Адаптивность”» являются обратными, и высокие значения по ним свидетельствуют о низком уровне личностной адаптивности.

Заключение. Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о том, что степень жизненной удовлетворенности и настроение подопечных психоневрологического интерната тесно связаны с их личностной адаптивностью: если они могут адаптироваться к условиям, в которых живут, регулировать свое поведение в соответствии с существующими нормами и правилами, то их удовлетворенность жизнью существенно выше. Данный вывод позволяет говорить о необходимости существования и функционирования психоневрологических интернатов как наиболее эффективных институтов социализации, для психически больных людей.

Однако следует также учитывать, что в функционировании психоневрологических интернатов

есть некоторая специфика, которая в отдельных случаях может формировать эффект госпитализации и соответственно дезадаптивные формы социализации. Кроме того психические и соматоневрологические нарушения влияют на периодически меняющиеся психические состояния самих больных, в том числе и в связи с сезонными изменениями, что негативно влияет на их способность к ориентации в окружающей среде. Бесспорно, что столь сложный контингент требует не только медицинского и санитарно-гигиенического ухода, но и постоянного социально-психологического сопровождения [7].

Несмотря на невысокую удовлетворенность жизнью и низкую личностную адаптивность респонденты оптимистичны, демонстрируют установку на достижение поставленных целей и коммуникационное взаимодействие, что является обнадеживающими факторами успешности как организации, так и проведения психологической коррекционной работы в форме тренингов коммуникации, различных техник релаксации, арт-терапии и др.

Литература

1. Крысько, В.Г. Социальная психология: учебник для студентов высш. учеб. заведений / В.Г. Крысько. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – 448 с.
2. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 267 с.
3. Фролова, Ю.Г. Медицинская психология: учеб. пособие / Ю.Г. Фролова. – 2-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2011. – 383 с.
4. Дементьева, Н.Ф. Социальная работа в учреждениях социально-реабилитационного профиля и медико-социальной экспертизы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н.Ф. Дементьева, Л.И. Старовойтова. – М.: Изд. центр «Академия», 2010. – 272 с.
5. Клепикова, А. Взрослость инвалидов, проживающих в психоневрологическом интернате [Электронный ресурс] / А. Клепикова, И. Утехин. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/017online/klapikova_utekhin_links.pdf. – Дата доступа: 29.07.2018.
6. Жигарева, Н.П. Комплексная реабилитация инвалидов в учреждениях социальной защиты: учеб.-практ. пособие / Н.П. Жигарева. – М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2014. – 208 с.
7. Морозова, Е.В. Подходы к деятельности психолога в условиях психоневрологического интерната / Е.В. Морозова // Проблемы оказания психологической помощи в социальной сфере: тезисы конференции психологов сферы социальной защиты населения города Москвы; под общ. ред. О.В. Красновой. – М., 2010. – С. 63–64.

Поступила в редакцию 02.04.2019 г.

Психологические факторы стрессоустойчивости в раннем юношеском возрасте

Косареvская Т.Е.¹, Добрянская Л.Л.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²ГУО «Детская школа искусств № 3 г. Витебска “Маладик”»

Статья посвящена изучению психологических факторов стрессоустойчивости и особенностей учебного стресса в раннем юношеском возрасте. Стрессоустойчивость рассматривается как система личностных качеств, помогающих человеку переносить воздействие стрессоров, а также как реакция организма на сложные события. Это свойство личности подростка, которое позволяет сохранять высокую эффективность обучения и эмоциональный тонус в течение учебного времени.

Цель статьи – выявить и описать особенности эмоциональной сферы учащихся юношеского возраста, степень их стрессоустойчивости и применение копинг-стратегий для преодоления стресса.

Материал и методы. Для изучения стресса у старшеклассников и выявления взаимосвязи использования определенного типа копинг-стратегии с уровнем стрессоустойчивости применялись следующие методики: методика «Стресс-ФИЭ», методика изучения самооценки стрессоустойчивости личности Л.П. Пономаренко и Р.В. Белоусова, методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма. Исследование стрессоустойчивости проводилось на базе ГУО «Детская школа искусств № 3 г. Витебска “Маладик”» и ГУО «Гимназия № 8 г. Витебска» (45 респондентов).

Результаты и их обсуждение. Основными причинами стресса у учащихся являются большие учебные нагрузки, а также страх не оправдать ожидания учителей и родителей. Старшеклассники чаще используют относительно продуктивные копинг-стратегии: протест против ситуации, вызывающей стресс; сохранение самообладания; пассивную кооперацию; поиск сотрудничества с другими; отвлечение на другие дела. Учащиеся с низкой стрессоустойчивостью воспринимают ситуации как опасные, часто анализируют произошедшее, при возникновении трудных ситуаций изолируются.

Заключение. Рассмотрены подходы к изучению стресса у учащихся старших классов, выявлены копинг-стратегии, которые для преодоления стресса применяют школьники. Полученные данные использованы для разработки программы психолого-педагогического сопровождения учащихся в период подготовки к экзаменам или другим значимым событиям. Понимание личностных реакций на стресс позволило обеспечить организацию занятий для регуляции эмоциональной стабильности старшеклассников арт-методами с учетом индивидуальных особенностей и используемых копинг-стратегий.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, адаптация, копинг-стратегии, арт-методы.

Psychological Factors of Adolescent Stress Resistance

Kosarevskaya T.E.¹, Dobrianskaya L.L.²

¹Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

²State Educational Establishment “Maladik Children’s art School No3 of the City of Vitebsk”

The article deals with the analysis of psychological factors of stress resistance and features of academic stress in early adolescence. Stress resistance is considered as a system of personality traits which help a person to survive stress as well as the organism reaction to hardships. This is a teenage personality quality which helps to preserve high efficiency of teaching as well as emotional balance in class.

The purpose of the article is to find out and describe features of adolescent students’ emotional sphere, the degree of their stress resistance as well as using coping strategies to prevent stress.

Material and methods. To study senior schoolchildren’s stress and to find out the interconnection of the application of a certain kind of coping strategy with the level of stress resistance the following methods were used: “Stress-FIE” method, the method of studying the personality stress resistance self-evaluation by L.P. Ponomarenko and R.V. Belousov, E. Heim’s individual coping strategy identification method. Stress resistance was studied at SEE “Maladik Children’s Art School No3 of the City of Vitebsk” and SEE “Gymnasium No 8 of the City of Vitebsk” (45 respondents).

Findings and their discussion. The main causes of schoolchildren’s stress are big academic loads as well as fear not to correspond to the teachers’ and parents’ expectations. Senior schoolchildren more often use relatively productive coping strategies: protest against the situation, which causes stress;

preserving self-confidence; passive cooperation; search for cooperation with others; diverting to other things. Schoolchildren with low stress resistance perceive situations as dangerous, they often analyze the occurrence and isolate themselves in hard situations.

Conclusion. Approaches to studying adolescent stress resistance are analyzed; coping strategies to overcome stress are identified. The obtained data are used to develop a program for psychological and pedagogical support for schoolchildren during exam reading and other significant events. Understanding personality reactions to stress has made it possible to set up classes to regulate senior schoolchildren's emotional stability by art methods considering individual features and applied coping strategies.

Key words: stress, stress resistance, adaptation, coping strategies, art methods.

Проблема стресса и формирование стрессоустойчивости у школьников старших классов приобретает в наше время актуальность на фоне увеличения школьной нагрузки, в связи с информационной перегруженностью и напряженным ритмом жизни. Подобная ситуация прослеживается во многих возрастных периодах, но для старшеклассников она является наиболее острой. Связано это, в первую очередь, с подготовкой и сдачей выпускных экзаменов, а также дальнейшим самоопределением в жизни. Все возрастные изменения старшеклассников происходят на фоне сильных эмоциональных переживаний. Среди типичных для этого возраста эмоций существенное место занимают тревога и страх, оказывающие влияние на учебную деятельность и психологический настрой в целом. Любая деятельность, в том числе учебная, протекает более эффективно при условии, если личность имеет мотивы преодолевать трудности, активно двигаться вперед.

Стресс начинает лучше осознаваться в старшем школьном возрасте, что связано с идентификацией личности в пубертатном периоде. Конфликты в семье и усложненная адаптация в социуме могут привести к формированию стресса у старшеклассников. Вызвать стресс могут воздействия различного рода: психотравмы, конфликты и насилие в семье, тяжелая болезнь, смерть близких и другие психологические раздражители. При длительном воздействии стресса на организм старшеклассника происходит истощение резервов организма, что обычно приводит к хроническим заболеваниям. Зная природу стресса, необходимо применять эти знания для оценки состояния школьников, что поможет снизить влияние стресса на организм в важный период развития и функциональных изменений органов и систем. Понимая причины стресса, который испытывают учащиеся старших классов, можно целенаправленно влиять на уменьшение его воздействия путем формирования у них стрессоустойчивости.

Стресс (от англ. stress – напряжение) – состояние психоэмоционального напряжения, возникающее у человека вследствие воздействия негативных факторов внешней среды. Понятие

стресса было введено психофизиологом Г. Селье в работе «Стресс без дистресса». Он определяет стресс как реакцию напряжения, появляющуюся в чрезвычайных обстоятельствах и призванную мобилизовать защитные силы организма [1].

Стрессоустойчивость – это свойство личности старшеклассника, которое помогает справляться с трудностями в деятельности, сохраняя при этом достаточно высокую эффективность обучения и необходимый эмоциональный тонус в течение учебного процесса. Стрессоустойчивость не является постоянным свойством человека, ей присуща ситуативная изменчивость. Пластичность характеристики определяется субъективной когнитивно-эмоциональной оценкой ситуации и ресурсами человека. Стрессоустойчивость формируется в процессе преодоления каких-либо напряженных моментов в игровой, учебной, трудовой, деятельности. Это свойство невозможно приобрести без преодоления трудностей. Поэтому излишне оберегать ребенка от всевозможных трудностей значит не давать ему самостоятельно приобретать опыт, без которого у него в дальнейшем может возникнуть ряд проблем. Необходимо с раннего детства давать ребенку право выбора и возможность самостоятельных действий. Только так можно научиться саморегуляции и повысить стрессоустойчивость.

Для изучения влияния личностных составляющих стрессоустойчивости учащихся старших классов можно выделить несколько стилей реагирования. В общем виде эти стили разделяют на: защитные (человек использует защитные психологические механизмы) и конструктивные (личность развивает активность, направленную на решение проблемы) [2; 3].

В ряде исследований обе формы поведения называются coping («справляться» с чем-либо), но в более поздних работах встречается использование термина только относительно конструктивных форм поведения [4]. Копинг является динамическим параметром, применяемым индивидуумом сознательно и целенаправленно.

Т.С. Тихомирова предлагает рассматривать взаимодействие различных личностных факторов на развитие стрессоустойчивости учащихся, опираясь на следующие сферы [2, с. 27]:

Мотивационная сфера. В обучении при стрессовых ситуациях для школьников характерно стремление к успеху, которое порождает стресс. Если же ученик обладает внутренней мотивацией (удовлетворением от проделанной работы и результатов), его стрессоустойчивость повышается. Поэтому учебная деятельность в этот период должна побуждаться познавательными мотивами: получение новых знаний, самообразование, умение самостоятельно добывать знания.

Эмоциональная сфера. Она связана с физиологическим развитием старшеклассника, где преобладают процессы возбуждения над торможением, что вызывает повышенную эмоциональность и чувствительность. Возникновение тревожности может блокировать успешность учебной деятельности, стать причиной неуспеваемости.

Волевая сфера. Ее развитие тесно связано с половым созреванием. Здесь также процессы возбуждения преобладают над торможением. Наличие важной жизненной цели связано с ее эмоциональной значимостью. Но при этом учащимся сложно составлять реальные планы ее реализации, что негативно сказывается на их учебной деятельности.

Коммуникативная сфера. Общение со сверстниками становится главным в этот период. Самооценка опирается на мнение сверстников. И для стрессоустойчивости в этом возрасте становится важно положительное восприятие взаимоотношений с окружающими.

Прогнозирование потенциально стрессовых ситуаций для школьника необходимо для оптимальной организации учебного процесса. Нужно выявлять учащихся, склонных к существенному нарушению функционального состояния во время экзаменов, и проводить с ними профилактическую работу. Знание различных видов психологических защит, используемых школьниками в напряженных ситуациях, позволит дифференцированно осуществлять адресную психологическую помощь. Развитие стрессоустойчивости личности как результата осознанной саморегуляции улучшит процессы адаптации к различным ситуациям жизни и деятельности.

Цель статьи – выявить и описать особенности эмоциональной сферы учащихся юношеского возраста, степень их стрессоустойчивости и применение копинг-стратегий для преодоления стресса.

Материал и методы. Для изучения стресса у старшеклассников и выявления взаимосвязи использования определенного типа копинг-стратегии с уровнем стрессоустойчивости применялись следующие методики: методика «Стресс-ФИЭ», методика изучения самооценки стрессоустой-

чивости личности Л.П. Пономаренко и Р.В. Белосухова, методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма [4].

Исследование стрессоустойчивости проводилось на базе ГУО «Детская школа искусств № 3 г. Витебска «Маладик»» и ГУО «Гимназия № 8 г. Витебска». Общее количество респондентов составило 45 человек: 24 мальчика и 21 девочка.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе изучались основные причины учебного стресса по методике «Стресс-ФИЭ» (Е.С. Иванова). Методика «Стресс-ФИЭ» относится к группе самооценочно-симптоматических. Для ее разработки были отобраны 35 симптомов стресса, проявляющихся на физиологическом, эмоциональном и информационном уровнях. В ходе тестирования было выявлено, что 17 учащихся (37,8%) испытывают низкий уровень стресса, у 24 (53,3%) отмечается средний уровень стресса и лишь 4 (8,9%) подвержены высокому уровню стресса.

Нужно отметить, что реакция на стресс у мальчиков и девочек различается. У мальчиков отсутствовал высокий уровень стресса. Средний уровень отметили 11 человек (45,8%), низкий уровень – 13 (54,2%). Уровень стресса у девочек варьируется: высокий уровень показали 5 человек (24%), средний – 11 (52%), низкий – 5 (24%). Эти данные позволяют говорить о том, что мальчики и девочки подвержены стрессу, но виды реагирования на него различаются. При 100% эмоциональной реакции на стресс и у мальчиков, и у девочек 52,3% девочек и только 20,8% мальчиков отмечают физиологические реакции (плохой сон, проблемы с желудочно-кишечным трактом, низкую работоспособность и быструю утомляемость). Эмоциональные реакции на стресс также отличаются. Девочки указывают на излишне серьезное отношение к учебе, волнения по поводу внешнего вида, возникновение сильного напряжения и потерю уверенности при решении трудных заданий или в непредвиденных ситуациях. Мальчики в эмоциональных субшкалах отмечают нервозность при попытках кого-то учить их, что и как делать. Также стрессовыми для них являются ожидание в очередях, потеря уверенности.

Уровень стрессоустойчивости определялся нами с помощью методики «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности». В исследовании установлено, что высокий уровень стрессоустойчивости имеют лишь 17,7% учащихся, средний – 60,0% и низкий – более 24,4%.

Благодаря вышеупомянутым методикам можно определить взаимосвязь уровней стресса и стрессоустойчивости и их особенности у мальчиков и девочек соответственно. Это хорошо отображает рисунок 1.

Таблица 1 – Уровни стрессоустойчивости у старшекласников

Уровни стрессоустойчивости	Мальчики (% от кол-ва мальчиков)	Девочки (% от кол-ва девочек)
Высокий	16,6	19,0
Средний	50,0	71,5
Низкий	33,4	9,5

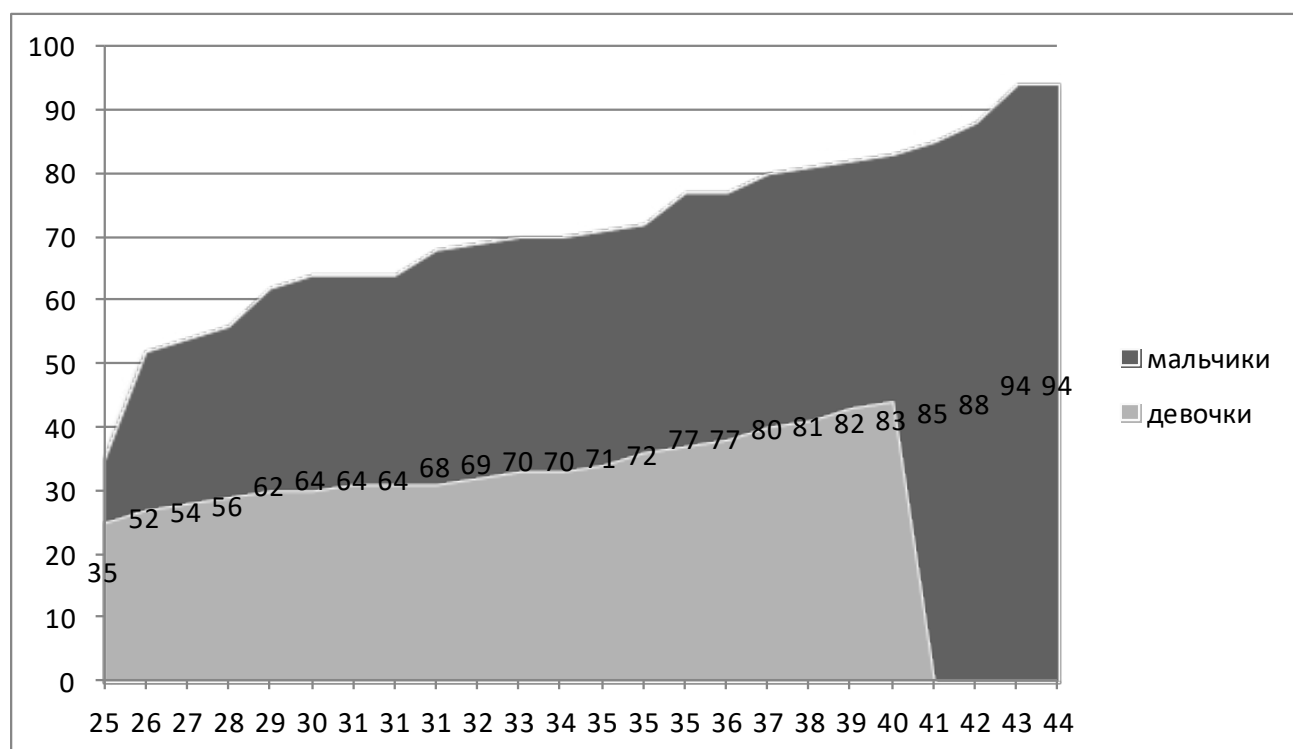

Рисунок 1 – Взаимосвязь уровня стресса и стрессоустойчивости

Таблица 2 – Взаимосвязь использования копинг-стратегий и уровня стрессоустойчивости

Респонденты Уровни стрессоустойчивости		Количество респондентов, использующих разные копинг-стратегии (в %)								
		когнитивные			эмоциональные			поведенческие		
		П	Н	О	П	Н	О	П	Н	О
Высокий	м	11,0	4,4	35,5	22,2	13,0	8,8	13,0	8,8	22,2
	д	–	–	4,4	4,4	–	–	–	–	6,6
Средний	м	6,6	–	17,7	13	8,8	4,4	8,8	–	17,7
	д	–	4,4	6,6	–	8,8	6,6	2,2	–	8,8
Низкий	м	2,2	–	–	–	–	–	–	–	–
	д	–	–	6,6	4,4	4,4	–	4,4	6,6	–

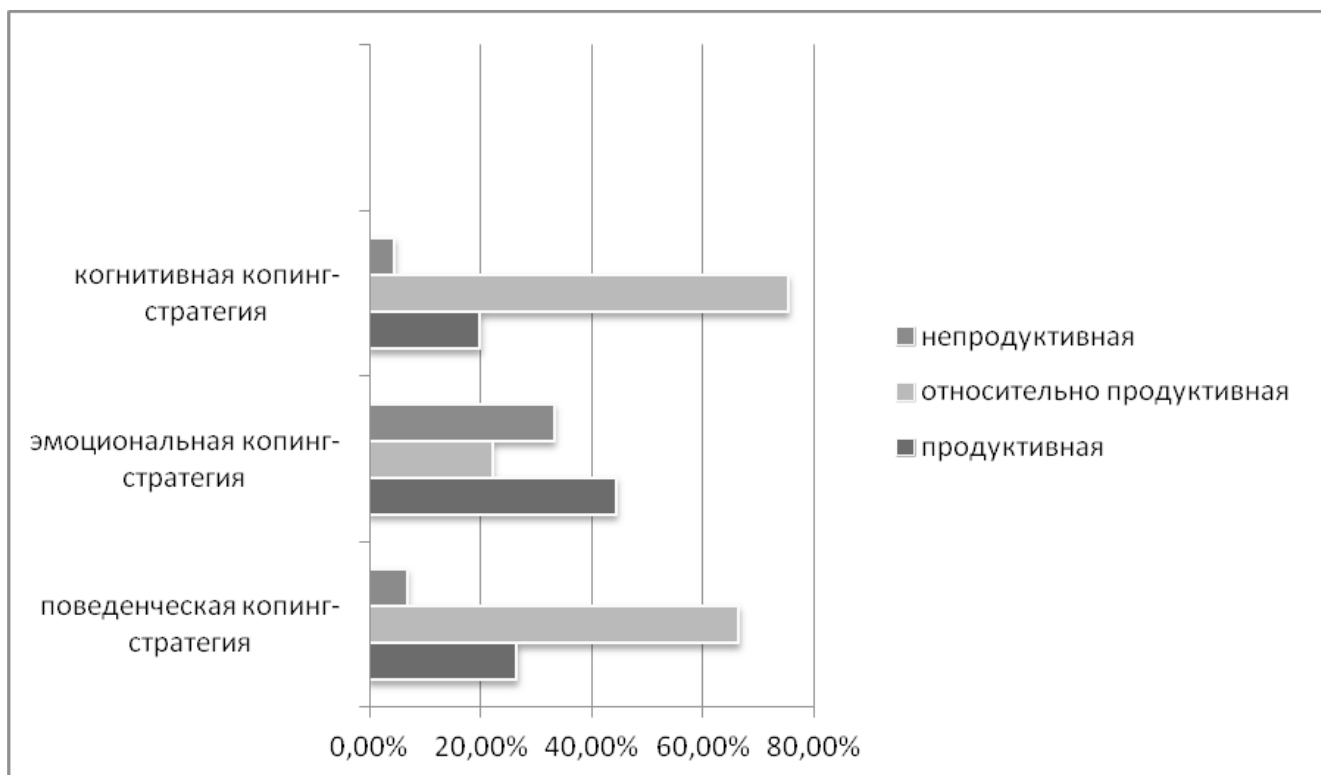

Рисунок 2 – Копинг-стратегии, используемые старшеклассниками при стрессе

Уровень стрессоустойчивости у мальчиков выше, чем у девочек. Причем у мальчиков уровень стресса не поднимается выше среднего. В группе девочек 5 человек испытывают высокий уровень стресса.

Использование методики определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма позволило выявить индивидуальный стиль совладания со стрессом у старшеклассников. Стратегии совладания со стрессом могут быть: п – продуктивными, о – относительно продуктивными и н – непродуктивными. Чаще всего учащиеся используют относительно продуктивные способы борьбы со стрессом.

О выборе копинг-стратегий и их влиянии на уровень стрессоустойчивости можно судить по данным в таблице 2.

В результате сравнительного анализа были определены типичные стратегии борьбы со стрессом, которыми пользуются учащиеся (рисунок 2).

Данные, представленные на рисунке 2, свидетельствуют о том, что большинство учащихся старших классов для борьбы со стрессом более продуктивно применяет эмоциональные копинг-стратегии. Наиболее продуктивно учащиеся пользуются эмоциональными и поведенческими копинг-стратегиями (44,5% и 33,0% респондентов соответственно), когнитивные стратегии продуктивно реализует лишь 21,5% школьников.

Учащиеся с высоким уровнем стрессоустойчивости чаще прибегают к эмоциональным копинг-стратегиям. Продуктивно их при-

меняют 10 опрошенных (22,2%). Это выражается в сохранении оптимизма в трудных ситуациях. Непродуктивно – 15 человек (33,3%), они проявляют агрессию или, наоборот, подавляют эмоции. Относительно продуктивно этими стратегиями пользуются 10 человек (22,2%). Протестуя против ситуации или применяя способ пассивной кооперации, они доверяют другим людям, которые готовы им помочь в преодолении трудностей.

Учащиеся со средним уровнем стрессоустойчивости чаще пользуются такой поведенческой стратегией, как компенсация. Это проявляется в отвлечении внимания на другие виды активности и расслаблении любым доступным способом (вкусной едой, принятием успокоительных средств), или в поиске тех, кто может дать совет. Более продуктивно действуют те, кто для преодоления трудностей прибегает к сотрудничеству со значимыми людьми.

При низком уровне стрессоустойчивости учащиеся используют поведенческие стратегии. 12 человек (26,6%) обращаются к сотрудничеству с другими людьми для преодоления трудностей. Кроме того, они могут изолироваться, стараются остаться наедине с собой. Такие проявления стресса характерны для мальчиков. Некоторые девочки – 2 (4,4%) – предпочитают не думать о проблеме, не сосредотачиваться на неприятностях. Также они используют альтруистическое поведение – помощь людям, чтобы в заботах о них забыть о своих горестях.

Когнитивные копинг-стратегии продуктивно реализуют 9 учащихся (20%). Они анализируют проблемную ситуацию, стараются понять и объяснить, что же случилось. При относительно продуктивной копинг-стратегии учащиеся пытаются подтвердить собственную ценность: «Сейчас я не могу справиться с трудностями, но со временем смогу справиться и с более сложными» или убеждают себя: «Это несущественные трудности, в основном все хорошо». Непродуктивно используют стратегию 4 (9,9%) респондента, они испытывают растерянность или смиряются с ситуацией.

Из вышесказанного можно сделать вывод о существовании связи между уровнем стресса и стрессоустойчивостью. Следует учитывать индивидуальные реакции учащихся на учебу и состояние в стрессовых ситуациях. Стрессоустойчивость необходимо рассматривать через успешное или неуспешное применение учащимися старших классов копинг-стратегий.

Для эффективного формирования стрессоустойчивости нами была разработана программа «Формирование стрессоустойчивости у учащихся старших классов». Она используется для развития мотивационных, эмоционально-волевых, коммуникативных и рефлексивных компонентов стрессоустойчивости. Проводимые тренинги с элементами игры, с применением арт-методов, беседы с учащимися и родителями позволяют старшеклассникам развить способности понимать свое эмоциональное состояние, уметь его выражать, учат самопомощи при остром стрессе и преодолению страхов. Важность таких психокоррекционных занятий заключается в том, что они помогают снизить напряжение, связанное с потребностями и внутренней позицией школьника. Порождая бурные эмоциональные реакции, эти возрастные гипертрофированные потребности и мотивы препятствуют формированию продуктивных навыков общения, деятельности. Акцентируя внимание на развитии у подростков навыков поведения в стрессовых ситуациях деятельности и общения, мы помогаем им выбрать более продуктивные для себя формы поведения.

Заключение. Старший школьный возраст – один из критических периодов развития подрост-

ков, где они сталкиваются с трудностями эмоционального плана. Старшеклассники подвергаются большим нагрузкам в школе, не всегда имеют теплую эмоциональную поддержку дома, ощущают информационный стресс. Постоянный дискомфорт, испытываемый в этом возрасте, эмоциональная неустойчивость только прибавляют проблем, приводят к нервным срывам и стрессам.

Исследование стресса в старшем школьном возрасте позволяет выявить роль стрессоустойчивости и выработки успешных копингов в адаптации. Полученная по итогам диагностики информация является важным фактором для осознания действий учащихся в стрессовых ситуациях и выработки ими эффективных стратегий по совладанию со стрессом. Анализ результатов показал, что старшеклассники реагируют на стрессовые ситуации очень эмоционально. И значит, нужно помогать им найти те стратегии, в которых влияние личностных составляющих на стрессоустойчивость окажется наиболее плодотворным.

Для глубокого анализа психотравмирующей ситуации старшеклассникам не хватает знаний и жизненного опыта, что мешает адекватно реагировать на стресс. Нужно развивать интерес у учащихся к таким занятиям, которые позволят получить навыки, необходимые для совладания с внешними негативными факторами, помогут сформировать адекватную самооценку и улучшить эмоциональное состояние. Следует поддерживать использование копинг-стратегий, способствующих повышению стрессоустойчивости, и формировать другие приемы психологической саморегуляции.

Литература

1. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979. – 154 с.
2. Тихомирова, Т.С. Как помочь школьнику преодолеть стресс: пособие для родителей, учителей, воспитателей и всех, кто хочет сохранить здоровье школьников / Т.С. Тихомирова. – М.: СИП РИА, 2003. – 40 с.
3. Тихомирова, Т.С. Формирование стрессоустойчивости подростков: метод. пособие / Т.С. Тихомирова. – М.: СИП РИА, 2003. – 88 с.
4. Церковский, А.Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А.Л. Церковский // Вестн. ВГМУ. – 2011. – № 1. – С. 6–17.

Поступила в редакцию 26.02.2019 г.

Влияние эмоциональной эффективности в общении на выбор помощи при разрешении конфликта в юношеском возрасте

Молчанова Н.В.

Смоленский областной институт повышения образования (ГАУ ДПО СОИРО)

Эмоциональное реагирование в непосредственном общении способствует как организации психических процессов, так и возникновению различных стратегий поведения человека. Степень эмоционального напряжения, которое возникает в конфликтных и конфронтационных ситуациях, влияет также на потенциальную возможность воспользоваться помощью со стороны других людей.

Цель статьи – выявить влияние эмоциональной эффективности в общении на выбор помощи при разрешении конфликта в юношеском возрасте.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе Смоленского гуманитарного университета. Выборка составила 53 студента в возрасте от 17 до 20 лет, прослушавших дисциплинарные курсы по психологии общения и психологии конфликта. При этом были использованы две группы методов: 1) эмпирические: контент-анализ конфликтных ситуаций; опрос с использованием методики «Тип ориентации на социальную поддержку» (Social Support Behaviors Survey, Form R-3) и методика В.В. Бойко «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении»; 2) описательной статистики и математической статистики – метод В. Кохрана.

Результаты и их обсуждение. Эмпирически выявлено, что большинство опрошенных испытывает проблемы с влиянием эмоций на их общение с людьми. Доказано, что при самом высоком уровне эмоциональных помех в общении молодой человек склонен обращать внимание, прежде всего, на действенную поддержку со стороны в решении своего конфликта. Тогда как при других уровнях эмоциональной эффективности в общении такая тенденция не подтвердилась – выбор помощи со стороны других людей в равной степени был связан как с эмоциональной поддержкой, интеллектуальной подсказкой, так и действенной помощью.

Заключение. Эмпирическое исследование показало, что в юношеском возрасте неблагополучие в эмоциональной сфере может быть причиной разной направленности выбора помощи со стороны при разрешении межличностного конфликта. В контексте коррекционно-развивающих программ анализ своего окружения, сложившихся обстоятельств и адекватный выбор помощи в значимых для молодого человека ситуациях позволят ему быть более адаптивным в своем поведении.

Ключевые слова: межличностный конфликт, эмоции, общение, помощь.

Influence of Emotional Efficiency in Communication on the Choice of Assistance in Adolescent Conflict Resolution

Molchanova N.V.

Smolensk Regional Institute of Education Upgrading

Emotional response in direct communication contributes to the organization of mental processes, and the emergence of various strategies of human behavior. The degree of emotional tension that arises in conflict and confrontational situations also affects the potential opportunity to receive help.

The purpose is to identify the impact of emotional efficiency in communication on the choice of assistance in adolescent conflict resolution.

Material and methods. The study was conducted at Smolensk Humanitarian University. The sample consisted of 54 students aged 17 to 20, who took disciplinary courses in psychology of communication and psychology of conflict. Two groups of methods were used: 1) empirical method: content analysis of conflict situations; survey using the methodology Social Support Behaviors Survey, Form R-3 and methods by V.V. Boyko "Diagnosis of emotional barriers in interpersonal communication"; 2) methods of descriptive statistics and mathematical statistics – V. Kokhran method.

Findings and their discussion. It was empirically revealed that most young people have problems with the influence of emotions on their communication with others. It is proved that at the highest level of emotional interference in communication young people tend to pay attention primarily to the effective support from aside in solving their conflict. While at other levels of emotional effectiveness in communication this trend was not confirmed – the choice of assistance from other people was equally associated with emotional support, intellectual prompting, and effective help.

Conclusion. The empirical research has shown that in adolescence, the problem in the emotional sphere can be the cause of different directions in the choice of assistance from aside in the resolution of interpersonal conflict. In the context of correctional and developmental programs, the analysis of their environment, the circumstances and the adequate choice of assistance in significant situations for young people will allow them to be more adaptive in their behavior.

Key words: interpersonal conflict, emotions, communication, help.

На протяжении всей истории развития психологической науки подчеркивалась значимость эмоций в жизни и деятельности человека. Они являются составляющей субъективного отношения к происходящему и влияют на возникновение определенной реакции человека (Л.М. Аболин, В.А. Бодров, Г.М. Бреслав, И.А. Васильев, В.К. Вилюнас, Б.И. Додонов, К. Изард, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, П.В. Симонов). Так, Л.М. Аболин в своих трудах делает вывод о том, что «через эмоциональное переживание “проектируется” выбор соответствующего плана действия, определяя содержание процессов его подготовки (в частности, идеомоторная настройка) и непосредственная ее реализация» [1, с. 199]. Е.П. Ильин, проанализировав и обобщив существующие подходы в исследовании эмоциональных процессов, в своем определении эмоции подчеркнул, что «... она способствует организации целесообразного поведения в ситуации» [2, с. 50].

Маркируя значимость того или иного события для человека, эмоция способствует активации в том числе и внутренних (когнитивных) процессов психики. В частности, функция, названная А.Н. Леонтьевым следообразованием, связана с мнемическими процессами. В этом случае эмоции оставляют в опыте человека следы, в которых закрепляются воздействия, их породившие. Автор, различая аффективные следы и собственно эмоции и чувства, понимает под аффективным следом опыт субъекта, в основе которого лежат сильные кратковременные переживания [3]. А.Р. Лурия в свою очередь указал на то, что при актуализации хотя бы одного из элементов мнемического комплекса, зафиксированного в памяти, в сознании немедленно оживают другие [4, с. 81]. Следовательно, оставляя следы переживания в памяти, эмоции являются причиной сохранения определенных форм и способов взаимодействия человека и ситуации.

Наиболее ярко данная функция проявляется в неординарных, кризисных, конфликтных моментах жизни человека, выполняя при этом двоякую роль. С одной стороны, активизируются те способы реагирования, которые в прошлом помогли человеку справиться с подобной ситу-

ацией. С другой стороны, новая ситуация (хоть и похожая чем-то на ситуацию из предыдущего опыта) может потребовать новых форм реагирования, а негативные эмоции в определенной степени блокируют их возникновение. В контексте конфликтного взаимодействия человек понимает, что использование прошлых реакций (ставшие стереотипными для данной личности) неэффективно, они не приводят его к достижению цели; на уровне общения не получается договориться с партнером. А. Лурия в своих экспериментах показал, что «нарушение организованности ассоциативных процессов под влиянием аффективных процессов сказывается и на характере самих речевых ответов» [4, с. 76]. При этом эмоциональное напряжение усиливается (поддерживается) тем, что сохраняется концентрация сознания на значимости достижения конкретной желаемой цели и уверенности в своей правоте. В этом случае на лицо дезорганизующая функция эмоций.

Особенности возникновения межличностного конфликта для юношеского возраста имеют свои психологические оттенки. В этот возрастной период для молодого человека важно, с одной стороны, отстаивать свои позиции и жизненные принципы, а с другой – сформировать тесные близкие отношения со значимыми для него людьми. Данная мысль соотносится с понятием диады «идентификация–обособление», исследованным В.М. Мухиной. Идентификация трактуется как переживание индивидом своей тождественности с другим человеком. Обособление означает нахождение своего уникального бытия, освобождение от уравнивающих внешних влияний. Автор утверждает, что идентификация–обособление является двуединым механизмом развития личности и ее бытия среди других [5]. На наш взгляд, подобное единство ярче проявляет себя в непростых, значимых для этого возраста ситуациях.

Для разрешения конфликта молодому человеку не всегда хватает различных навыков и умений, включая умение совладать со своими отрицательными эмоциями, что, в свою очередь, отражается на возможности конструктивно организовать свое общение с конфликтующей стороной. Во многих ситуациях требуется помощь со стороны других людей. Помощь может выражаться по-

разному: в форме эмоциональной поддержки, рациональной подсказки решения или конкретного действия.

Цель исследования – выявить влияние эмоциональной грамотности в общении на выбор помощи при разрешении конфликта в юношеском возрасте. Наш исследовательский интерес остановился на гипотезе о том, что человек, эмоции которого осложняют его общение, будет выбирать в качестве помощи в реальной ситуации либо эмоциональную поддержку (по причине компенсации своего негативного эмоционального состояния), либо действенную помощь (так как не хватает своих действенных ресурсов). Наличие рациональной подсказки доминировать не будет, так как сужение сознания (возникновению которого способствуют сильные негативные эмоции) обычно приводит к ограничению работы когнитивных процессов, что не позволяет использовать (замечать) рациональные подсказки со стороны.

Материал и методы. Методический аппарат включал в себя: 1) эмпирические методы: контент-анализ конфликтных ситуаций; опрос с использованием методики «Тип ориентации на социальную поддержку» (Social Support Behaviors Survey, Form R-3) и методика В.В. Бойко «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» [6]; 2) методы описательной статистики (описание средних показателей) и математической статистики – метод В. Кохрана [7].

Результаты и их обсуждение. Эмпирической базой исследования выступили студенты Смоленского гуманитарного университета в количестве 53 человек в возрасте от 17 до 20 лет, прослушавшие дисциплинарные курсы по психологии общения и психологии конфликта. Исследуемым предлагалось описать конфликтную ситуацию за последний год, непосредственными участниками которой они были. Каждый участник в письменной форме описывал свой конфликт, разрешение которого было возможно благодаря какой-либо помощи со стороны других людей. Предлагалась следующая логика описания конфликтной ситуации: сфера конфликта – причина конфликта – участники конфликта – в чем заключалась помощь третьей стороны (эмоциональная поддержка, действенная помощь и/или интеллектуальная подсказка). При этом каждый испытуемый мог обозначить от 1-го до 3-х видов помощи в решении одной и той же конфликтной ситуации.

При анализе результатов было выявлено, что тематика межличностных конфликтов у студентов была достаточно разнообразна. Наиболее часто описывались конфликты в семейной сфере взаимоотношений (16 показателей); чуть меньше в учебной деятельности (10); на третьем

месте оказались конфликты, возникающие по поводу личных взаимоотношений в паре (9); затем следуют конфликты, связанные с дружескими отношениями и бытовыми проблемами (по 9 показателей); конфликты на работе (6). Оставшиеся показатели относились к выяснению отношений на религиозной почве (3 показателя).

С помощью метода контент-анализа были выделены и подсчитаны разновидности помощи в решении конфликта по всей группе испытуемых (таблица 1).

Как видно из результатов таблицы 1, в целом по всей группе испытуемых больший процент выборов относится к эмоциональной помощи. По предварительным данным она имеет доминирующее значение для поддержания человека в сложной для него, конфликтной ситуации; ее выбрали 35 человек независимо от других своих выборов.

Кроме этого, респондентам предлагалось ответить на тест В.В. Бойко «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении». Тест состоит из 25 утверждений, на которые испытуемым надо было отвечать отрицательно или утвердительно. Результаты теста подсчитывались в баллах и делились на 5 уровней эмоциональной эффективности общения. I уровень означал неискренность в ответах: в нашей выборке таких ответов не было. Остальные 4 уровня предполагали градацию от «Эмоции обычно не мешают общаться с партнерами» (3–5 баллов) до «Эмоции явно мешают устанавливать контакты с людьми» (от 13 баллов и выше). По всем уровням была подсчитана сумма каждого вида выбора помощи. Обобщенные результаты исследования представлены в таблице 2.

Как видно из данных таблицы 2, подавляющее количество респондентов испытывает определенные трудности в контактах, связанных с эмоциональной сферой. При этом у 81% испытуемых (IV и V уровни) из-за этого явно осложняются взаимодействия с людьми (по их субъективному мнению).

Для дальнейшей проверки гипотезы для каждого уровня в отдельности был применен метод математической статистики – метод (тест) В. Кохрана для малой выборки. Критериями выбора данного метода стали следующие положения: 1. Тест может применяться для дихотомических данных. 2. Тест подходит для подсчета данных, когда испытуемый может обозначать более одного ответа на одну и ту же ситуацию. 3. Анализируются более 2-х измерений на одной выборке (в нашем случае 3 разновидности помощи). 4. Тест применяется для зависимых выборок [7, с. 110].

Сделав предположение о том, что крайний уровень эмоционального неблагополучия может

Таблица 1 – Результаты контент-анализа по выбору определенной помощи на всей выборке

Виды выбираемой поддержки	Эмоциональная поддержка	Действенная помощь	Интеллектуальная подсказка решения
Количество выборов	35 (66%)	27 (50%)	25 (47%)

Таблица 2 – Соотнесение результатов выбора помощи с уровнем эмоциональной эффективности в общении

Уровни эмоциональной эффективности	Количество выборов (53 человека всего)	Количество выборов эмоциональной поддержки	Количество выборов интеллектуальной поддержки	Количество выборов действенной помощи
II уровень: «Эмоции обычно не мешают общаться с партнерами» (3–5 баллов)	2 человека (3,7%)	1 (1,8%)	1 (1,8%)	1 (1,8%)
III уровень: «Имеются некоторые эмоциональные проблемы в повседневном общении» (6–8 баллов)	8 человек (15%)	6 (11,3%)	2 (3,7%)	2 (3,7%)
IV уровень: «Эмоции в некоторой степени осложняют взаимодействие с партнерами» (9–12 баллов)	24 человека (45,2%)	15 (28,3%)	14 (26,4%)	8 (15%)
V уровень: «Эмоции явно мешают устанавливать контакты с людьми» (13 и более баллов)	19 человек (35,8%)	13 (24,5%)	8 (15%)	15 (28,3%)

показать, в первую очередь, значимые результаты, на первоначальном этапе анализа мы провели статистическую проверку в этой подгруппе. Для математической проверки мы сформулировали следующие статистические гипотезы:

Гипотеза H_0 : вероятность использования (выбора) разных видов помощи в решении конфликта одинакова.

Гипотеза H_1 : вероятность использования (выбора) разных видов помощи в решении конфликта неодинакова (двусторонняя критическая область).

По специальной формуле вычислялось значение $Q_{\text{эмп}}$ (Cochran's Q), которое сравнивалось с $\chi^2_{\text{крит}}$. Было выявлено критическое значение для χ^2 с $df = 3$, оно равно 5,99 для уровня значимости 0,05. В нашем случае $Q_{\text{эмп}} = 6$, т.е. больше $\chi^2_{\text{крит}}$. В случае, если $Q_{\text{эмп}}$ больше или равно $\chi^2_{\text{крит}}$, то это означает, что нулевая гипотеза не подтверждается. Следовательно, данные различия на этой группе являются статистически значимыми.

Из результатов таблицы 2 видно, что больше всего значений указано в графе «Действенная помощь» (15 показателей), чуть менее значима эмоциональная поддержка (13 показателей), а выбор рациональных подсказок оказался еще меньше (8 показателей), их как бы «не слышат» в конфликтной ситуации (на рациональном уровне они плохо воспринимаются). Это подтверждает классическое положение о том, что избыток негативных эмоций сужает рациональную сферу сознания и мешает анализировать конфликтную ситуацию с целью выбора дальнейших конструктивных действий. Как указывал в своих экспериментах А. Лурия, «при различных конфликтах связанные с ними процессы характеризуются задержкой общей интенции, отсутствием адекватной реакции» [4, с. 287].

Подобный механизм распространяется и на выбор той или иной помощи со стороны. Будучи в эпицентре конфликтной ситуации, у человека сохраняется намерение достигнуть желаемую цель,

в необходимости и правильности которой он был уверен, тогда как своих ресурсов для ее достижения уже не хватало. Поэтому данный человек ожидал (выбирал) со стороны в качестве помощи, в первую очередь, действенную поддержку.

В отношении других уровней эмоциональной эффективности в общении статистически значимых результатов выявлено не было.

Проблемной подгруппе (19 человек) был дополнительно предложен опросник «Ориентация личности на социальную поддержку» (Social Support Behaviors Survey, Form R-3). Респондентами оценивалась степень удовлетворенности различными ситуациями, в которых отражены возможные варианты поддержки со стороны их социального окружения. По 7-балльной шкале следовало оценить 32 позиции отношения окружающих к опрашиваемому, в которых отражены такие типы социальной поддержки, как: поддержка слушанием; эмоциональная поддержка; эмоциональное стимулирование; оценка задачи; стимулирование задачи; принятие вас как личности; материальная поддержка; моральная поддержка. Результаты данного опросника в проблемной подгруппе выявили, прежде всего, акцент на 3 видах поддержки. На первой позиции наиболее желаемой оказалась «эмоциональная поддержка» (средний балл – 7,1), при которой окружающими создаются комфортные условия и присутствует демонстрация того, что другие на его стороне и заботятся о нем. На второй позиции оказалась «оценка задачи» (средний балл – 6,3), при которой признаются усилия человека и выражается позитивная оценка той работы, которую он делает для достижения поставленных целей. На третьем месте оказалась «поддержка слушанием» (средний балл – 5,5), при которой человека выслушивают, не давая советов и не высказывая суждений по поводу сказанного. Не был выявлен выбор такой поддержки, как «эмоциональное стимулирование», согласно которой – реципиента побуждают оценить его установки, ценности и эмоциональные переживания. Т.е. нацеленность на самоанализ своего состояния в данном возрасте не актуальна. Не была выбрана «моральная поддержка», при которой окружающие подтверждают, что человек получит помощь в выполнении своих задач.

Остальные ответы распределились следующим образом: «стимулирование задачи» – интеллектуальная мотивировка на более творческий подход к решению задачи (средний балл – 2,7). Вероятно, тот вариант реагирования, который использует молодой человек в сложной для него ситуации, считается вполне достаточным, не требующим дополнительных (творческих) усилий; «принятие вас как личности» (2,9 балла), кото-

рая позволяет убедиться в правильности взглядов и стать более целеустремленным (средний балл – 3,8); «материальная поддержка» (средний балл – 4,0).

Таким образом, подтвердилась тенденция, согласно которой в межличностной конфликтной ситуации для молодого человека наиболее важной оказалась эмоциональная поддержка/помощь (таблица 1). Иерархия остального выбора косвенно указывает на то, что в психическом развитии молодого человека большую роль играют самостоятельность суждений, индивидуальное творчество, отчасти стремление к материальному благополучию, а также стремление к получению признания своих целей и достижений.

Заключение. Представленные результаты частично подтвердили гипотезу о том, что при разрешении собственной реальной конфликтной ситуации выбор помощи со стороны других людей зависит от уровня эмоциональной эффективности в общении личности.

Эмоциональные реакции в конфликтной ситуации, с одной стороны, фиксируют внимание человека на значимых для него моментах, в правильности обладания которыми он не сомневается. С другой – активизируются прежние формы реагирования на подобные ситуации, которые оказываются неадекватными для достижения поставленной цели. Понимая, что свои действия уже не приведут к желаемому результату, участник выбирал действенную помощь со стороны (сохранялось желание в необходимости достижения цели). Максимальная суженность сознания за счет собственных негативных переживаний (эмоций) не позволяла человеку обратить достаточное внимание на рациональную подсказку со стороны.

В случае более благополучных показателей уровня эмоциональной эффективности такой закономерности не подтвердилось. Эмпирические данные показывают, что человек может использовать (обратить внимание) на разную помощь со стороны в решении своей конфликтной ситуации.

Представленные результаты соотносятся с нашими предыдущими исследованиями об использовании конструктивной и деструктивной активности при разрешении межличностных конфликтов в данном возрасте. Мы эмпирически доказали, что при проявлении деструктивной активности у участников конфликта преобладают действия, среди которых наблюдается негативное эмоциональное реагирование, и это мешает им достигать своих целей, не позволяет осмысленно подходить к решению межличностной конфликтной ситуации. В этом случае совсем не было зафиксировано поведенческих реакций, связанных с анализом того, что происходит [8].

Можно предположить, что неблагополучие в эмоциональной сфере может быть причиной сложностей поведения при решении конфликтной ситуации. Ярче всего это проявляется при самом высоком уровне эмоциональных помех в общении. Это говорит о том, что эмоционально-волевая регуляция в юношеском возрасте выражена слабо; кроме этого, не хватает нацеленности на использование адекватной помощи со стороны для последующей наработки дополнительных конструктивных моделей поведения выхода из конфликта.

Представленные результаты могут быть применены в коррекционно-развивающих программах работы с юношеским возрастом. На данном возрастном этапе требуются новые конструктивные формы реагирования на жизненные ситуации, тогда как негативная эмоция может заблокировать их возникновение. Анализ своего окружения, сложившихся обстоятельств и формирование установки на адекватный выбор помощи в значимых (напряженных) для молодого человека ситуациях позволит ему быть более адаптивным в своем поведении.

Литература

1. Аболин, Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л.М. Аболин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 261 с.
2. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Леонтьев. – М.: Academia, 2004. – 345 с.
4. Лурия, А.Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека / А.Р. Лурия; под ред. В.И. Белопольского. – М.: Когито-Центр, 2002. – 527 с.
5. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям / В.С. Мухина. – М.: Academia, 2000. – 452 с.
6. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. – 490 с.
7. Резник, А.Д. Книга для тех, кто не любит статистику, но вынужден ею пользоваться. Непараметрическая статистика в примерах, упражнениях и рисунках / А.Д. Резник. – СПб.: Речь, 2008. – 265 с.
8. Молчанова, Н.В. Особенности проявления поведенческой активности в межличностном конфликте / Н.В. Молчанова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Вып. 1(13), т. 4. – С. 51–55.

Поступила в редакцию 19.11.2018 г.

УДК 159.952.13

Феномен перфекционизма в психологической науке

Соколов Е.А.

Белорусский государственный университет

В настоящее время феномен перфекционизма приобретает широкое распространение в обществе, где эталонным являются нереалистично высокие стандарты. Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, которое проявляется в отсутствии способности реалистично оценивать собственные возможности и возможности окружающих людей. Данный феномен привлекает внимание исследователей, но при разностороннем изучении перфекционизма однозначного определения этого феномена нет: какие аспекты он в себя включает.

Цель статьи – операционализация понятия перфекционизма в рамках психологической науки.

Материал и методы. Материалом послужили работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные изучению перфекционизма. Методологической основой исследования являются различные подходы к рассмотрению многомерных моделей перфекционизма (Р. Hewitt и G. Flett, R. Frost, R. Slaney и J. Ashby; научные труды, посвященные изучению понятия перфекционизма и его составляющих (D. Burns, И.И. Грачева, Г.В. Иванченко, В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов); работы, направленные на изучение факторов возникновения перфекционизма (А.А. Диприга, С.В. Воликова, Н.Г. Гараян, Л.В. Карпушина, А.Б. Холмогорова); исследования перфекционистской самопрезентации А.А. Золотаревой.

Результаты и их обсуждение. В статье представлен обзор теоретических подходов к рассмотрению перфекционизма и многомерности данного феномена. Установлены факторы, оказывающие влияние на его возникновение. Операционализировано понятие перфекционизма.

Заключение. Определение перфекционизма отличается с точки зрения философской и психологической наук. На данный момент можно выделить четыре многомерные модели перфекционизма, которые отличаются критериями для классификации составляющих данного феномена. Следует разводить такие понятия, как перфекционизм и перфекционистская самопрезентация, которые отличаются между

собой тем, что перфекционизм проявляется в стремлении к достижению идеального результата, а перфекционистская самопрезентация – в демонстрации окружающим совершенства, но не его достижение. Можно выделить следующие факторы, оказывающие влияние на возникновение перфекционизма: критика и ожидания со стороны родителей, школьная среда и ее требования, социокультурные условия.

Ключевые слова: перфекционизм, субъектно-ориентированный перфекционизм, объектно-ориентированный перфекционизм, социально предписываемый перфекционизм, перфекционистская самопрезентация, многомерные модели перфекционизма, факторы возникновения перфекционизма.

The Phenomenon of Perfectionism in Psychological Science

Sokolovich E.A.

Belarusian State University

Currently, the phenomenon of perfectionism is becoming widespread in a society where unrealistically high standards are becoming a new norm. Perfectionism is the distortion of the cognitive structure that manifests itself in the lack of the ability to realistically assess their own capabilities and capabilities of other people. This phenomenon attracts the attention of researchers, but with all many-sided studies of perfectionism, there is no unambiguous definition of this phenomenon: what aspects it includes.

The purpose of this article is the operationalization of the concept of perfectionism within the framework of psychological science.

Material and methods. The materials used for the purposes of this article include works of foreign and domestic authors devoted to the study of perfectionism. The methodological basis of the research is various approaches to the consideration of multidimensional models of perfectionism (P. Hewitt and G. Flett, R. Frost, R. Slaney, and J. Ashby), studies devoted to understanding of the concept of perfectionism and its components (D. Burns, I.I. Gracheva, G.V. Ivanchenko, V.A. Yasnaya, S.N. Enikolopov), works aimed at studying the factors of perfectionism (A.J. Diprima, S. Volikova, N.G. Garanyan, L.V. Karpushina, A.B. Kholmogorova), perfectionist self-presentation research by A. Zolotareva.

Findings and their discussion. The article presents a review of theoretical approaches to the understanding of perfectionism and the multidimensionality of this phenomenon. The factors contributing to its development are established. The concept of perfectionism is treated as operational.

Conclusion. The concept of perfectionism is different in philosophical and psychological sciences. At present, four multidimensional models of perfectionism can be distinguished, which differ on the criteria for classifying the components of this phenomenon. Such concepts as perfectionism and perfectionist self-presentation should be differentiated. Perfectionism is manifested in the desire to achieve the ideal result, while perfectionist self-presentation – in demonstration of perfection around others, without the intention of actually achieving it. We can point out the following factors that influence the occurrence of perfectionism: criticism and parents' expectations, the school environment and its requirements, and social and cultural conditions.

Key words: perfectionism, self-oriented perfectionism, other-oriented perfectionism, socially prescribed perfectionism, perfectionist self-presentation, multidimensional models of perfectionism, factors of perfectionism.

В настоящее время феномен перфекционизма приобретает широкое распространение в обществе, где эталонными являются нереалистично высокие стандарты. Стремление к достижению данных стандартов закладывается еще в детстве, когда успешность во всем навязывается ребенку в семье и школах, а также с помощью средств массовой информации. Нереалистичные требования могут быть направлены как на самого себя и свою деятельность, так и на окружающих. В западной психологии изучением перфекционизма и его составляющих, развитием многомерности данного феномена занимаются Р. Hewitt и Г. Flett, Р. Frost, Р. Slaney и J. Ashby, в отечественной психологии – В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов, Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева, И.Г. Иванченко, Е.П. Ильин, А.А. Золотарева. Тем не менее при всем разностороннем исследовании перфекционизма, однозначного определения данного феномена нет, возникают вопросы: какие аспекты он в себя включает, является ли он негативным феноменом или представляет собой способ адаптации, включая позитивные

формы адаптивного поведения, позволяющего делать все более качественно. Поэтому изучение и анализ современных трудов являются наиболее актуальными. Данная работа направлена на теоретический анализ работ, посвященных исследованию структуры и составляющих перфекционизма, а также факторов, которые могут быть причиной перфекционизма.

Цель данной работы – операционализация понятия перфекционизма в рамках психологической науки.

Материал и методы. Материалом послужили работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные изучению перфекционизма. Методологической основой исследования являются различные подходы к рассмотрению многомерных моделей перфекционизма (Р. Hewitt и Г. Flett, Р. Frost, Р. Slaney и J. Ashby); научные труды, посвященные изучению понятия перфекционизма и его составляющих (D. Burns, И.И. Грачева, Г.В. Иванченко, В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов); работы, направленные на изучение факторов возникновения перфекционизма (А.Д. Диприма, С.В. Воликова, Н.Г. Гаранян, Л.В. Карпушина,

А.Б. Холмогорова); исследования перфекционистской самопрезентации А.А. Золотаревой.

Результаты и их обсуждение. Перфекционизм можно определять с точки зрения философских и психологических наук, где взгляды на проблему перфекционизма разительно отличаются. Что касается философской позиции, то перфекционизм представляет собой стремление к совершенству, рассматриваемое в рамках смысла жизни, самосовершенствования, моральных и нравственных идеалов. Стремление к совершенству представляет собой ту цель, к которой должен стремиться каждый человек [1; 2].

В рамках психологической науки данный феномен трактуется как предъявление самому себе и окружающим чрезмерно высоких требований, которые могут не соответствовать ситуации [3]. D. Burns определил перфекционизм как сеть когний [4].

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что перфекционизм представляет собой психологический феномен, в основе которого лежит механизм искажения когнитивной структуры личности. Характеризуется высоким уровнем притязаний, гипертрофированной значимостью собственных достижений, сверхтребовательностью по отношению к самому себе и/или окружающим, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей.

Стоит разводить такие понятия, как перфекционизм и перфекционистская самопрезентация. Перфекционистская самопрезентация представляет собой стремление индивида демонстрировать собственное совершенство в глазах окружающих и нивелировать недостатки. Она включает в себя три составляющие: внешняя демонстрация совершенства, избегание демонстрации несовершенства и неразглашение дефекта (отказ от вербальной демонстрации несовершенства). Отличие перфекционизма от перфекционистской самопрезентации заключается в том, что для перфекциониста наиболее значимым является достижение высокого результата, что представляет собой смысл его жизни, даже если оценить данный результат кроме него самого никто не сможет. При перфекционистской самопрезентации самой значимой выступает демонстрация (поведенческая или вербальная) совершенного результата собственной жизнедеятельности окружающим людям, а непосредственно достижение идеально-го результата не является основной целью [5; 6].

Перфекционизм – это социальный феномен. Данное утверждение можно вывести из того, что перфекционизм может развиваться только в социальных условиях под влиянием взглядов, убеждений и ожиданий других людей – родите-

лей и ближайшего окружения ребенка, учителей и школьной администрации, средств массовой информации. Перфекционистские установки чаще всего касаются зримых атрибутов, которые проще оценить окружающим – например, внешность (физический перфекционизм) и успех в учебной и профессиональной деятельности. В этом заключается схожесть перфекционизма и перфекционистской самопрезентации [5].

Многомерные модели перфекционизма. На данный момент не существует единой и всеми признанной модели перфекционизма. Можно выделить четыре наиболее распространенные модели перфекционизма: трехфакторную модель канадских исследователей Р. Hewitt и G. Flett, шестифакторную модель британских исследователей под руководством R. Frost, многофакторную модель R. Slaney и J. Ashby и модель отечественных авторов, разработанную на основе идей Р. Hewitt и R. Frost.

Р. Hewitt и G. Flett разработали **трехфакторную модель перфекционизма**, в которую входят такие составляющие, как субъектно-ориентированный перфекционизм, объектно-ориентированный перфекционизм, социально предписываемый перфекционизм [6; 8; 9]. Субъектно-ориентированный перфекционизм включает в себя завышенные требования по отношению к самому себе. Объектно-ориентированный перфекционизм представляет собой завышенные ожидания касательно окружающих людей. Социально предписываемый перфекционизм включает в себя убеждение в том, что окружающие предъявляют завышенные требования по отношению к перфекционисту [7]. В данной модели составляющие перфекционизма отличаются направленностью высоких ожиданий – на себя, на других, ожидание высоких требований со стороны окружающих.

Субъектно-ориентированный перфекционизм определяется значимостью собственных достижений, невозможностью прощать погрешности и ошибки самого себя, важностью своих высоких достижений, требовательностью, наличием нереалистично высоких требований к результатам своей собственной деятельности.

Объектно-ориентированный перфекционизм характеризуется наличием нетерпимости по отношению к поведению и ошибкам других людей, неумением прощать погрешности других людей, чрезмерной критичностью, важностью собственного мнения при принятии решений и оценке поведения окружающих.

Высокий уровень социально предписываемого перфекционизма проявляется в ожиданиях человека высоких требований со стороны других

людей, направленных на него и его деятельность. Индивиды с высоким уровнем социально предписываемого перфекционизма при межличностном взаимодействии достаточно чувствительны к критике, зависимы от оценок и мнения окружающих, постоянно испытывают потребность в поддержке и внимании со стороны других [6; 8; 9].

К интерперсональным составляющим перфекционизма относятся объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм, которые могут проявляться в виде нарушений при межличностном взаимодействии. Субъектно-ориентированный перфекционизм не взаимосвязан с нарушениями в интерперсональных отношениях. Несмотря на то, что объектно-ориентированный перфекционизм не проявляется в предъявлении самому себе высоких требований, все три составляющие перфекционизма характеризуются низким уровнем принятия самого себя. Субъектно-ориентированный, объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм характеризуются наличием иррациональных убеждений, которые отличаются только направленностью данных убеждений [6; 9].

Многомерная модель перфекционизма, разработанная под руководством R. Frost, включает в себя следующие составляющие: высокие личные стандарты, родительские ожидания, родительскую критику, сомнения в собственных действиях, озабоченность собственными ошибками, организованность. Высокие личные стандарты представляют собой ориентацию собственной деятельности на чрезвычайно высокий результат; родительские ожидания – убежденность в том, что родители транслируют высокие требования; родительская критика – восприятие родителей как критикующих; сомнения в собственных действиях – сомнения касательно качества собственной работы; озабоченность собственными ошибками – нетерпимость касательно собственных ошибок и оплошностей; организованность – превалирующая ценность порядка. Недостаток данной модели заключается в том, что за основу берутся разные составляющие, которые сложно объединить в рамках одной концепции [10; 11]. Высокие личные стандарты, сомнения в собственных действиях, озабоченность ошибками – это критерии, которые являются неотъемлемой частью перфекционизма. Родительская критика и родительские ожидания, на наш взгляд, являются причинами возникновения перфекционизма, а не его составляющими. Также нераскрытыми остаются вопросы, касающиеся интерперсонального проявления перфекционизма, которое в данной модели вообще не рассматривается.

Модель перфекционизма, разработанная R. Slaney и J. Ashby, включает в себя следующие составляющие: высокие стандарты, прокрастинация, проблемы при интерперсональном взаимодействии, тревога и склонность к порядку [12]. Как и в предыдущей модели – не очень понятны критерии, которые были взяты для выделения составляющих перфекционизма. Высокие стандарты и тревога касательно собственной деятельности представляют собой неотъемлемую часть перфекционизма, а прокрастинация и проблемы при межличностном взаимодействии – последствия предъявления самому себе и окружающим чрезвычайно высоких требований. Также в данной модели не учитываются требования, которые могут быть направлены на окружающих, а не на самого себя.

Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогорова попробовали объединить идеи P. Hewitt и G. Flett с моделью, разработанной по руководством R. Frost. Данная модель включает в себя следующие составляющие перфекционизма: высокие требования, направленные на самого себя; высокие стандарты, ориентированные на других людей; ожидание того, что другие предъявляют высокие ожидания касательно тебя; сравнение себя с другими более успешными людьми; оценка ситуаций в рамках категорий «все–ничего»; ориентация внимания на собственные неудачи и промахи, по сравнению с собственными достижениями [13]. Эта модель учитывает недостатки предыдущих моделей, соединив в себе проявления перфекционизма, и его межличностный аспект, но, на наш взгляд, не охватывает все составляющие перфекционизма.

Данное разнообразие моделей заключается в том, что авторами берутся различные основания классификации составляющих перфекционизма – направленность высоких требований, проявления перфекционизма, факторы, оказывающие влияние на возникновение перфекционизма и последствия. Каждая из вышепредставленных моделей имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства моделей заключаются в том, что выделяется достаточно большое количество параметров, которые стараются охватить все возможные проявления и аспекты перфекционизма. Недостатки перечисленных моделей заключаются в том, что берутся разные основания для классификации внутри каждой модели (составляющие и последствия перфекционизма, составляющие и их причины возникновения), кроме многомерной модели P. Hewitt и G. Flett, где в основу входит лишь один параметр – высокие требования, а отличие составляющих – в направленности данных требований. Можно предположить, что при составлении многомерной модели пер-

фекционизма следует учитывать различные параметры, а значит, составлять несколько многомерных моделей, которые будут учитывать только один параметр: в одной – направленность высоких требований, в другой – проявления. Причины возникновения и последствия можно не включать в модели перфекционизма, они не входят в структуру личности.

Факторы, оказывающие влияние на возникновение перфекционизма. К факторам, оказывающим влияние на возникновение перфекционизма, можно отнести: высокие требования, транслируемые в семье, школе и средствах массовой информации [14–17].

Семья. Родители оказывают наибольшее влияние на формирование ценностей и мировоззрения ребенка, так как семья представляет собой миниатюрную модель общества, с которой сталкивается ребенок, начиная от рождения. Она оказывает влияние на формирование его убеждений, ценностей, установок, моделей поведения ребенка [16]. Родители, ориентированные на успех, требуют от него только высоких результатов, проявляя в качестве поощрения свою любовь и принятие. В роли наказания за неуспехи выступает лишение родительской любви. В результате дети стараются все делать без ошибок, чтобы заслужить заботу и принятие со стороны родителей [18; 19]. Одним из главных факторов развития перфекционизма является авторитарный стиль воспитания, для которого характерны высокие требования, отсутствие эмоциональной поддержки, жесткий дисциплинарный режим [14]. Можно выделить четыре фактора в детско-родительских отношениях, которые могут оказывать влияние на формирование перфекционизма у детей. К данным факторам относятся: 1) родительская критика, которая проявляется в том, что в отношении к ребенку не проявляются любовь и принятие, пока он не достигнет высоких результатов в чем-либо (учеба, например); 2) родительские ожидания, направленные на детей; 3) отсутствие каких-либо конкретных моделей поведения со стороны родителей; 4) родители с высоким уровнем перфекционизма, которые являются образцами поведения для собственных детей [19].

Школа. Школа как один из первых социальных институтов, с которым сталкивается ребенок, после семьи. Как и в ситуации детско-родительских отношений, в школе ребенок перенимает систему ценностей, которая представлена в ней, и модели поведения, которые транслируются учителями и сверстниками [18]. В качестве примера можно привести школы с повышенной нагрузкой, где конкуренция в учебе между учениками приветствуется и где является необходимым

достижение высокого результата в учебе, иначе ребенок может быть отчислен. На наш взгляд, условия, которые могут оказывать влияние на возникновение перфекционизма, дублируют данные условия в семье: критика и ожидания со стороны учителей, сверстников и администрации школы, отсутствие определенных правил и моделей поведения в школе, учителя-перфекционисты как образцы для подражания (преимущественно в начальной школе).

Социокультурные условия. Социокультурная среда и ее ценности, идеалы, стереотипные представления об успешности оказывают влияние на формирование перфекционизма. Огромную роль на возникновение иррациональных установок касательно собственной жизнедеятельности оказывают средства массовой информации, которые демонстрируют образы идеальных людей как пример для подражания. Чаще всего данные образы распространяются на зримые атрибуты успешности – внешность, достижения в трудовой и учебной деятельности, так как их проще всего оценить [20]. При просмотре данных образов индивид становится ориентированным на достижение целей, что лишает его возможности получать удовольствие от процесса деятельности и реализации собственного потенциала, если это отличается от общепризнанных ценностей [17].

Заключение. Понятие перфекционизма имеет разные значения в философии и психологии. В философии перфекционизм представляет собой убеждение в том, что совершенствование, как собственное, так и других людей, является той целью, к которой должен стремиться человек. С психологической точки зрения перфекционизм – это психологический феномен, в основе которого лежит механизм искажения когнитивной структуры личности. Данный феномен характеризуется высоким уровнем притязаний, гипертрофированной значимостью собственных достижений, сверхтребовательностью по отношению к самому себе и/или окружающим, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей. Высокие притязания и стремление устанавливать высокую планку собственных достижений прививаются индивиду еще в детстве, преимущественно в тех семьях, где на детей возлагаются большие надежды и в которых детей принимают только за оправдание этих надежд. Также немаловажную роль в возникновении перфекционизма оказывают влияние школы, преимущественно с повышенной нагрузкой, а также идеалы, которые демонстрируются с помощью средств массовой информации. Стремление к чрезмерно высоким стандартам может приводить к тому, что человек не получает удовольствия от деятельности, недоволен собой

и своей жизнью, в которой все измеряется успешным результатом. Перфекционизм также проявляется в том, что высокие требования предъявляются не только по отношению к самому себе, но и окружающим людям, что препятствует установлению межличностных контактов, обесцениванию отношений.

На данный момент можно выделить четыре многомерные модели перфекционизма. Данные модели отличаются тем, что берут различные основания классификации составляющих перфекционизма – направленность высоких требований, проявления перфекционизма, факторы, оказывающие влияние на возникновение перфекционизма и последствия. Преимуществом данных моделей является то, что берется большое количество составляющих феномена, недостатком – смешение различных критериев для классификации – например, причины возникновения перфекционизма и его проявления. Данный вопрос остается открытым и подлежит дальнейшей разработке – составление многомерной модели, которая будет ориентирована на различные показатели перфекционизма.

Литература

1. Михайличенко, Д.А. Перфекционизм / Д.А. Михайличенко // *Философия: энцикл. словарь* / под ред. А.А. Ивина. – М., 2004. – С. 764.
2. Frega, R. Le perfectionnisme a l'épreuve du pragmatisme / R. Frega // *Dialogue*. – 2011. – Vol. 50, № 2. – P. 4–20.
3. Bhatia, M.S. Perfectionism / M.S. Bhatia // *Dictionary of Psychology and Allied Sciences*. – New Age International Publishers. – P. 305.
4. Burns, D. The perfectionist's script for self-defeat / D. Burns // *Psychology Today*. – 1980. – № 14(11). – P. 34–51.
5. Золотарева, А.А. Перфекционистская самопрезентация как патологический феномен: перспективы изучения и измерения нового феномена в клинической психологии / А.А. Золотарева // *Психология XXI века: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 19–20 нояб. 2009 г.: в 2 ч.* / Ленингр. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; редкол.: А.Г. Маклаков [и др.]. – СПб., 2009. – Ч. 2. – С. 281–286.
6. Khawaja, N.G. Factor structure and psychometric properties of the Frost Multidimensional Perfectionism Scale: Developing shorter versions using an Australian sample / N.G. Khawaja, K.A. Armstrong // *Australian Journal of Psychology*. – 2005. – Vol. 57, № 2. – P. 129–138.
7. Chen, C. Insecure attachment, perfectionistic self-presentation, and social disconnection in adolescents / C. Chen [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 2012. – № 52. – P. 936–941.
8. Flett, G.L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G.L. Flett, A. Besser, R.A. Davis, P.L. Hewitt // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
9. Flett, G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology / G.L. Flett, P.L. Hewitt // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 60, № 3. – P. 456–470.
10. Frost, R.O. A comparison of two measures of perfectionism / R.O. Frost [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 1993. – № 14. – P. 119–126.
11. Hewitt, P.L. The interpersonal expression of perfectionism: perfectionistic self-presentation and psychological distress / P.L. Hewitt [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – Vol. 84, № 6. – P. 1303–1325.
12. Slaney, R.B. The revised Almost Perfect Scale / R.B. Slaney [et al.] // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. – 2001. – Vol. 34, № 3. – P. 130–145.
13. Гараян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н.Г. Гараян // *Вопросы психологии*. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
14. Воликова, С.В. Современные исследования детского перфекционизма / С.В. Воликова // *Социальная и клиническая психиатрия*. – 2012. – № 2. – С. 94–99.
15. Гараян, Н.Г. Типологический подход к изучению перфекционизма / Н.Г. Гараян // *Вопросы психологии*. – 2009. – № 6. – С. 52–60.
16. Жебрун, Я.О. Особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму / Я.О. Жебрун // *Вестн. Бурятск. ун-та*. – 2010. – № 5. – С. 36–38.
17. Холмогорова, А.Б. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гараян // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2004. – № 1. – С. 18–35.
18. Воликова, С.В. Родительский перфекционизм – фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным программам / С.В. Воликова, А.Б. Холмогорова, А.М. Галкина // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 5. – С. 23–32.
19. Diprima, A.J. Family relationships and perfectionism in middle-school students / A.J. Diprima, J.S. Ashby, P.B. Gnillka, C.L. Noble // *Psychology in the Schools*. – 2011. – № 48(8). – P. 815–827.
20. Тарханова, П.М. Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом / П.М. Тарханова, А.Б. Холмогорова // *Психологическая наука и образование*. – 2011. – № 5. – С. 52–60.

Поступила в редакцию 28.02.2019 г.

Использование юмора в деятельности медицинских работников

Стреленко А.А.¹, Киселёва М.М.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение здравоохранения «Витебская городская станция скорой и неотложной медицинской помощи»

В статье представлены данные исследования проблемы использования юмора специалистами помогающих профессий, эмпирически выявлена взаимосвязь юмора и эмоционального интеллекта, раскрыто значение юмора в структуре эмоционального интеллекта на примере медицинских работников.

Цель научной работы – выявление особенностей использования юмора специалистами помогающих профессий на примере медицинских работников, а также взаимосвязи юмора и эмоционального интеллекта.

Материал и методы. Базой исследования явилось УЗ «Витебская городская станция скорой и неотложной медицинской помощи». В эксперименте приняли участие 60 человек (возраст от 25 до 56 лет), среди которых 10 врачей, 12 фельдшеров, выезжающих самостоятельно, 38 фельдшеров выездных бригад. Для обработки полученных результатов использовались методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холла; тест (опросник) эмоционального интеллекта Д.В. Любина; опросник уровня и типа чувства юмора И.С. Домбровской; опросник стилей юмора Р. Мартина. Методы обработки данных: качественный метод анализа научной литературы, количественный метод – коэффициент математической ранговой корреляции К. Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты эмпирических исследований свидетельствуют о прямой зависимости уровня эмоционального интеллекта от выбранного стиля юмора. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем выше вероятность использования конструктивных стилей юмора – affiliative и self-sustaining, низкий уровень развития эмоционального интеллекта предполагает деструктивные формы – aggressive и self-deprecating.

Выявлена взаимосвязь между юмором и некоторыми компонентами эмоционального интеллекта. Использование конструктивных форм юмора в медицинской деятельности имеет большое значение для специалиста. Умелое применение юмора в структуре эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности медицинских работников является эффективным, безопасным, удобным, позитивным, легким, профилактическим средством сохранения профессионального долголетия, здоровой психики, профессиональных деформаций личности, поддержания статуса профессионала.

Заключение. С учетом полученных результатов исследования нами была разработана программа, направленная на развитие эмоционального интеллекта и юмора.

Ключевые слова: юмор, эмоциональный интеллект, медицина, эмоциональное выгорание, профессиональный юмор, профессиональное долголетие.

The Use of Humor in Medical Work

Strelenko A.A.¹, Kiseleva M.M.²

¹Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Health Establishment "The City of Vitebsk Medical Emergency Station"

The article presents data on the study of the issue of using humor by specialists in helping professions, The relationship between humor and emotional intelligence has been empirically revealed, the importance of using humor in the structure of emotional intelligence on the example of medical workers has been established.

The purpose of the research is to identify the peculiarities of using humor by specialists in helping professions, using the example of medical workers, as well as the relationship between humor and emotional intelligence.

Material and methods. The base of the research is the 60 staff members of the "Medical Emergency Station" of the City of Vitebsk, aged 25 to 56, among them 10 doctors, 12 independent paramedics, 38 medical brigade paramedics.

The applied techniques are: "Hall's Method for Assessing the Emotional Intelligence"; "Lusin's Test (Questionnaire) of Emotional Intelligence"; Dombrovskaya's Questionnaire "Level and Type of Sense of Humor"; Martin's Questionnaire of Humor Styles. The methods of data processing are the quality method of analyzing scientific literature; the quantity method is the coefficient of the mathematical rank correlation of Spearman.

Findings and their discussion. Data from empirical studies suggest a direct correlation between the level of emotional intelligence and the chosen style of humor. The higher the level of emotional intelligence, the higher the likelihood of using constructive styles of humor – affiliative and self-sustaining; low level of the development of emotional intelligence involves destructive forms – aggressive and self-deprecating.

The relationship between humor and certain components of emotional intelligence has been revealed. The use of constructive forms of humor in medical activity is of great importance for a specialist. Skillful application of humor in the structure of emotional intelligence in the professional activity of medical workers is effective, safe, convenient, not consuming, positive, easy, preventive means of preserving professional longevity, healthy psyche, prevention of professional deformities of a person, maintaining professional status.

Conclusion. The obtained research findings made it possible to elaborate a program aimed at the development of emotional intelligence and humor.

Key words: humor, emotional intelligence, medicine, emotional burnout, professional humor, professional longevity.

Медицина – среда повышенного риска для физического и психоэмоционального здоровья. Длительное нахождение в данной профессии приводит к определенным последствиям. Ответственность за жизнь и здоровье людей, которая ложится на плечи медицинских работников, тяжелые условия труда, ночные и суточные дежурства, столкновение с чрезвычайными происшествиями, горем, смертью, агрессией, негативом людей, высокие требования к качеству работы – все это способствует чрезмерному психоэмоциональному напряжению в деятельности медицинских работников. Так, например, профессию врача скорой помощи можно назвать одной из самых сложных и ответственных среди всех медицинских специальностей. Ведь он должен хорошо знать не только теорию, но и в совершенстве владеть многими практическими навыками. Соответственно, без хорошего физического и психического здоровья врача осуществить качественную медицинскую помощь зачастую становится просто невозможно. В связи с этим нам стало интересным рассмотреть вопросы, касающиеся ресурсов поддержки самих себя медицинскими работниками в условиях профессиональной деятельности. Одним из таких ресурсов, по нашему мнению, является юмор, который можно рассматривать как структурный компонент эмоционального интеллекта человека.

На основании проведенного теоретического анализа можно отметить, что проблема юмора с XVII по XX в. претерпевала множество трансформаций. Представления о юморе менялись от агрессивных к нейтральным, а в настоящее время юмор не только благоприятен, но и социально желателен, – такая мысль прослеживается в современных концепциях развития юмора.

Юмор является междисциплинарным понятием и исследуется многими отраслями научного знания. Так, например, в философии рассматриваются вопросы юмора в структуре социально-информационного взаимодействия, в социологии изучаются социальные функции юмора и смеха, в биологии исследуются вопросы юмора и смеха с точки зрения естественного отбора. В свою очередь, психология как социально-гуманитарная дисциплина также не обошла своим вниманием проблему юмора. В частности, знаменитый австрийский психоаналитик Зигмунд Фрейд в свое время показал, что со смехом напрямую связаны комизм, юмор и остроумие. Помимо психоаналитической теории, затрагивающей данную проблему, можно указать на теорию возбуждения и утешения (Герберт Спенсер, Иммануил Кант, Даниэл

Берлайн, Игорь Гавански и др.), теорию превосходства и унижения (Чарльз Грунер, Род Мартин и др.), теорию несоответствия (Артур Шопенгауэр, Ганс Айзенк, Артур Кестлер, Томас Шульц, Джерри Салс, Курт Гольштейн и др.), теорию переключения (Макс Истмен, Дэниел Берлай, Чарльз Грунер, Майкл Аптер и др.), а также личностный подход (Гордон Олпорт, Абрахам Маслоу). Таким образом, можно заключить, что на современном этапе проблема юмора остается актуальной и представители каждой отрасли вносят свой потенциальный вклад в изучение проблемы юмора.

Многими авторами юмор рассматривается как составная часть эмоционального интеллекта. В свою очередь, эмоциональный интеллект – это сложное понятие, включающее уникальные способности, которые помогают разделять, понимать, идентифицировать эмоции, принимать решения, управлять ситуацией и людьми. Понятие эмоционального интеллекта образовалось вследствие взаимосвязи аффективных процессов с когнитивными. Объединение знаний из двух областей позволило обогатить представления об эмоциях, расширить понятие об интеллекте, установить взаимосвязь эмоционального и рационального в человеке. Юмор в структуре эмоционального интеллекта имеет большое значение в профессиональной деятельности специалистов, чья специфика труда связана с большим количеством коммуникаций, проявлением эмпатии, сострадания, сочувствия и понимания. Именно эти качества должны быть достаточно развитыми у медицинских работников. Следовательно, большое значение для профессионала своего дела приобретает уровень эмоционального интеллекта. Понимая эмоции других людей, имея возможность контроля своего поведения и эмоций, установления эмоционального контакта с людьми, можно повысить эффективность профессионального взаимодействия таких специалистов [1].

Важно отметить, что в последнее десятилетие интерес к теме использования юмора специалистами помогающих профессий, а также юмора в структуре эмоционального интеллекта значительно возрастает. Примером тому служат работы зарубежных и отечественных ученых. Например, в работе О.Г. Маслак «Юмор в структуре эмоционального интеллекта» (2015) говорится о способности к продуцированию и восприятию юмора, которое дает возможность восприятия смысла ситуации, а также раскрываются функции юмора в жизни человека [2].

Привлекает внимание работа М.В. Мусийчук «Юмористические задачи как средство развития эмоционального интеллекта» (2016) оригинальной идеей о том, что согласно исследованиям

в процессе решения юмористических задач происходит развитие эмоционального интеллекта [3].

В труде Д.Р. Плешаковой «Исследование эмоционального интеллекта студентов-медиков» (2016) акцентируется внимание на необходимости повышения эмоциональных способностей студентов медицинского вуза, т.к. здоровье эмоциональной сферы медицинских работников напрямую сказывается на успешности их профессиональной деятельности, которая предполагает высокие эмоциональные нагрузки и взаимодействие с другими людьми [4].

Т.Г. Светличная и соавторы в работе «Эмоциональный интеллект как инструмент повышения медицинской эффективности здравоохранения» (2014) подчеркивают, что формирование эмоциональной компетентности медицинских работников следует начинать уже на додипломном этапе профессиональной подготовки. Приобретение ими знаний, умений и навыков постоянного осмысления собственного эмоционального самочувствия и овладение методами саморегуляции послужит основой для развития эмоционального интеллекта и будет способствовать сохранению физического и психического здоровья [5].

Исследование врача-кардиолога Ю.И. Чертова «Эмоциональный интеллект врача» (2010) посвящено актуальной проблеме психоэмоциональной подготовки врача в современных условиях [6].

В работе Т.В. Артемьевой «Юмор как психологический ресурс преодоления стресса у медицинского персонала» (2015) получены данные о том, что использование юмора медицинскими работниками позволяет поддержать интерес к профессиональной деятельности [7]. В стрессогенной ситуации обращение к юмору связано с применением ассертивных действий, при которых специалист активно и последовательно отстаивает свои интересы, открыто заявляет о своих целях и намерениях, уважая интересы коллег. Медицинские работники с высокими показателями по шкале юмора отличаются большим количеством форм преодолевающего поведения и предпочтением здоровых моделей поведения в стрессогенных ситуациях. Они обладают высокими показателями активного уверенного поведения, вступления в социальные контакты, отличаются более высокой нервно-психической активностью.

Особенности эмоционального интеллекта и юмора раскрыты в трудах А.В. Першиной [8], Ю.И. Ульяновой [9], В.В. Ильина [10], Е.А. Пиотровской [11].

Взгляды зарубежных исследователей на юмор в структуре эмоционального интеллекта во многом схожи с отечественными.

В статье Х. Беннет «Юмор в медицине» выделяет несколько областей применения юмора в медицине: юмор и здоровье, юмор и общение с пациентом, юмор и медицинский коллектив, юмор в медицинском образовании, юмор в медицинской литературе. Что касается профессионального здоровья медработников, юмор помогает переносить стрессовую ситуацию, облегчает уход за пациентом, способствует хорошим отношениям между коллегами, создает позитивную атмосферу в коллективе. Автор знакомит с особенностями использования юмора в данных областях, об уместности его применения в той или иной ситуации [12].

Работа К. Морган и М. Массам «Развитие юмора в чрезвычайной ситуации» раскрывает юмор в свете стратегии преодоления трудностей, способствующей адаптации специалистов к трудным и чрезвычайным ситуациям [13]. Юмор активизирует защитные механизмы, делает человека невосприимчивым к воздействиям травмы, помогает выжить в сложной ситуации.

Вместе с тем феномен юмора является противоречивым и не используется как стратегия выживания непосредственно в ситуации стресса. Но во многих теориях признается, что юмор обеспечивает снятие напряжения, помогает переосмыслению ситуации или события.

Дж. Нокс в исследовании «В медицине есть место юмору» говорит о том, что смех – лучшее лекарство. Он утверждает, что юмор облегчает контакт врача и пациента, создает более непринужденную обстановку, открывает честный и открытый диалог с пациентом, что способствует лучшей диагностике заболевания. Для пациента общение становится более приятным, лечебный процесс – более эффективным, а настроение улучшается. Но в этом есть еще один важный аспект, который следует учитывать. Пациент может посчитать, что врач относится к здоровью пациента несерьезно, и это может ухудшить качество межличностного взаимоотношения в диаде «врач-пациент». Юмор должен быть уместен и применен в правильной ситуации. Обращение к пациенту может быть подкреплено небольшим количеством остроты, чтобы улучшить пациенту настроение, поддержать его. Автор говорит о преимуществе юмора в работе с коллективом. П. Адамс – один из самых известных врачей, которые использовали юмор для исцеления [14].

Кроме того, разработанность данной темы связана с фамилиями отечественных (Г.М. Андреева, С.Н. Ениколопов, С.Н. Иванова, М.В. Мусийчук) и зарубежных (А. Адлер, Т. Витч, Д. Берлайн, А. Зив, Дж. Коллинз и Р. Уайер, А.Н. Лук, С. Свebak) авторов. Наиболее полная информация по изуче-

нию юмора отражена в книге Р. Мартина «Психология юмора» [15]. Методы по развитию чувства юмора предлагает Ю.Г. Тамберг [16]. О принципах остроумия писали Билевичи, С.Н. Иванова [17], А.Н. Лук [18] и др.

Решение данной проблемы имеет важное теоретическое и практическое значение, что говорит об актуальности работы.

Цель научной статьи – выявление особенностей использования юмора специалистами помогающих профессий на примере медицинских работников, а также взаимосвязь юмора и эмоционального интеллекта.

Материал и методы. Базой исследования явилось УЗ «Витебская городская станция скорой и неотложной медицинской помощи». Всего приняло участие 60 человек – сотрудники УЗ «Витебская городская станция скорой и неотложной медицинской помощи» (возраст от 25 до 56 лет), среди которых 10 врачей, 12 фельдшеров, выезжающих самостоятельно, 38 фельдшеров выездных бригад.

В работе были использованы теоретические и эмпирические методы. В частности, методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холла; тест (опросник) эмоционального интеллекта Д.В. Люси-на; опросник уровня и типа чувства юмора И.С. Домбровской; опросник стилей юмора Р. Мартина.

Для обработки материалов исследования были использованы качественный метод анализа научной и методической литературы и количественный метод – коэффициент ранговой корреляции К. Спирмена, который относится к непараметрическим методам и используется с целью статистического изучения связи между явлениями. С его помощью определяется фактическая степень параллелизма между двумя количественными рядами изучаемых признаков и дается оценка тесноты установленной связи с помощью количественно выраженного коэффициента.

Результаты и их обсуждение. Так, на основании осуществления анализа по результатам проведенного исследования нами был определен affiliативный стиль юмора, который отмечается у 38,33% испытуемых, т.е. это юмор поддерживающий, направленный на других. Как правило, он связывается с экстраверсией, открытостью новому опыту, оптимизмом, жизнерадостностью, самопринятием и самооценностью, успешностью установления и поддержания межличностных отношений, удовлетворенностью качеством жизни, преобладанием положительных эмоций и хорошего настроения. В свою очередь у 30% испытуемых нами был выявлен самоподдерживающий стиль юмора, что характеризует оптимистичный взгляд на жизнь, умение сохранять чувство юмора

перед лицом трудностей и проблем, т.е. является регулятором эмоций и механизмом совладания со стрессом. Вместе с тем у 18,33% респондентов определяется самоуничижительный стиль юмора, что означает использование юмора, направленного против самого себя с целью снискания расположения значимых других. Как правило, такие люди, заискивая перед окружающими, позволяют им делать себя объектом шуток и готовы разделить с ними этот смех. Несмотря на то, что они могут восприниматься как остроумные и веселые, на самом деле за этим могут стоять низкая самооценка и обостренная потребность в принятии. Такие люди могут испытывать трудности в отстаивании своих прав. А вот у 13,33% респондентов нами был выявлен агрессивный стиль юмора, который включает в себя сарказм, насмешку, подтрунивание и может быть использован в целях манипуляции другими. Люди с агрессивным стилем юмора зачастую не могут справиться с желанием сосричь, даже если шутка может кого-то обидеть. Таким образом, важно отметить, что большинство сотрудников станции скорой помощи предпочитают конструктивные формы стилей юмора – affiliативный и самоподдерживающий, однако в исследуемой нами выборке также отмечаются малоэффективные и неконструктивные стили юмора.

Вместе с тем нас интересовал вопрос об особенностях социального интеллекта (EQ) у специалистов-медиков. С помощью методики Н. Холла стало возможным определить общий интегральный уровень эмоционального интеллекта в исследуемой выборке. Он составил 36,45 балла, что соответствует низкому уровню эмоционального интеллекта. А вот компоненты эмоционального интеллекта определились следующим образом: низкий уровень эмоциональной осведомленности (6,9 балла); средний уровень управления эмоциями (7,3 балла); низкий уровень самомотивации (6,9 балла); средний уровень эмпатии (8,4 балла); средний уровень по распознаванию эмоций других людей (7,6 балла). Уровень межличностного эмоционального интеллекта у группы испытуемых – 42,2 балла, что соответствует среднему уровню. Уровень внутриличностного эмоционального интеллекта в исследуемой выборке – 39,8 балла, что говорит о среднем его уровне. Уровень интегрального эмоционального интеллекта – 82,6 балла, что указывает на средний уровень эмоционального интеллекта. Таким образом, невысокие результаты по показателям эмоционального интеллекта (EQ) свидетельствуют о том, что его обладатели, как правило, могут испытывать чувство дискомфорта в коллективе, так как не понимают эмоций и настроения других

людей, что может даже приводить к возникновению конфликтных ситуаций. Часто они не могут контролировать свое настроение и поведение, так как не осознают глубинных причин их проявлений. Таким людям тяжело налаживать контакты, соответственно, сложнее добиваться своих целей и расти не только в духовном, но и профессиональном плане.

Кроме того, с целью статистического изучения связей между стилем юмора и эмоционального интеллекта (EQ) нами был использован коэффициент ранговой корреляции К. Спирмена. Так, была выявлена сильная положительная взаимосвязь аффилиативного стиля юмора с интегральным уровнем эмоционального интеллекта ($r_s = 0,43$ при $p \leq 0,01$), аффилиативным стилем юмора и самомотивацией ($r_s = 0,36$ при $p \leq 0,01$), аффилиативным стилем юмора и распознаванием эмоций других людей ($r_s = 0,38$ при $p \leq 0,01$), аффилиативным стилем юмора и эмпатией ($r_s = 0,42$ при $p \leq 0,01$).

При проведении анализа связей агрессивного стиля юмора с компонентами эмоционального интеллекта нами была выявлена особенность, заключающаяся в том, что между этими явлениями отмечается отрицательная корреляционная взаимосвязь. Так, была установлена сильная отрицательная взаимосвязь между агрессивным стилем юмора и общим уровнем эмоционального интеллекта ($r_s = -0,42$ при $p \leq 0,01$), агрессивным стилем юмора и самомотивацией ($r_s = -0,35$ при $p \leq 0,01$), агрессивным стилем юмора и эмпатией ($r_s = -0,33$ при $p \leq 0,01$). Менее тесная отрицательная связь обнаруживается между агрессивным стилем юмора и межличностным эмоциональным интеллектом ($r_s = -0,27$ при $p \leq 0,05$), между агрессивным стилем юмора и внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r_s = -0,32$ при $p \leq 0,05$), между агрессивным стилем юмора и эмоциональной осведомленностью ($r_s = -0,28$ при $p \leq 0,05$), между агрессивным стилем юмора и управлением эмоциями ($r_s = -0,29$ при $p \leq 0,05$).

Самоподдерживающий (поддерживающий, направленный на себя) стиль юмора подразумевает оптимистичный взгляд на жизнь, умение сохранять чувство юмора перед лицом трудностей и проблем, то есть является регулятором эмоций и механизмом совладания со стрессом. По сравнению с аффилиативным, самоподдерживающий юмор выполняет, в первую очередь, интрапсихическую функцию и потому не так сильно связан с экстраверсией. 30% испытуемых предпочитают данный стиль юмора.

Наиболее статистически значимая корреляция между самоподдерживающим стилем юмора и склонностью к восприятию юмора. Она состав-

ляет $r_s = 0,34$ при $p \leq 0,01$, что говорит о наличии статистически значимой взаимосвязи.

В свою очередь, самоподдерживающий стиль юмора имеет слабую связь лишь с одним из компонентов эмоционального интеллекта – это склонность к восприятию юмора ($r_s = 0,34$ при $p \leq 0,01$). С остальными компонентами эмоционального интеллекта связь не является статистически значимой. Фактически можно говорить о том, что связь межличностного эмоционального интеллекта, внутриличностного эмоционального интеллекта, интегральный уровень эмоционального интеллекта, самомотивация, распознавание эмоций других людей, обращение юмора на себя с самоподдерживающим стилем юмора являются очень слабыми и практически незначительными.

Таким образом, можно сказать, что чем выше уровень аффилиативного стиля юмора, тем выше уровень развития таких компонентов эмоционального интеллекта, как его интегральный уровень, самомотивация, эмпатия, распознавание эмоций других людей.

Высокий уровень агрессивного стиля юмора предполагает низкий уровень развития всех компонентов эмоционального интеллекта.

Чем выше уровень самоподдерживающего стиля юмора, тем выше склонность к восприятию юмора и ниже уровень обращения юмора на других.

Заключение. С учетом полученных результатов исследования нами была разработана программа, направленная на развитие эмоционального интеллекта и юмора.

Основными целями программы являлись формирование у медицинских работников знаний о роли и функциях эмоционального интеллекта в медицинской деятельности, о функции юмора в профессиональной деятельности, а также организация процесса направленного развития свойств эмоционального интеллекта и юмора у сотрудников скорой помощи посредством цикла занятий и психологического тренинга.

Данная программа включает в себя теоретический блок, информирующий о значении юмора в структуре эмоционального интеллекта для медицинских работников, а также два практических блока, ориентированных на развитие эмоционального интеллекта и юмора.

Цели программы реализованы в полном объеме благодаря наличию в ней разнообразных методов активного обучения: психогимнастических упражнений, деловых и ролевых игр, групповых дискуссий, обсуждения ситуаций и др. При составлении коррекционной программы учитывались логика содержания программы и стадии групповой динамики тренинговой группы.

Несмотря на то, что программа создавалась специально для сотрудников скорой и неотложной медицинской помощи, она является универсальной и может использоваться и для других специалистов помогающих профессий.

Литература

1. Веселова, Е.К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности: монография / Е.К. Веселова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 316 с.
2. Маслак, О.Г. Юмор в структуре эмоционального интеллекта: современные подходы к интерпретации [Электронный ресурс] / О.Г. Маслак // Студенческий научный форум: материалы VII Междунар. студ. электр. науч. конф. – 2015. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/1103/8605#.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2018.
3. Мусийчук, М.В. Юмористические задачи как средство развития эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] / М.В. Мусийчук, Роберто Валдес Пуэнтес, С.В. Мусийчук // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2016. – Т. 2, № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/yumoristicheskie-zadachi-kak-sredstvo-razvitiya-emotsionalnogo-intellekta>. – Дата доступа: 25.08.2018.
4. Плешакова, Д.Р. Исследование эмоционального интеллекта студентов-медиков / Д.Р. Плешакова // Междунар. студ. науч. вестн. – 2016. – № 5–1. – С. 78–80.
5. Светличная, Т.Г. Эмоциональный интеллект как инструмент повышения медицинской эффективности здравоохранения / Т.Г. Светличная, Е.Ю. Зуева, К.Г. Вилова // Экология человека. – 2014. – № 10. – С. 54–60.
6. Чертков, Ю.И. Эмоциональный интеллект врача [Электронный ресурс] / Ю.И. Чертков // Новости медицины и фармации. – 2010. – № 2(307). – Режим доступа: <http://www.mif-ua.com/archive/article/11595>. – Дата доступа: 29.08.18.
7. Артемьева, Т.В. Юмор как психологический ресурс преодоления стресса у медицинского персонала [Электронный ресурс] / Т.В. Артемьева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20438>. – Дата доступа: 30.08.2018.
8. Першина, А.В. К проблеме изучения эмоционального интеллекта студентов [Электронный ресурс] / А.В. Першина, А.В. Соловьева // Молодой ученый. – 2016. – № 4. – С. 703–704. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/108/26201>. – Дата доступа: 30.08.2018.
9. Ульянова, Ю.И. Основные подходы к научному исследованию особенностей чувства юмора / Ю.И. Ульянова // Вестн. Воен. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 21–25.
10. Ильин, В.В. Эмоции и чувства / В.В. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
11. Пиотровская, Е.А. Особенности эмоциональной сферы средних медицинских работников / Е.А. Пиотровская // Казан. пед. журнал. – 2007. – № 6. – С. 30–36.
12. Bennett, H.J. Humor in Medicine / Y.J. Bennett // J Fam Pract. – 2003. – № 12. – С. 334–336.
13. Morgan, C. An Evaluation of Humour in Emergency Work [Electronic resource] / C. Morgan, M. Massam // The Austr. Journal of Disaster and Trauma Studies. – 1997. – Vol. № 3. – Mode of access: <https://www.massey.ac.nz/~trauma/issues/1997-3/moran1.htm>. – Date of access: 25.08.2018.
14. Knox, J. There's a place for humor in medicine [Electronic resource] / J. Knox // Social medias leading physician voice. – KevinMD. – 2017. – 27 oct. – Mode of access: <https://www.kevinmd.com/blog/2017/10/theres-place-humor-medicine.html>. – Date of access: 08.08.2018.
15. Мартин, Р. Психология юмора / Р. Мартин. – СПб.: Изд-во «Питер», 2009. – 480 с.
16. Тамберг, Ю.Г. Как развить чувство юмора / Ю.Г. Тамберг. – М.: Флинта, 2005. – 272 с.
17. Иванова, Е.М. Исследования чувства юмора в психологии (обзор) / Е.М. Иванова, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 122–133.
18. Лук, А.Н. О чувстве юмора и остроумии / А.Н. Лук. – М.: Изд-во «Искусство», 1968. – 192 с.

Поступила в редакцию 12.09.2018 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в форма-

те jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;

- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **“Law. Economics. Psychology”** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section **“Materials and Methods”**;
- section **“Results and Discussions”**;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **“Materials and Methods”** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author

(authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **“Results and discussions”** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **“Conclusion”** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The

electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

